

А. Бодарацкая

ЭНЕДГА

ВОИН И СОЛНЦЕ

Непобедимый военачальник жаждет отомстить за убитого побратима, старый знахарь не может разобраться со страшными ошибками прошлого, молодой воин бежит от несправедливого обвинения, а юная девушка с колдовским даром просто стремится спасти друзей. Но над ними сгущаются тучи общей беды — колдунья Зара, выдающая себя за богиню луны, стремится к силе и власти, и одиночкам её не победить. Героям придётся забыть распри и объединить усилия, чтобы не погибнуть.

Пролог. Храм Тааль

...Чужаками мы здесь будем поодиночке:

По круче один не взойдет, а двое — взберутся,

Втрое скрученный канат не скоро порвется,

Два львенка вместе — льва сильнее!

Эпос о Гильгамеше

Девочка огляделась, испуганно хватаясь за старшего товарища. Священное пламя храма раскрашивало кирпичные стены в мрачные кроваво-красные оттенки, чёрные тени дрожали на резных плитах. Лик доброй богини Тааль, высеченный в колонне над жертвенником, казалось, с отвращением взирал на копошение смертных. Нет, она не собиралась помогать, и дети напрасно искали у её ног спасения. Малышка всхлипнула и крепче вцепилась в руку своего единственного защитника.

— Дар-рий... — испуганно прошептала она, призывая мальчишку.

— Убирайтесь! — это прозвучало грозно, слишком грозно для детского голоса.

— Уходи и будешь жить, — холодно отозвался Ашшара, жрец-воитель, жестом приказывая ученикам окружить детей.

— Уходи и будешь жить! — с вызовом передразнил жреца Дарий, поднимая кинжал.

Он казался гораздо старше своих лет и выглядел даже крепче, чем некоторые из учеников Ашшары, но всё же ему было двенадцать. Одной рукой изо всех сил сжимая кинжал, другой он вцепился в крохотную ладошку четырёхлетней светловолосой девочки, в страхе прижавшейся к нему.

— Она предназначена моему богу!

— Убирайся, жрец, или твоя кровь напоит быка Тааль! — голос подростка становился всё более похожим на рык.

— Он любит только воду, — усмехнулся жрец.

— Ничего, твоя кровь ему тоже понравится!..

— Убей его, Таир, — приказал Ашшара старшему ученику, высокому и широкоплечему молодцу лет шестнадцати.

Тот рванулся вперёд, занося меч, но Дарий оказался куда проворнее, чем ученик жреца-воителя. Оттолкнув девочку в сторону, он уклонился от замаха и поднырнул под руку нападавшего, развернулся и резким ударом воткнул кинжал в спину ученика. С застывшим в глазах ужасом тот рухнул на алтарь Тааль, оскверняя его кровью.

Ашшара смотрел на происходящее скорее с любопытством, чем удивлением, и уж тем более нельзя было увидеть в его взгляде испуга. Он снисходительно улыбнулся, признавая ловкость Дария. Но всё-таки он был мальчишкой, совсем маленьким, способным справиться

с учениками, но не со жрецом-воителем. Ашшара, скинув мешавший движениям зелёный жреческий плащ, подался вперёд, одним ловким рывком преодолел расстояние, отделяющее его от Дария.

Черноволосый мальчишка успел увернуться от еле заметного взмаха ножа, дёрнуться и отлететь в сторону, опершись ладонью на подножие жертвенника. «Ловок», — мысленно признал приятно удивлённый Ашшара, прежде чем обманным движением заставил мальчишку рвануться влево, затем сбил его с ног и прижал коленом к полу.

Заломив руки ему за спину и крепко держа их, жрец-воитель приказал ученикам, кивая на застывшую в ужасе малышку:

— Уведите её.

Ученики тут же подхватили ребенка под руки, утаскивая прочь из храма.

— Атаис! — закричал Дарий, отчаянно пытаясь вырваться из цепкой хватки Ашшары.

Когда Атаис выволокли из тёмного храма, Дарий прекратил сопротивляться, и Ашшара отпустил его, держа нож наготове.

— Что с ней будет? — странно взрослым голосом спросил Дарий, переворачиваясь на спину и поднимаясь.

Ярко-зелёные, небывалые для этих краёв, глаза смотрели на жреца-воителя с дикой яростью загнанного зверёныша. Ашшара улыбнулся мирно и даже тепло, но показная доброжелательность ничуть не впечатлила Дария.

— Не важно. А вот ты будешь воином Эллашира, — торжественно объявил жрец.

Глава 1. Побратим великого байру

...Юноша в облачении ученика жрецов вбежал в шатёр, отпихнув удивлённых товарищей. Сидевшие на циновках у огня воины прервали свой разговор и обернулись.

— Байру Асахир! — припав на одно колено, воскликнул ворвавшийся юноша. — Ваш побратим, асу Кангар, он мёртв!..

Повисла тишина, слишком мрачная и невыносимая, чтобы тянуться дольше пары мгновений. Высокий черноволосый воин с ярко-зелёными глазами — военачальник Асахир, которого юноша почтительно именовал «байру» — опустил полный тоски взор к истоптанной земле и приказал:

— Рассказывай.

Юноша принялся взахлёб пересказывать то, что знал. Он хотел привести асу Кангара в лагерь, как и приказал военачальник. Но на пороге комнаты увидел убитого стража и сразу позвал на помощь; ворвавшиеся в спальню воины не нашли никого, кроме мёртвого Кангара — никаких шансов спасти его уже не было. Часть воинов, говорил юноша, отправилась на поиски убийцы, двое обратились за помощью к стражникам градоначальника, а самого юношу отослали предупредить военачальника.

Байру Асахир дослушал, не перебивая, затем сверкнул яростным взглядом и издал хриплый возглас, более напоминавший звериный рык:

— Стражу ко мне!..

До полусмерти напуганный юноша выскочил из шатра, словно им выстрелили из лука. Военачальник теперь молчал, но всякий присутствующий ясно видел: самообладание стоит байру Асахиру тяжёлых усилий.

В лагере началась суматоха; предложивший отправить подмогу воин, отдав необходимые приказы, вернулся к до сих пор неподвижному Асахиру и спросил:

— Думаешь, это градоначальник?..

— Он слишком радушно нас принял, — раздался усталый, хриплый голос Асахира.

— Нам сейчас не хватит сил отомстить. Да и ещё не доказано, что это его вина. Быть может, кто-то хотел отомстить тебе за что-то. Или Кангару.

— У Кангара не было врагов. Не могло быть.

— Но мы не знаем наверняка! Если бы градоначальник хотел убить тебя, разве он принимал бы нас? Он бы не позволил чужим воинам подойти к городу, если хотел убить их предводителя!

— Так или иначе, — выдохнул Асахир, — он обещал охранять моих людей. Он заверял меня в их безопасности. Но Кангар мёртв.

— У нас не хватит сил, — осторожно повторил его соратник. — Все войска Энарана здесь, нас же — три сотни.

— Отправь посыльных в Идшар и Ризайю. Пусть присылают сюда всех воинов, чтс смогут.

— Но байру!..

Асахир резко развернулся, сверкнув пронзительным взглядом необычных зелёных глаз, выхватил один из ножей, что висели у него на поясе, прижал лезвие к ладони, разрезая кожу и позволяя крови оросить клинок.

— Клянусь именем и кровью, клянусь перед землёй, небом и Великой Рекой, что брат мой будет отомщён. Если в этой смерти повинен правитель Энарана, его город захлебнётся кровью!..

Эсин Луганг, градоправитель и верховный жрец Энарана, всем своим видом выражал глубокую скорбь и сочувствие. Это стремилась подчеркнуть и белоснежная траурная туника, и не смазанные маслом волосы. Колесница примчала его в лагерь идшарцев на рассвете — вскоре после того, как весть о смерти асу Кангара долетела до военачальника Асахира.

— Байру Асахир, — великий эсин, градоначальник богатейшего из городов Дарфии приветствовал военачальника поклоном, но это никого не удивило. — Мне сообщили о твоей потере. Весь Энанан скорбит вместе с тобой.

Тело молодого лекаря-асу Кангара, всегда сопровождавшего Асахира во всех походах, теперь лежало на сложенном из тростника и кедровых досок возвышении у входа в шатер. Воины Идшара, подходившие прощаться с товарищем, бросали у его ног золото, стекло и драгоценные заморские пряности. Так прощались с величайшими из воителей, и так байру Асахир велел прощаться со своим побратимом. А у подножия одра покоились тела стражников, не сумевших уберечь Кангара от клинка наёмника. Эсин Луганг невольно поежился, оглядев раны на трупах убитых.

— Слышу и принимаю, — ритуальной фразой отозвался на соболезнования Асахир.

Военачальник сидел на расшитом ковре, задумавшись о чём-то своём и даже не думая встать и поприветствовать знатного правителя.

— Я отправил два десятка стражей на поиски злодея. Мы найдём его, байру, и погибший будет отомщён.

Асахир поднял взгляд. Ледяная усмешка на губах военачальника заставила эсина Луганга вздрогнуть.

— О, Кангар будет отомщен, можешь не сомневаться, эсин.

Асахир произнёс это очень тихо, но каждое слово отчётливо осело в мыслях

энаранского градоправителя. Луганг на мгновение смутился, затем продолжил заготовленную речь:

— Увы, не в моей власти возместить твою потерю, байру. Но я надеюсь, что твоя скорбь не отменит назначенных переговоров.

— Мы покидаем твой город, эсин.

— Но...

— Праху Кангара должно покоиться на родной земле.

— Я понимаю. Это священный долг, байру.

— Но означенную дань мы заберём с собой сейчас.

— Разумеется, байру. Я тотчас пошлю за ней.

Эсин Луганг покинул шатёр под пристальным взглядом Асахира. И почти сразу после ухода высокопоставленного гостя вошёл молодой воин и сообщил, что ещё один энаранец желает видеть идшарского военачальника. На молчаливый вопрос воин ответил:

— Какой-то раб, он говорит, что был ночью во дворце. Говорит, есть что рассказать.

— Приведи.

— Байру Асахир, это может быть опасно. Дай я поговорю с ним, — вмешался один из приближённых, немолодой воин в богатом облачении.

— Нет.

— Что, если его подослали убить тебя?

— Здесь? Сейчас? — снисходительно усмехнулся Асахир. — Среди моих воинов?

Тот потупил взгляд.

В шатёр незнакомца всё-таки втокнули, словно забыв, что он пришёл по своей воле. Молодой человек, худой, небогато одетый, подпоясанный верёвкой — раб. Пошатнувшись, он устоял на ногах, огляделся и отметил взглядом байру Асахира. Раб нервным движением взъерошил волосы и произнёс, низко кланяясь:

— Да хранят вас все боги, добрый господин.

— Кто ты и с чем пожаловал? — спокойно отозвался Асахир.

В глазах пришедшего сверкал странный, едва заметный огонёк обиды. Раб нервно и затравленно озирался по сторонам, хотя старался казаться гордым, задирая кверху подбородок.

— Меня называют Кимом, рабом эсина Луганга, — губ прищельца коснулась горькая, болезненная усмешка. — Я пришёл рассказать вам, господин, о той ночи, когда погиб ваш побратим. Рассказать, кто повинен в этом.

— Не так сложно узнать правду, — задумчиво проговорил Асахир. — Всегда найдётся предатель.

— Предать можно тех, кому клялся в верности, тех, кого обещал любить, — возразил раб. — Я всегда ненавидел Луганга и не вижу здесь своей вины.

— Стало быть, ты обвиняешь в смерти Кангара своего господина?

— Я видел убийцу. Он шёл по дому, как по улице родного города. Ни один стражник не преградил ему путь. Он ушёл, и, должно быть, слишком далеко, чтобы ваши воины могли догнать его. Но нанял его Луганг — иначе он не прошёл бы внутрь дворца. Пешком, нимало не смущаясь.

По лицу Асахира сложно было сказать, какие чувства вызывает в нём речь раба. Военачальник казался невозмутимым, в зелёных глазах не угадывалось ни интереса, ни равнодушия, ни каких бы то ни было переживаний. Он неподвижно сидел, глядя на

пришедшего, и, казалось, думал о чём-то совсем другом.

— Ты хочешь награды? — поинтересовался один из приближённых идшарского военачальника.

— Я хочу, чтобы Луганг умер, господин. И буду счастлив, если смогу увидеть его смерть.

А Асахир произнёс:

— Скажи, ты можешь доказать свои слова?

— Я могу лишь поклясться перед лицом всех богов, что говорю то, что видел собственными глазами, — он на пару мгновений опустил веки, вспоминая слова нерушимой клятвы, и затем медленно проговорил: — Водами Великой Реки, чёрной землёй царства Хеды, светом Аарки-луны, плугом Великого Пахаря и своей душой я клянусь, что видел, как ночной охотник шёл мимо верных Лугангу стражей, и его пропустили без слов и сомнений.

Молчание длилось недолго, Асахир, казалось, ждал, что ещё скажет раб, и тот продолжил:

— Я скажу ещё: о неугодных эсину Лугангу всегда печётся Арнунна, сын Кадара, верховный судья. Я знаю, это он помог эсину воплотить задуманное. И от него ты узнал бы больше... если бы смог вытащить его из дома.

— Ты сможешь вернуться незамеченным? — спросил Асахир.

— Смог же я прийти сюда, никем не увиденный.

— Хорошо. Возвращайся, Ким. Если твои слова правдивы, то скоро ты будешь свободен.

Тот вновь низко поклонился и вышел; один из советников Асахира недовольно произнёс:

— Почему ты его отпустил?

— Если эсин поймёт, что он был здесь, нам уже ничего не узнать. Надо уходить прочь от Энарана, пока не придут остальные отряды. Анутма, разыщи этого судью.

— Только разыскать? — на всякий случай уточнил один из воинов, названный Анутмой. Асахир кивнул.

Они снялись с места после полудня и шли весь вечер, удаляясь от Энарана и реки, а к темноте остановились в поле возле деревеньки с ячменными полями вокруг. Идшарцы разбили здесь лагерь; кто-то вбивал колья в землю, кто-то ставил шатры, кто-то отправился к прорытому каналу, несущему сюда воды Великой Реки. А сам военачальник Асахир и его ближайшие товарищи окружили повозку с телом умершего лекаря.

Огонь факела, что держал в руке один из воинов, легонько лизнул доски. Пламя взвилось вверх, охватывая погребальное ложе. Асахир смотрел в другую сторону.

...Руки раба, распластавшегося на каменном полу, были связаны за спиной. Управляющий стоял позади с кнутом наготове.

— Как ты прошёл в стан идшарцев, Ким? — грозно вопрошал эсин Луганг, сидевший чуть поодаль и наблюдавший за мучениями предателя.

— Пешком, — буркнул Ким.

Свист хлыста и звук удара. Тихий стон истерзанного раба. И снова вопросы.

— Что ты сказал Асахиру?! — требовал эсин.

Следующие слова раб выплюнул вместе с собственной кровью. Прохрипел, глядя в глаза

градоначальника:

— То, что восстановит справедливость. Думал, я смирился тогда? Я просто ждал... Вы оба заплатите. За всё, что сделали с моей семьёй. Давай, убивай меня. Байру Асахир узнает об этом и убедится, что я говорил правду. Байру умеет мстить...

— Что ты ему сказал?!

Истязание прервало появление вбежавшего сквозь резную арку слуги, доложившего:

— Повелитель!.. Воины Асахира не ушли в Идшар, они разбили лагерь возле Халета!..

Раб криво усмехнулся, а эсин побледнел.

Когда срочно вызванные советники эсина — молодой энаранский военачальник Радан и верховный судья Арнунна — прибыли во дворец верховного жреца и градоначальника, Луганг метался из угла в угол, то и дело выдавая гневные реплики. Пришедшие, в свою очередь, молча уселись на низких скамьях, хмуро переглядывались и ожидали, когда эсин немного успокоится и будет готов рассуждать и слушать.

— Ну? — наконец резко остановившись, спросил эсин. — И что скажете?

— Время ещё есть — без подкрепления Асахир не станет нападать, а из Идшара до Энарана воины доберутся только через несколько дней... У нас одна возможность спасти город — напасть сейчас, пока у Асахира три сотни воинов, — первым высказал предположение энаранский военачальник, байру Радан. — Подмога от Идшара будет идти дней пять-шесть — в лучшем для них случае. Велите сейчас, и я к вечеру соберу полторы тысячи наших людей. С таким преимуществом мы запросто выиграем битву там, у Халета.

— А что будет потом, когда придут остальные войска? У Идшара, как я слышал, три тысячи воителей. А ведь есть и союзники. Если Ората...

— Союзники есть и у нас, эсин. Отправим гонцов в Рамикан и Даар-Хад. К приходу идшарских войск они успеют прибыть в город. Слава Идшара — это слава Асахира. Узнав, что байру разгромлен, другие города Дарфии не побоятся выступить против зазнавшихся жрецов Эллашира.

— А ты, Арнунна? — эсин повернулся к судье. — Что думаешь ты?

— Что байру Радан, конечно, лучше меня знает, как поступить. Я законник, а не воин... Вот только много ли войн прежде видел байру? Много ли побед одержал?

— Девять раз побеждал врагов мой отец, — хмуро буркнул в ответ Радан. — И кое-чему всё-таки научил меня.

— Это так, — согласился Арнунна. — Отец твой был отличным полководцем. Только он мёртв, а в бой нас поведёшь ты... В бой с Идшаром, чьё величие и в прежние времена было непревзойдённо, а теперь... У скал, в ущельях численное преимущество не покажется столь уж значительным. Наши воины отважны, но идшарцы им не по зубам. Нет, эсин, я бы предпочёл переговоры. Надо найти убийцу Кангара. Оправдать себя перед Асахиром, отдав ему другую жертву.

— Но ведь... — перебил Радан.

— ...Ведь кто угодно сознается в чём угодно, если как следует... уговорить. А если нет, — продолжил Арнунна, не обращая внимания, — всё равно есть путь мира. Всё же не байру Асахир — правитель Идшара, а эсин Арсак. К нему надо слать гонцов. Байру Асахир может жаждать мести, но захочет ли войны эсин? Ведь Энаран тоже велик, и воинов у нас немало, и подмога придёт из других городов... К чему рисковать? Отправь гонцов в Идшар, посватай за своего брата дочь Арсака.

Эсин задумался, прикрыв глаза. Арнунна и Радан терпеливо ждали, пока градоправитель примет решение.

— Собирай воинов, Радан, — наконец решил он. — Это точно не помешает. А я пойду в храм, принесу жертву Ирутару и попрошу совета у него.

Глава 2. Милость Эллашира

Священный огонь у алтаря Ирутара взметнулся высоким столбом, обнимая жертвенную птицу. Храмовая провидица узрела в дыму силуэт льва, и жрец-правитель счёл то добрым знамением. Объявив с балкона храма о дарованном благословении, эсин Луганг приказал выступать.

Немалое войско Энарана — две сотни копьеносцев и тысяча мечников — покинуло город в полдень. Деревушка Халет, где, как сообщали разведчики, стоял лагерь идшарцев, была совсем недалеко отсюда, и отряды воителей, не отягощённые повозками и мешками с припасами, устремились к опасным гостям.

Шатры сынов смертоносного Эллашира показались вдали, у подножия скал, где когда-то были медные копи, ныне заброшенные; байру Радан, ехавший в колеснице впереди своего войска, подал знак остановиться. Первым к стану идшарцев, как полагалось освящённым обычаем, был отправлен гонец.

Отряд Асахира вышел навстречу явившимся раньше, чем энаранский полководец закончил свою речь, коей старался вдохновить своих воинов. Хоть идшарцы и впрямь в разы уступали численностью прибывшим энаранцам, байру Радан на несколько мгновений засомневался в своём решении, наблюдая, как приближаются враги.

Доспехи идшарцев, как и их оружие, сильно отличались от одежд воинов других городов. Воители Эллашира были облачены в кожаные штаны и длинные туники, укрепленные кусками кожи и металлическими пластинами; каждый идшарец, помимо меча и нескольких ножей, был вооружен парой-тройкой метательных дротиков.

При этом идшарцы несли тяжёлую и жаркую броню так, будто это были легчайшие туники из шёлка, словно не чувствуя ни жары, ни усталости. Шли ровным строем и размеренным шагом, ничуть не смущаясь огромной армии врага.

Колесница байру Радана вновь устремилась вперёд, влекомая четырьмя впряжёнными онаграми; байру Асахир выступил ему навстречу пешком и, подойдя достаточно близко, нарочито уткнул остриё тяжёлого копья в измученную жарой землю.

— Приветствую тебя, Радан, — спокойно произнёс Асахир, пристально и изучающе глядя на соперника.

— Эсин Луганг удивлён и огорчён полученными известиями, и потому послал меня спросить: отчего воины Идшара не отправились домой, как обещали, а без спроса остались на энаранской земле?

— Вижу, много людей надо, чтобы задать единственный вопрос, — Асахир окинул насмешливым взглядом войско Радана.

— Покиньте пределы энаранских владений, поклянитесь впредь не пересекать их с оружием — и мы разойдёмся, не пролив крови!

— Есть и мне, что сказать. Пусть эсин Луганг прибудет сюда и даст мне ответ за пролитую кровь брата. Если он не трус, пусть расплатится сам. Если же он откажется, твои люди, Радан, погибнут, а от Энарана не останется и камня.

Радан помолчал, не нарушал тишины и Асахир. Но вскоре Радан громко объявил,

обращаясь скорее к своим воинам, чем к собеседнику:

— Тогда готовьтесь к бою!..

Военачальники вернулись в строй; ещё некоторое время два войска просто стояли друг напротив друга, пытаясь привлечь милость богов и смутить противника угрожающими выкриками и потрясанием оружием. Наконец Радан первым закричал, поднимая копьё:

— В бой!..

Мечники устремились вперёд; до строя врагов им оставалось чуть больше десятка шагов, когда громкий голос Асахира повелел:

— Поднять щиты!..

Приказ подхватили ещё несколько голосов; в мгновение ока первые ряды идшарцев-щитоносцев резко опустились на колени, поднимая вверх тяжёлые щиты, обитые кожей и укрепленные медью. Войско Асахира словно обратилось в огромную живую крепость, защищенную надёжными стенами.

Неведь откуда обрушился град из камней, стрел и дротиков. Воины Радана падали, поражённые снарядами; избежавшие гибели метались, нарушая строй. Грохот, свист, лязг и крики. Радан никак не ждал, что идшарцы, славные своей отвагой, проявят подобную трусость и подлость — использовать оружие дальнего боя повелениями богов и сложившимися законами чести разрешалось лишь при защите городов и селений.

— Поднять щиты! Поднять щиты!.. — отчаянно кричал Радан, но лишь немногие из мечников Энарана были вооружены заслонами, да и были они не в пример идшарским — лёгкие и круглые деревянные щитки совсем небольших размеров, что годились для блокирования ударов, но не для спасения от летевших со всех сторон снарядов.

Страшный град закончился почти так же одновременно, как и начался, когда энананцы всё же добрались до первых рядов противников. Идшарцы отбросили щиты и рванулись вперёд с мечами и копьями. Байру Асахир сражался в первых рядах, и Радан, увидев военачальника в толпе, направился к нему, пробиваясь сквозь союзников и врагов.

Первая сулица, брошенная Раданом в Асахира, пролетела мимо; полёт второго короткого дротика был прерван поднятым вовремя щитом. Военачальник идшарцев отшвырнул в сторону энананского мечника, которого за мгновение до этого пронзил коротким мечом. Оглянувшись вокруг, Асахир заметил Радана и рванулся к нему навстречу.

Расстояние между ними сокращалось слишком быстро, будто сражавшиеся вокруг расступались, пропуская своих полководцев; Радан знал, что это не так, но прочий мир словно угасал, теряя краски и звуки. Молодой военачальник Энарана слышал достаточно много о своём враге, и сейчас приближение Асахира вызывало в душе страх, отчетливо отразившийся в прищуренных глазах Радана. Он чувствовал, что смерть, облетающая поле брани, метнулась к нему. Однако сдаваться было ещё рано, и Радан поднял меч и щит, уцепившись за них, как тонущий хватается за тонкую тростинку.

Предводитель энананцев стоял в окружении своих людей, но они были слишком заняты спасением собственных жизней. Байру Асахир мечом прорубал себе путь к застывшему на месте Радану, кривя уголок губ в еле заметной усмешке.

Эта ухмылка, как ни странно, возвратила Радану решимость. Он схватил висевший на поясе рог, протрубил в него и рванулся вперёд, замахиваясь коротким мечом. Но это было ошибкой — громкий звук привлёк внимание других бойцов, и, когда байру Асахир мощным ударом щита опрокинул Радана на землю, энананцы потеряли последние капли отваги, а

идшарцы, напротив, с новыми силами устремились в наступление.

Пращники и лучники из предавшего обет дружбы с Энараном Арка тем временем покинули склоны скал, обошли войско Радана сбоку и теперь расстреливали задние ряды энаранцев.

Асахир пнул лежащего в песке Радана, скорчившегося от боли, острием меча подтолкнул к нему выпавший из рук энаранца рог и приказал:

— Сдавайтесь. Пощадим.

Ещё пару мгновений Радан упрямо не шевелился, затем поддался слабости и поднёс рог к губам.

Короткие гудки поражения пронесли над полем битвы, веля сдаваться. Гул подхватили энаранские сотники, и через несколько мгновений энаранцы опустили к земле мечи и копья, пятясь назад. Идшарцы тоже замерли, ожидая приказа байру.

Асахир поднял вверх щит, и его сотники протрубили сигнал не добивать врагов. Военачальник Идшара громко провозгласил:

— Воины Энарана! Возвращайтесь домой. Передайте всем, что длань Эллашира не коснётся вашего города, если эсин Луганг прибудет ко мне сам.

Те понадеялись на честность идшарцев, поворачиваясь, и отправились прочь — кто торопливо, почти бегом, кто неспешно, устало. Аркские пращники и стрелки напрасно ждали сигнала к атаке — Асахир вовсе не собирался расстреливать отступившее войско в спину.

Опустив взгляд и встретившись взором с Раданом, лежавшим на земле у ног байру, без сил подняться, Асахир вытянул руку в сторону, и кто-то из подошедших идшарцев вложил ему в ладонь копьё. Асахир занёс оружие, чтобы добить поверженного военачальника, но тот, собравшись с последними силами, вдруг рванулся и, схватив брошенный рядом дротик, молниеносно подался вверх, мощным тычком пробивая доспех врага.

Удар копья Асахира был смертельным, и Радан меньше мгновения спустя уже лежал неподвижно, не зная, насколько точной была его собственная атака.

Байру Асахир пошатнулся, схватившись за древко вонзившейся в плечо сулицы, и резким движением выдернул её, отбрасывая в сторону. Кровь хлынула из раны, окрашивая укреплённую медными и костяными пластинами кожаную тунику. Воины тут же обступили его, кто-то побежал за лекарями, уже покинувшими лагерь и вышедшими к полю боя; Асахир, оседая на землю, пробормотал похвалы последнему удару Радана, щедро перемешав их с бесстыдной бранью.

Глава 3. Заступница

Нунне было семнадцать лет, и он был воином. Пусть ещё слишком молодым и неопытным, не заставшим ни одного настоящего сражения — слишком мирно жил Энаран уже долгие годы, — но всё же. И потому Нунне было до боли обидно, когда в преддверии войны отец приказал ему покинуть Энаран вместе с младшей сестрой и юной невестой.

Однако ослушаться приказа отца Нунна не посмел. Кое-как юноша убедил себя, что покидает город не из трусости, а чтобы позаботиться об этих двух беззащитных девушках.

Если бы Нунна знал, насколько плохо слова «беззащитная девушка» подходят к его невесте!.. Но с Энеатой он познакомился только на днях, когда она приехала на смотрины из своего города. И пока ничего подозрительного в ней не заметил. Конечно, внешность её показалась странной — никогда раньше Нунна не встречал голубых и таких круглых глаз. Но

в целом Энеата выглядела просто милой чужеземкой.

Энеата была сиротой, воспитанницей старого лекаря, давнего друга отца Нунны. Родители ещё давно договорились поженить Энеату и Нунну, и недавно начали готовиться к свадьбе.

Только сначала лекарю Хурсану пришлось уехать в отдалённую деревню по каким-то срочным делам, а потом погиб побратим Асахира, и вместо обручения пришлось бежать прочь.

В городах, раскинувшихся на берегах Великой Реки, ночи были невообразимо хороши; приторно-сладкие, терпкие ароматы лилий и сладких плодов, которыми наполнились сады жителей, смешивались с дувшим с воды лёгким, свежим ветерком, насыщаясь прохладой и влагой. В иссиня-черном небе горели россыпи звёзд, во мраке улиц изредка мелькали тени припозднившихся горожан, волны Великой Реки плескались и журчали, тихо шуршали пальмы и тростники. Светлые стены домов таинственными очертаниями виднелись в темноте, раскрашенные пятнами цветущих деревьев, даже в полночи поражавшие яркостью сочных, выразительных красок.

Нунна смотрел на прекрасный город с высокого холма, прощаясь тоскливым взглядом — надолго или навсегда. Они ушли уже довольно далеко от родного дома: он, его младшая сестра Фазмира и невеста Энеата.

Впереди и по бокам от повозки вышагивали слуги и рабы. Они несли факелы, освещая ими путь в ночи; мощёная дорога с высаженными по обочинам рядами пальм вела беглецов прочь от цветущего города.

Погрузив свои вещи на повозку, Энеата шагала рядом, хотя Нунна предложил ей сесть и ехать.

— Твой вес быки даже не почуют, — хмыкнул он. — Тебя что, давно не кормили?

— Я всегда такой была, — буркнула себе под нос Энеата.

— Не говори глупостей, Нунна, — вмешалась Фазмира, младшая сестра Нунны, совсем не похожая на блёклую Энеату черноволосая красавица.

Нунна, передразнивая скрип колёс телеги, издал звук, похожий не то на смешок, не то на свист, и начал что-то рассказывать, но девушки его, кажется, не слушали — обе думали о своём, хоть и вежливо кивали.

Вдруг порыв ветра донёс тихий отзвук тревожного рога, и все путешественники встрепенулись.

— Призыв, — тихо пояснил Нунна, отвечая на безмолвный вопрос в глазах Энеаты. — Созывают воинов.

Долгое время после высказывания Нунны никто не решался заговорить. До заставы ехали молча; когда к беглецам приблизились четверо воинов — судя по пустующей башенке, только они и остались на страже границ Энарана — Нунна заговорил с ними. Сын судьи сообщил, что они отправляются в Арк попросить у отца Энеаты благословения и обручиться; стражники покивали и пропустили без дальнейших вопросов.

— Должно быть, остальных уже призвали в Энаран, — тихо заметила Фазмира, когда они отъехали от заставы на порядочное расстояние.

— Должно быть, — согласился Нунна. — Отец сказал, гонцов по округе отправили вчерашним днём.

— По-моему, байру Радан слишком молод для военачальника, — решила вдруг высказать своё мнение Энеата.

— Асахир младше байру Радана, — снисходительно глянув на асу, ответил Нунна. — И слава его затмевает венцы многих воителей древности.

— Младше? — удивилась Фазмира. — Подожди-ка, разве байру Радану не двадцать пять?

— Да, — Нунна кивнул.

— Байру Асахиму гораздо больше! — уверенно заявила дочь судьи. — Я видела его издалека, когда они проходили по городу.

— Ему двадцать четыре, как говорят, — возразил Нунна. — Но он ведь найдёныш, никто не знает, сколько ему на самом деле.

— Двадцать четыре? — не поверила Фазмира. — Брось. Он выглядит гораздо старше. Весь в шрамах и такой суровый.

— Байру Асахир повидал много сражений, — сложно было не заметить, что в голосе Нунны звучит уважение с примесью зависти. — Хотел бы я быть таким.

Застава города Арк смутила путешественников такой же немногочисленностью, что и пограничная башня Энарана. Пятеро стражей, хмуро оглядывавшие приближающихся странников, похоже, были единственными обитателями небольшого укрепления у дороги. Ответив на вопросы охранников, беглецы проехали дальше; когда башня и двор остались на достаточном расстоянии, а впереди на холме уже виднелись стены Арка, Нунна вслух произнёс мучившую его мысль:

— А в Арке-то отчего могли собрать воинов?..

— Наверное, эсин уже прислал сюда гонца с просьбой помощи, — беззаботно отозвалась Фазмира.

— Эсин Арка клялся в вечной дружбе отцу Луганга, у них договорённости о поддержке, — подтвердила Эне.

— Но брат сказал, что у идшарцев здесь три сотни, а у нас полторы тысячи... Зачем ещё помощь?.. — растерянный взгляд Нунны передал его тревогу спутницам.

— Ну, может быть, они сами... — неуверенно начала Фазмира.

...Арк был в разы меньше и беднее Энарана, хотя располагался совсем недалеко. Нунна был здесь впервые, и после родного города Арк казался жалким захолустьем. Все жилые дома Арка свободно умещались внутри невысоких глинобитных городских стен, пригорода не было; беглецы прошли до дома Энеаты, встретив от силы десятков человек.

Дом, где жила Энеата, располагался в самом центре города и по местным меркам считался богатым и просторным. Два этажа, обнесённый крепкой стеной сад с колодцем, пара хозяйственных пристроек и отдельно построенная лавка, в которой старый лекарь Хурсан, опекун и наставник Энеаты, продавал лекарства. Нунна, однако, смотрел на такое богатство несколько свысока — дом верховного судьи был куда роскошнее.

У ворот дома прибывших встретил управитель имения, вольноотпущенник Амар.

— Госпожа! — обрадовался он Энеате, отпирая двери и впуская гостей внутрь. — Хвала всем богам! Мы так боялись, что вы останетесь в Энароне!..

— Здравствуй, Амар! — Эне обняла управителя, словно он был ей родственником, а затем, отодвинувшись, спросила: — Тревожные новости уже дошли до Арка?

— А то как же. Гонцы байру Асахира прибыли ещё вчера утром.

— Гонцы Асахира?.. — встрял Нунна.

— Ну да. Байру требовал дать ему воинов, и эсин отправил пять сотен пращников и

полторы сотни стрелков. Мы так боялись, госпожа, что вы не успеете покинуть Энаран!..

— Воины Арка отправились служить Асахиру?! — выкрикнул Нунна.

— Ну да, — косо посмотрел на него Амар.

Фазмира нервным жестом прижала ладонь к губам; Нунна воззрился на управляющего именем, как на своего кровного врага, а Энеата растерянно переводила взгляд с одного на другого.

— Я должен предупредить отца!.. — наконец произнёс Нунна.

— Вас не пропустят обратно через заставу, юный господин, — покачал головой Амар.

Юноша прикусил губу, судорожно размышляя.

Второй этаж дома Хурсана и Энеаты скорее напоминал тростниковый шалаш, поставленный на плоской крыше. Здесь старик и его воспитанница сушили лекарственные растения и собранные в саду плоды, здесь же спала Эне, постелив набитое кудельками одеяло на тростниковую циновку. Сегодня ароматы целебных трав ничуть не успокаивали Энеату, и девушка бодрствовала, сидя на этом подобии кровати, поджав и обхватив руками колени.

Близился рассвет, а юная знахарка всё не могла перестать думать. Несмотря на изученное ремесло и заботу о большом доме и саде, воспитанница целителя оставалась в душе маленькой девочкой, живущей одним днём и перекладывающей бремя всех житейских вопросов на плечи своего наставника. Теперь старый лекарь покинул её, оставив безраздельной госпожой над лавкой и хозяйством, и, хотя по сути всеми делами занимался вольноотпущенник Амар, Энеата чувствовала странную тревогу и даже страх из-за свалившейся на хрупкие плечи ответственности.

Прибывших гостей из Энарана кое-как разместили в не слишком большом доме; Нунну поселили в комнате Хурсана, Фазмира пристроилась на втором этаже вместе с Энеатой, служанке и её супругу-слуге пришлось спать в кухне, а двоих рабов и вовсе отправили ночевать в овине.

К утру, когда уже светало, Энеате всё же удалось задремать, но вскоре её разбудила Фазмира.

— Эне! — взволнованно позвала она. — Эне, беда!.. Стражники хотят увести Нунну!..

Энеата с трудом разлепила заспанные глаза, поднимаясь и потирая ладонями веки.

— Чего? — пробормотала она, воззрившись на гостью.

— Нунна! Помоги же нам! Они говорят, что их прислал эсин...

Энеата вскочила, торопливо натянула подобающее дню одеяние и помчалась за Фазмирой вниз, во двор.

Энеата старалась хотя бы казаться спокойной и рассудительной, но волнение всё сильнее охватывало её. Хотя с детьми энаранского судьи она познакомилась совсем недавно, Энеата переживала о них даже сильнее, чем могла бы о ком-то давно известном.

У открытых ворот столпились и слуги, и праздные соседи, наблюдавшие за происходящим. Несколько стражей города уводили прочь Нунну. Энеата попыталась их остановить, но ей удалось лишь ненадолго задержать одного из стражей, своего давнего знакомого, и быстро его расспросить.

Тот сообщил, что чуть раньше некий Нунна пытался покинуть город, но выходы были уже перекрыты. А у стражников был приказ задерживать всех, кто прибыл из Энарана,

особенно представителей знатных родов.

— Я могу узнать у эсина, в чем дело? — поинтересовалась Энеата.

— Вы можете попробовать, госпожа асу, но вряд ли вас допустят к эсину.

— Ничего, я поговорю с кем-нибудь, к кому допустят, — Энеата начинала раздражаться, и старалась глубоко и медленно дышать, как учил её Хурсан — чтобы сдерживать растущую ярость.

Стражник развел руками, не найдя возражений.

Уважение жителей Арка к имени Хурсана в очередной раз помогло Энеате. Её без сомнений пропустили к верховному судье, и тот уделил достаточно времени, чтобы объяснить: предавший дружбу с Энараром эсин Арка присягнул на верность Идшару, и отныне выполняет все приказы, идущие оттуда. А среди прочих пожеланий военачальника Асахира было и требование сообщать всё, что станет известно о высокородных горожанах Энарара. О семействах эсина и верховного судьи и вовсе оговорили особо, и потому Нунну решили отправить к стану идшарцев.

К счастью, Энеате верили. Услышав из её уст, что кроме Нунны прибыли только слуги, проверять не стали — Фазмира была в безопасности. Юная асу вернулась домой, чтобы предупредить Фазмиру и собрать кое-какие вещи, а затем устремилась вслед за Нунной.

Старик Хурсан никогда не уставал напоминать Энеате об опасностях, таящихся в колдовстве. Он обучал её упорно и требовательно, но все занятия сопровождалось запретами на любое проявление силы при свидетелях. Он говорил, что люди не поймут, не примут, отвернутся от неё, если она хоть в чём-то будет отличаться от них; по этой же причине он заставлял чужеземную сиротку с детства красить волосы смесью трав, превращающей её рыже-медовые волосы в чёрные.

И Энеата в этом вопросе слушалась наставника беспрекословно — вероятно, потому, что только в этом старик Хурсан был так настойчив.

Соседи любили молодую асу, всегда доброжелательную, приветливую и заботливую, и охотно доверяли ей лечение близких, несмотря на совсем ещё юный возраст целительницы; однако посплетничать о судьбе «бедняжки» не стеснялись даже в её присутствии. Круглые светлые глаза, не стыдясь, называли «рыбьими», укоряли за слишком бледную кожу и худую, почти тощую фигурку, открыто говорили, что шансов выдать такую замухрышку замуж у Хурсана нет даже при столь щедром приданом и добром имени.

Что бы сказали снисходительные соседки, если бы видели Энеату вместе с красавцем Нунной!.. Эти мысли неустанно лезли в голову Энеаты, пока она старалась незаметно пройти по улицам к воротам, и девушка постоянно встряхивала головой, как будто надеясь, что идеи и мечтания просто упадут с головы вместе с постоянно съезжавшим с волос покрывалом. Она не могла позволить себе просто сидеть и ждать, пока с Нунной что-нибудь случится.

Энеата была уверена: Нунна не может быть в чём-то повинен, власти Арка просто напутали. Но успеют ли разобраться идшарцы, славные пылкостью нрава? Бежать. Укрыть. Дождаться в безопасности, пока идшарцы уйдут домой...

Энеата научилась скрываться от чужих глаз ещё в детстве, до встречи с Хурсаном, когда пряталась от недобрых людей и хищных зверей. И сейчас она вышагивала чуть в стороне от пыльной дороги, скрытая мороком и уверенная, что семеро стражей, ведущих Нунну в

сторону Закатных скал, не увидят её, пока она сама того не захочет.

Как же она ненавидела палящее южное солнце! С каким удовольствием Энеата скрылась бы от невыносимого зноя под сенью персикового сада или в тени увитой зеленью стены... Но надо было идти вперёд, не отставая, выжидая удачный случай.

Вскоре стражники остановились на отдых, разместившись возле нескольких чахлах деревьев, дававших какую-никакую, но тень. Подойти близко Эне не решалась, а в отдалении, как на зло, не было ни единой ветки. Солнце нестерпимо жгло, и девушка решила, что ждать больше не может.

Томный морок превратил раскалённый воздух в густой туман, окутавший стражей. Один за другим воины Арка, теряя силы, закрыли глаза, падая на землю. Энеата бегом рванулась вперёд, почти что подлетела к Нунне, единственному здесь оставшемуся в сознании, и резко разрезала опутавшие запястья жениха верёвки вынутым из поясной сумки ножом.

— Бежим быстрее, пока они не очнулись, — оттараторила Энеата, потянув его за руку и нервным жестом указывая направление — прочь от Арка вдоль скал.

— Эне?.. — округлившись от ужаса глазами пробормотал Нунна, уставившись на чародейку.

— Надо успеть скрыться! — Эне начала сердиться на опешившего от испуга Нунну, а тот никак не мог осознать произошедшего. Через несколько мгновений он наконец немного пришёл в себя и побежал следом за мчащейся Энеатой.

Под сенью скал они остановились, так как Эне без сил рухнула бы на камни, если бы Нунна не успел её подхватить и бережно усадить, поддерживая под руки.

Девушка вытащила из сумки флягу и пригубила, после чего сбивчивым голосом виновато произнесла:

— Не выношу жары.

Нунна молча присел рядом, совсем нерадостно оглядывая спутницу и не решаясь задавать вопросы.

— У нас есть несколько минут на отдых. Не могу идти... Стражники очнутся не слишком скоро...

— Энеата... — неуверенно начал Нунна. Эне подняла голову, ожидая его слов. — Они сначала гонцов послали. Воины Асахира обещали прийти навстречу. Надо бы скрыться понадежнее...

— Ох... Это очень плохо. Пойдём, я покажу тебе старые копи, через один из туннелей можно пройти насквозь.

Нунна помог ей подняться, и они зашагали дальше, хотя Эне еле волочила ноги, опираясь обеими руками на локоть молодого энанца.

— И всё же, Эне, что произошло?.. Почему они заснули, и что это за страшный туман?.. — спросил Нунна, когда они уже подошли к подножию и начали карабкаться к одному из наиболее доступно выглядящих мест.

— Колдовство. Да, это я сделала. Больше вопросов не задавай, — строго ответила Эне, но Нунне, похоже, этого и было достаточно.

Эти скалы прозвали в народе Закатными из-за красноватого оттенка каменной породы; в разговоре их всегда называли только этим поэтичным названием, хотя все карты и древние предания величали их горами Хатор. Издалека, если смотреть со стороны Арка, скалы виделись неприступной огромной крепостью с отвесными склонами, но вблизи становилось

ясно, что среди песчаниковых стен прорезаны сотни и тысячи ходов, лазеек и мелких расселин. А возле руин двух маленьких домиков-складов, здесь же, недалеко от Арка, начинались Хаторские медные копи, давно заброшенные, но когда-то принесшие Арку немало богатства. Именно сюда и вела Нунну Энеата, надеясь укрыть от посторонних глаз.

— Я не могу отлучиться надолго, Нунна, — с огромным трудом вкарабкавшись, наконец, на выступ над одним из входов, вновь начала говорить Энеата. — Поэтому доведу тебя только до входа в нужный лаз.

Нунна, взбиравшийся по склону позади Энеаты, влетел на уступ без особых усилий, уцепившись обеими руками за край и втянувшись следом. Отряхнув запылившуюся одежду, юноша коротко кивнул.

Энеата подошла к краю, чтобы посмотреть на покинутых стражников. Там, внизу, на месте стоянки, остались только двое; Энеата судорожно вздохнула, испугавшись слишком быстрому пробуждению. Вдруг они успеют позвать подмогу и перехватить по пути...

Но, повернувшись в другую сторону, Энеата тут же застыла, как изваяние. С другой стороны большой расселины по склону быстро спускались воины в боевом идшарском облачении, и их было не меньше десятка. Вместе с ними шагали и двое стражей из сопровождения Нунны. И вот один из стражей поднял голову и посмотрел прямо на Энеату. Тут же раздался возглас, и кто-то показал рукой на склон, призывая других воинов бежать сюда.

— Видели... — обречённо прошептала Энеата, дернувшись назад и прячась за поворотом. — Нунна!..

Судя по выражению лица Нунны, он тоже заметил приближающуюся опасность.

— Нунна! Слушай меня! В Энаран идти нельзя. В Арк тоже! Перехватят на пути. Беги! Карауд — это деревня недалеко от Эрисума, ну знаешь, караудское вино... Ты знаешь, в какую сторону отсюда Эрисум?

Нунна кивнул, затем спросил:

— Думаешь, тебя не разглядели? Лучше бы нам теперь обоим бежать.

— Нет. Мне надо вернуться в Арк и позаботиться о Фазмире. Тут в сумке деньги, немного еды и воды... Ты беги. Не переживай, меня не отыщут.

— Но...

— Сюда! — она схватила его за руку и потащила вперёд, к зияющему чернотой проходу в скале.

Юркнув внутрь, Энеата взметнула ладонь, и яркий свет сорвался с кончиков пальцев и озарил копи.

— Бегом! — поторопила она Нунну.

Юноша, похоже, теперь боялся своей невесты даже сильнее, чем идшарских преследователей, но всё же шагал следом.

Они бежали по извилистому ходу, чудом не переломав ноги среди куч камней и торчащих выступов, пока за следующим поворотом не увидели сияющий дневным светом выход. Огонёк в руке девушки погас, и она остановилась.

— Иди прямо, всегда прямо, пока не кончатся скалы... Там легко скрыться! В Карауде сейчас дедушка Хурсан. Объяснишь ему всё, он поможет. Иди вдоль скал! К реке поворачивай, только когда они кончатся, иначе тебя заметят! На берегу прибьёшься к каким-нибудь торговцам и дойдёшь до Эрисума, а там уже разберёшься... Карауд! Ищи старосту Рамзаша, дедушка Хурсан живёт у него. Староста Рамзаш, запомни! Теперь беги.

— Ты точно...

— Да! — почти что рывкнула Энеата.

Опешивший от неожиданности Нунна уже через мгновение пришёл в себя и, в порыве подавшись вперёд, крепко обнял Энеату.

— Я справлюсь, — с улыбкой пообещала девушка, вновь говоря знакомым нежным и кротким голосом. — Это просто. Но ты беги быстрее.

— Да хранят тебя все боги всех миров, асу, — произнёс Нунна.

— Беги в Карауд, пожалуйста!..

Энеата выскользнула из его рук и развернулась. Услышала, как удалялись его шаги и приближались чужие.

Дедушка Хурсан всё же научил её многому, хоть и каждый раз напоминал, что колдовать она должна лишь при самой острой необходимости. Юная целительница сочла, что сейчас именно такой случай — ведь речь шла о судьбе человека, уже ставшего ей близким.

Преследователи вскоре показались из-за поворота, как-то слишком быстро приближаясь. Но асу Энеата успела соткать заклятие.

Густой тёмно-серый туман вмиг поднялся от земли и заполнил пространство, за клубился среди камней, закрывая обзор и нападавшим, и защищавшейся. Откуда-то не то сзади, не то сверху из-под мрачных сводов раздался странный и страшный, пронзительно-высокий дикий вой; взвились и растерянно заметались стаи нетопырей, в страхе рванувших прочь; вихри ветра, слетев с пальцев девушки, ударились мощной волной в непроглядную мглу, сбивая воинов Идшара с ног, но не прогоняя пугающего марева.

Новые и новые потоки ветра врезались в строй врагов — Эне не видела этого, но чувствовала. Вот только силы были уже давно исчерпаны, растрочены на долгий бег и борьбу с жарой. После очередной волны девушка вдруг чересчур ясно услышала стук собственного сердца, как-то спешно и яростно барабанившего ритм. Чары на миг утихли, и Энеата замерла. Девушка пыталась прийти в себя и немного передохнуть, но сделать этого не успела. Острая, нестерпимо сильная боль нежданно пронзила плечо, и девушка, вскрикнув, пошатнулась и открыла глаза. Короткий пернатый дротик торчал из щедро кровоточащей раны; девушка пошатнулась и прислонилась к стене, но не удержалась и сползла к полу, опираясь на камни здоровой рукой.

Ветер стих вместе с воем, и хмарь покинула пещеру, оставив после себя лёгкую дымку, которую почти сразу сдуло сквозняком. В сторону Эне стремительно шагал незнакомый воин, но Эне ещё сопротивлялась растекавшемуся в крови холоду — похоже, острие дротика было пропитано сонным зельем. Нащупав за спиной углубление в стене, девушка юркнула туда. По счастью, выемка оказалась проходом, и Эне скатилась в другой лаз. Вспышка чародейского света озарила шахту на долю мгновения, которого хватило, чтобы примерно прикинуть, в какую сторону бежать. Вот только бежать не удавалось, ноги подкашивались, уступая пожирающему изнутри холоду, и Эне, упав на землю, успела только заползти за большой камень и понадеяться, что её не найдут в темноте.

В оставшейся с ней поясной сумке были некоторые лекарственные припасы, и Энеата, нащупав во мраке листья, похожие на нужные, и тряпку, попыталась выдернуть из раны дротик. Но терпимости к боли никогда не было в списке сильных сторон Энеаты, и девушка пронзительно пискнула, выдавая себя.

Чьи-то сильные руки вытащили её за ворот туники, швыряя на камни. Энеата

попыталась подняться, но яд уже вступил в полную силу. Обмякнув и растекшись по полу каменной шахты, она успела почувствовать лишь, как кто-то поднял её и взвалил на плечо, как мешок.

В глазах почернело, и девушка погрузилась в мучительный холодный сон.

Глава 4. Призраки прошлого

...Девушка танцевала легко и изящно, казалось, она вот-вот взлетит над травой и растворится в лучах закатного солнца. Красавица высоко подпрыгивала и приземлялась так ловко и тихо, что шелест листьев в зарослях заглушал звуки ее движений. Тонкие ноги лишь едва касались выжженной солнцем и стоптанной в камень земли; за спиной красавицы развивались волосы цвета хлопка, немыслимо, нестерпимо белые. Девушка запрокинула голову назад, и волосы проехали по иссушенным травинкам, шелестя.

Она была здесь давно, провожающая закат, танцующая с южным ветром. Свет зари отблескивал на сверкающей поверхности канала и на совершенном теле незнакомки, окрашивал траву в красновато-золотой, делал тени от кустов и деревьев резче и чернее. Аромат пряных трав и кошеного сена, возвещающий о приближении ночи приторно-сладкий запах левкоя...

— Это Аарка, Аарка-луна, — выдохнул пастух, замерев, боясь шевельнуться и спугнуть дивное видение.

Незнакомка была хороша, слишком хороша. Гибкое и стройное тело, грациозные, плавные, но исполненные силы и страсти движения. В красноватых лучах и её белоснежная кожа, и волосы, и прозрачная короткая туника из шёлка казались нежно-розовыми, сверкающими переливами перламутрового блеска.

Юноша жадно следил за каждым движением, не отворачиваясь и не моргая. Красота загадочной танцовщицы так увлекла его, что он не заметил всё ярче проявляющийся густой туман, поднимающийся от сухой земли и постепенно окружающий девушку. Серебристая мгла, завихряясь вокруг тонких белых ладоней и ступней, окутывала пространство мерцающей пеленой.

Лишь когда туман коснулся груди очарованного пастуха, юноша очнулся, сбрасывая наваждение и понимая, что становится слишком трудно дышать. Прекрасная незнакомка исчезла. Вокруг него было лишь непроглядное белоснежное марево, ледяное, до боли колкое, а в шелесте ветра упорно слышался чей-то хриплый смех.

Старик Хурсан когда-то был лекарем-асу, но несколько лет назад понял, что целительство становится для него слишком тяжёлой службой. Теперь знахарь жил в пригороде и содержал лавку, где продавал различные снадобья, травы и масла. Дело это было прибыльным и достойным, и Хурсана по-прежнему уважала и знать Арка, и воины аркского правителя.

Родных детей и внуков у Хурсана не было, как и других родственников; найденыш Энеата, давным-давно встретившаяся ему на пути, стала его единственной наследницей. Он обучал девушку своему ремеслу — как тайнам врачевания, заготовления трав и смешивания масел, так и тому, о чём не догадывались соседи — премудростям чародейства. Энеата обладала чудесным природным даром, и Хурсану не составило труда помочь ей раскрыть таланты. Одиноким старик и в самом деле любил Энеату, как родную дочь; и постарался не только обеспечить её неплохим наследством и лекарским ремеслом, но и подобрал ей

завидного жениха — сына верховного судьи богатого города.

Вот только скверный призрак прошлого вдруг встал перед стариком, не дав насладиться приятными хлопотами. В один неприятный день пришло письмо из дальней деревеньки, где жил давний друг Хурсана. То ли немилость богов, то ли чьё-то проклятье поразило те края. И кого просить о помощи, как не старого товарища, пусть и отошедшего от колдовских дел?

Деревня Карауд находилась чуть в стороне от Великой Реки. Несмотря на прорытые каналы, приносящие воду для орошения, жара и сухость здесь ощущались куда серьёзнее, нежели в городах на берегу. В Карауде делали финиковое вино, славное по всей Дарфии и даже вывозимое торговыми караванами дальше на запад; уроженцы этого поселения хранили в тайне секреты изготовления напитка, придающие ему особый, отличный от других дарфийских вин вкус. Умельцы, пытавшиеся открыть рецептуру караудского вина, перепробовали все мыслимые и немыслимые добавки — специи, травы, фрукты, цветы, даже порошки камней — но так и не добились подобного оттенка.

Асу Хурсан когда-то жил здесь — ещё в юности, только-только пройдя целительское испытание и получив право лечить. Рамзаш, сейчас ставший деревенским старостой, был его приятелем; они вместе увлекались чародейскими изысканиями, но Рамзаш вскоре оставил это занятие, а Хурсан, устав от косых взглядов жителей, уехал в город.

С тех пор они не виделись. Прошло три с половиной десятка лет, в течение которых друзья лишь изредка разменивались письмами; Рамзаш успел подзабыть приключения молодости, но недавние события заставили его вспомнить о старом товарище. Слишком пугал караудцев таинственный туман, появлявшийся некоторыми ночами на полях. Финиковые пальмы, кормившие всё поселение, иссыхали там, где пролетало это странное марево. Сперва староста велел отправить несколько людей в соседний город Эрисум, где стояло святилище водной богини Тааль; но подношения и задабривания жрецов, по видимому, не привлекли милости к Карауду. Всё стало только хуже — начал падать скот. А последнее событие было и вовсе жутким — один из жителей припозднился, не успев до заката возвратиться домой, и попал под непонятные чары. Он не погиб, но был до ужаса напуган и, похоже, потерял рассудок вместе со способностью связно разговаривать. Тогда Рамзаш отправил своего раба найти асу Хурсана и привезти его в деревню.

Старый лекарь прибыл в поселение только через шесть дней после того, как получил известие. Ближайший к Карауду город был выше по течению Великой Реки, и доплыть туда по воде было трудно, так что Хурсан и сопровождавший его раб сперва ехали с сухопутным обозом, а затем шли вдоль канала пешком, погрузив вещи на двух вьючных ослов.

В деревню, окружённую невысоким тростниковым забором, они въехали в полдень, когда жар от солнца и земли стал почти невыносимым. Вступив под тень деревьев, высаженных рядами между домов, Хурсан и его спутник вздохнули с облегчением, утирая пот со лбов и сбрасывая с волос ткань накидок.

— Хурсан, брат! — раздалось восклицание.

Рамзаш на удивление легко узнал приятеля после долгих лет разлуки, и дело было вовсе не в том, что рядом шагал раб, посланный за лекарем. Хурсан и вправду мало изменился — он поседел, да старость легким касанием прочертила морщины в углах глаз и рта, но более тридцати лет назад точно такой же была и худощавая сутулая фигура асу, и манера коротко стричь бороду по моде западных земель. И взгляд был точно таким же — хитрым, но доброжелательным.

— Рамзаш? — неуверенно произнёс Хурсан, вглядываясь в лицо вышедшего навстречу

старика. — Ты?..

— Что, не узнал? Да, много лет прошло, — Рамзаш грустно улыбнулся, поджимая губы и вышагивая в сторону прибывшего.

Они обнялись, Рамзаш радушно похлопал друга по спине.

— Что ты не договорил в письме? — сразу поинтересовался Хурсан.

— Это скверная история. Но ты устал с дороги, друг мой, пройдем в дом. Отдохнешь, поешь, тогда поговорим.

Лекарь вздохнул и ссутулился ещё сильнее.

Вскоре старик Хурсан разглядывал молодого пастуха, попавшего под чары загадочного тумана. Юноша к приезду целителя уже начал приходить в себя, но жители деревни на всякий случай продолжали держать его взаперти в сарае.

— Замар? — позвал его по имени Хурсан.

Судя по повернувшейся в сторону асу голове, Замар уже вспомнил, как его звали.

— Замар, ты меня слышишь?

Тот только пристально смотрел ему в глаза, не моргая и не шевелясь. В его взгляде с той ночи и до сих пор застыл ужас, который сложно было передать словами. Хурсан тяжело вздохнул и, подавшись вперед, положил ладонь на плечо юноши. Несколько мгновений они оба были неподвижны, затем пастух коротко вскрикнул, отшатываясь, а Хурсан отдернул руку.

— Ну что? — нетерпеливо спросил староста Рамзаш, приоткрывая дверь и заглядывая внутрь сарая.

— Ничего, — Хурсан осторожно уложил на рассыпанное сено мгновенно заснувшего юношу, затем повернулся к появившемуся другу и добавил: — Отпоим зельями. Через пару седмиц будет в полном порядке.

— Ну, хвала богам.

Хурсан покачал головой, затем поинтересовался:

— Пастух, три овцы, бык... А ещё что попадалось?

— Половина пальм сгнила. И небольшой кусок ячменного поля.

— Пойдем, покажешь места. Зельями я займусь потом. Пусть пока поспит.

Рамзаш замялся.

— Видишь ли... — неуверенно и смущенно начал он. — Совсем недавно был этот туман, позапрошлой ночью, и как-то...

— Рамзаш, — твёрдо произнёс Хурсан, упирая руки в боки. — Идем. Ты что, боишься?

— Хурсан, брат!.. Я не мальчишка, чтобы такое меня зацепило! — ответил Рамзаш, но было видно, что он всё же обижен и задет словами старого друга. — Ладно, пойдём. Но давай издалека глянем.

Ничего таинственного и опасного не виделось в поле, где, по словам Рамзаша, прошлый раз повис холодный белый туман. Пожухлые ветви пальм не смутили бы тех, кто увидел их, не зная предыстории; казалось, их всего лишь поджарило жестокое южное солнце. Но Хурсан, узрев иссохший сад, заметно поник.

— Слушай, Рамзаш, — медленно произнёс он. — Иди сейчас в деревню, вели кому-нибудь взять принести мне сюда мою синюю сумку. И шерстяной плащ, какой не очень жалко.

— Пока туда, пока сюда — темнеть начнёт, не успеешь ничего.

— Я собираюсь ночевать здесь.

— Хурсан!..

Голос старика стал жёстким:

— Иди, делай, что велено!..

Рамзаш застыл на пару мгновений, затем всё же развернулся и зашагал к поселению. Когда он уже отошёл на некоторое расстояние, Хурсан крикнул вслед:

— Рамзаш! Если я не справлюсь, напиши в Энаран, верховному судье Арнунне, пусть увезёт Энеату как можно дальше!..

Марево поднялось ещё раньше, чем солнце скрылось за горизонтом, в предзакатных сумерках. Хурсан кутался в плащ, что принёс ему из деревни мальчишка, и вглядывался в молочно-белый туман.

— Я ждала тебя, — где-то позади прозвенел нежный женский голос.

Старик не шевельнулся, не обернулся на зов. Взяв в руку тонкую палочку, он принялся чертить на земле знаки; на стоптанной, иссохшей и потрескавшейся земле не оставалось и следа от подобного действия, но он продолжал рисовать невидимые узоры.

— Ты думал, что всё прошло само собой? — произнесла незримая незнакомка. Раздался тихий перезвон смеха. — А видишь, я ещё жива. Ты отобрал у меня солнце, но я взрастила свой собственный свет. С твоей помощью.

— Да, — устало выдохнул Хурсан. — Это было моей ошибкой, и я пришёл всё исправить.

— Исправить? Ошибка? О, нет, мой друг, всё вышло на диво удачно. Ты пытался убить меня тем ритуалом? Как глупо. Он дал мне столько сил... Я тянула жизнь из земли, из травы, из животных. Пришёл черёд людей. Ты явился слишком поздно.

Туманные клубы приняли очертания скалящихся призрачных чудовищ, невысказанных форм и размеров; рыча и стуча хищными челюстями, они окружали Хурсана, ожидая приказа своей госпожи. Из марева вышагнула стройная красавица с белыми волосами, и, холодно и равнодушно улыбаясь, подняла руку, намереваясь коснуться старика.

Невидимые прежде руны, вычерченные знахарем, вспыхнули огнём, ограждая его со всех сторон высокой пламенной стеной. Дева тумана отдернула руку, обжегшись. С любопытством во взоре она посмотрела, как на белоснежной коже ладони уродливым пятном расплзся след ожога.

— Зара... — начал было Хурсан, но Зара перебила его, разозлившись:

— Зарой была беззащитная девочка, которую ты пытался убить лишь потому, что не понимал, не хотел понимать, не мог понять, на что она способна! Теперь меня зовут Ааркой, богиней Луны, и ты будешь звать меня так же! — Зара встряхнула головой, затем уже спокойнее произнесла: — Мне некого бояться. Моя сестра...

— Твоя сестра жива, Зара. Я забрал её тогда. Она жива и полна силы, с которой тебе не сравниться никогда.

— Ты лжёшь!.. Энеата мертва!..

Глаза туманной колдуньи округлились. Она сверкнула взглядом, в котором смешались гнев и испуг. Чудовища бросились из марева, атакая на рунную стену Хурсана, рывок за рывком подтачивая её. Старик что-то бормотал, пытаясь поддержать щит, и тот слабо поблескивал, отвечая на слова заклинаний; Зара вскоре засмеялась, поняв, что её чары сильнее.

— Ты зря пришёл, старик. Ты хотя бы понимаешь, сколько сил ты мне отдашь?..

Рунная защита старого знахаря взорвалась вспышкой нестерпимо яркого золотого света. Туман вокруг рассеялся, тени отступили, Зара растворилась в сверкающих лучах. Вокруг была лишь чёрная, непроглядная южная ночь, почему-то пахнувшая гарью. Пошатнувшись, Хурсан рухнул на потрескавшуюся от жары и сухости землю.

Первым, что увидел старик Хурсан, открыв глаза, было испуганное лицо его друга Рамзаша.

— Живой? Хвала богам! — выдохнул Рамзаш. — Как ты напугал нас. Пить хочешь?

Хурсан кивнул, и друг протянул ему глиняную пиалу. Сделав глоток освежающей холодной воды, старый колдун почувствовал себя лучше и смог приподняться, садясь и оглядываясь.

Он был в доме Рамзаша, в выделенной ему комнате. Его сумки тоже уже принесли сюда, уложив рядом с кроватью; Хурсан тут же попросил подать их ему, чтобы найти подходящее лекарство. Только насыпав в оставшуюся воду какой-то пахучий порошок и выпив получившееся пойло, знахарь начал рассказ.

— Она ушла, но не навсегда, — заявил Хурсан.

— Она?

— Да... Она. Ох, это долгая и постыдная история, Рамзаш! Когда-то я тоже был молод и глуп, тщеславен вне пределов разумного...

— Ну это-то мне известно.

— Не перебивай! Я много изучал, много читал и слушал. Помнишь, после поисков Ахарта я писал, что все легенды о нём оказались выдумками?

— Помню.

— Я соврал, Рамзаш! Ахарт, Двуликий свет. Яростное Солнце и холодная Луна... Он был в Идшаре, у жрецов! Кроме меня, его, конечно, искали и другие колдуны. И одна из колдуний была очень и очень сильна... Она выкрала Ахарт. Вскоре я нашёл её, но... В общем, она была уже мертва. Но обряд уже был проведен, и чары Ахарта, как и её собственная сила, разделились между её дочерьми. В одной из них воплотилось Солнце, в другой — Луна. Старшую я нашёл довольно быстро. Она не могла управлять доставшейся ей мощью Луны. Город вокруг неё полыхал, а она сама... — Хурсан покачал головой, морщась от скверных воспоминаний. — Тогда я понял, что обладать Ахартом — не счастье, а наказание. Слишком большая сила. Слишком страшная... Мне удалось на время ослабить маленькую Луну и начать очищающий ритуал. Но что-то пошло не так. Это она, Зара, сейчас творит скверну на этих землях. Это ей повинуются морок. Это она — воплощение Луны Ахарта.

— Но ведь ты справился с ней?

— Ненадолго... Вторую дочь колдуньи, Энеату, я нашёл и забрал себе.

— Твоя воспитанница?..

— Да.

— Она знает об этом?

— Она знает, что у неё есть могучий дар. Но это всё. Я всегда учил её сдерживаться и не прибегать к чарам...

— А она сможет справиться со своей сестрой?

— Нет, Рамзаш, прошу тебя — даже не думай об этом. Эне — очень добрая девочка, она не сможет убить человека. Даже злого. Даже опасного для других. И я не хочу втягивать её в

это... Нет, пусть она живёт обычной человеческой жизнью. Это моя вина, и Эне не должна платить мои долги. Не бойся, я справлюсь.

Рамзаш задумчиво устался в стену, подпирая подбородок ладонью и поджимая сухие губы.

— И что теперь делать? — спросил староста.

— Искать её убежище.

— Убежище?

— Да. Зара — не дух, она девушка во плоти, ей надо есть и спать. Так что наша задача — просто найти, где она это делает.

Глава 5. Беглец Нунна

...Выход к реке был уже совсем рядом. Нунна видел тропу, петлявшую среди утёсов корявым подобием обсыпавшейся лестницы. Но выйти из укрытия, где провёл бессонную ночь в ожидании рассвета, беглец не решался.

Предложенный Энеатой путь сулил спасение. Ещё один небольшой отрезок дороги — и Нунна будет на землях Эрисума, где его не посмеют поймать, даже если догонят. Вот только совесть навязчиво шептала, что молодой воин поступал слишком подло. Позволить невесте платить за его спасение... После внезапных признаний целительницы, после того пугающего тумана и необъяснимого света Нунна был готов поверить, что Энеата справится с отрядом свирепых и закаленных в боях воинов. Если быть честным, саму девушку Нунна тогда начал бояться сильнее, чем истинных врагов. Но сейчас он поддался иному настроению. Хрупкая, беззащитная девочка, так храбро бросившаяся спасать его — чужого, по сути, человека. Энеата осталась где-то там, позади, и не было возможности узнать о её судьбе. Велика ли её сила? И, если Энеата не сможет уйти — знакомо ли милосердие идшарцам, самым отчаянным и суровым воинам Дарфии?

Сидеть под выступающим камнем, в кровь раскусывать губы и заламывать пальцы было уже нестерпимо. Нунна встал, вышагивая на свет. Быстрая перебежка от одной стороны ущелья к другой, остановка в тени скалы, чтобы отдышаться и осмотреться.

Стрела со свистом вонзилась в землю под ногами, когда Нунна высунулся из-под камней в очередной раз. Промах? Недолёт? Предупреждение? Хотелось верить в промах или недолёт, и Нунна резко рванулся в другую сторону, со всех ног помчавшись в сторону тропы, петляя, чтобы не дать стрелку прицелиться.

Вторая стрела просвистела где-то совсем рядом, но вновь не попала. Поскользнувшись на одном из гладких камней, Нунна слишком быстро преодолел спуск — вместо осторожного ковыляния по змеящейся лестнице юноша попросту скатился по склону, пересчитав несчастным телом все острые выступы и торчащие валуны. Приземление на гальку тоже не показалось слишком мягким. Нунна понял, что не только бежать дальше, но и просто встать он уже не сумеет.

Кое-как приподнявшись на руках, Нунна огляделся по сторонам. Небольшой уступ скалы мог бы скрыть его от взгляда сверху, но если преследователь — или преследователи — спустится следом, это уже не будет надёжным убежищем. Впрочем, выбирать не приходилось. Ползком забравшись под торчащую каменную плиту, Нунна стал ждать.

Шагов не было слышно, но спускавшегося выдали осыпавшиеся под ногами мелкие камни. Нунна, пытаясь унять буйный стук сердца и жгущую тело боль, крепко сжал в ладони попавшийся под руку продолговатый камень.

Пролетевшие рядом мелкие камушки и звук легкого приземления после прыжка — враг рядом. Из-под нависшей скалы были видны лишь ноги лучника, делавшего первый шаг на ровной земле, да край лука.

Вполне могло оказаться, что стрелок не один, и тогда рывок будет бессмысленным самоубийством. Но если оставаться здесь, то его заметят в этой тесной конурке, где Нунна даже не сможет шевелиться, где нет никакого простора для драки. И ему придётся просто умереть или сдаться без боя.

Нунна всё-таки рванулся прочь из укрытия. Стремглав бросился вперёд, сбил лучника с ног и как следует приложил спиной о каменную лестницу. Лук треснул, переломленный о край скалы, и отлетел в сторону. Прижав коленом грудь врага и занеся руку с камнем для удара, Нунна осмотрелся. Везло несказанно — лучник был один.

— Идшарец?

— Аркиец, — хрипло выдохнул стрелок.

— Проклятые предатели, — зло прорычал Нунна.

Он махнул рукой, намереваясь ударить камнем, но лучник неожиданно сильно и ловко оттолкнул его, откатился в сторону и протянул было руку к ножу на поясе. Нунна быстро поднялся и успел пнуть стрелка ногой, заставив согнуться. Наклонившись, выхватил нож врага, но резко сел на землю — голова после падения кружилась, и затеянная из последних сил драка только усугубила боль.

Какое-то время оба, не пытаясь подняться, сидели на камнях, сверля друг друга яростными взглядами.

— Ну что? Попробуем ещё раз? — мрачно пошутил стрелок, наконец отдышавшись.

— Ты безоружен, — отозвался Нунна. — Плевать я на тебя хотел.

— Ты знаешь, а твою девочку, — сбитое дыхание превращало голос лучника в невнятный хрип, но Нунна разобрал слова, — поймали.

Нунна промолчал. Сердце было ёкнуло, но юноша подумал, что аркиец мог и соврать.

— Ты один? — поинтересовался Нунна.

— Да... Никто же не предупредил, что сын судьи может быть воином.

— Тогда я пошёл, — с трудом поднимаясь и отряхиваясь, заявил Нунна.

— На ногах еле стоишь. Весь в крови. Далёко уйдёшь, как же.

Нунна не отвечал, вытащил из-под скалы разодранную сумку, кое-как свернул её, чтобы содержимое не высыпалось. Отряхнувшись, он шагнул в сторону блестящей вдалеке Реки.

— Девчонку, значит, бросаешь? Байру легко обменял бы её на тебя.

— Чем докажешь, что её правда поймали? — нахмурился Нунна, останавливаясь и оборачиваясь.

Щурясь на солнце, лучник хмыкнул:

— Асу Энеата.

Нунна побледнел. Сердце стукнуло слишком громко, а дыхание замерло, но верить всё равно не хотелось.

— Вы с ней сограждане. Может, ты её знал. Это не доказательство.

Стрелок смотрел на него со слишком уверенной усмешкой. Нунна не выдержал и выпалил:

— Она жива?..

— Асахир ищет тебя, асу ему ни на кой не сдалась.

— А зачем я ему?

— Говорят... твой отец виновен в гибели Кангара.

— Что за бредни?! — возмутился Нунна.

Лучник пожал плечами.

— Твоя смерть была бы всем приятнее, чем смерть асу Энеаты. Я знаю её... Если ты не боишься гнева богов и не имеешь стыда, то можешь идти дальше.

Нунна закусил губу и нахмурился.

Эрисум был так похож на Арк, будто города строили по указаниям одного и того же зодчего: те же невысокие, но крепкие глинобитные стены с башнями и проходами, покрытые крышами из плетёного тростника; те же персиковые сады вокруг, разделённые низкими заборчиками, те же пастбища вдоль реки, с которых раздавалось неумолкающее блеяние коз и овец; тот же маленький порт с двумя причалами, десятком рыбацких лодок и одним-единственным торговым судном. Когда караван прошёл сквозь ворота, внутри город оказался ещё более предсказуемым — узкие улицы, высокие заборы с калитками, маленькие дома в один этаж. А вот главный храм, к которому Нунна направился сразу, всё же отличался от главного святилища в Арке.

Величественное строение из красноватого камня, добытого в коях Закатных гор, украшенное росписями, с узкими оконцами, с развешанными по стенам ожерельями и венками из свежих цветов, высотой оно превосходило аркский храм раза в два. Три яруса, каждый уже предыдущего, с террасами с горшками цветов и каменными вазами с водой. Стена у главного входа была украшена мозаикой из кусочков лазурита вперемежку с плитками разноцветной глины, как и лестница, ведущая к резным кедровым дверям.

Этот храм был посвящен богине луны, и он был главным её храмом во всей Дарфии. Поток жертвований и даров Аарке-Луне не иссякал, ведь верования дарфийцев лишь Аарке приписывали способность защитить смертных от воли злого бога Эллашира — её младшего брата. Люди верили, что те, кого из жизни забирала Аарка, проводили вечность в её цветущих садах, а не в мрачных руинах царства Эллашира.

Именно этого искал сейчас Нунна. Кто, как не добрая госпожа ночи Аарка, мог спасти Энеату от того, кого люди считали сыном Эллашира? Поднявшись по высокой каменной лестнице, Нунна вошёл под сень великолепного здания.

Внутреннее убранство впечатляло не меньше — почти все колонны в огромном зале были украшены мозаиками из самоцветов, жертвенник сделан из бесценного тёмного дерева, привезённого торговцами из далёких земель, а ткань, скрывающая днём изваяние Аарки, была расшита яркими узорами.

Нунна быстро прошагал сквозь главное помещение, зайдя в жертвенный зал. Беглец опустил в мозаичную вазу перед жертвенником все оставшиеся у него деньги.

— Осени путь Энеаты, добрая госпожа, — пробормотал он, — и защити мою семью.

Нунна на мгновение преклонил колени, а затем спешно поднялся и вознамерился уже покинуть святилище.

— Энеаты? — тихо переспросил кто-то.

Нунна резко развернулся.

— Это странное имя, — задумчиво повторила девушка в светлом одеянии, с плотным алым платком, покрывавшим голову и плечи.

— Да, — растерянно отозвался Нунна. — Я и сам не встречал его прежде.

Он с подозрением разглядывал заговорившую с ним незнакомку. Слабого света очага было явно мало, чтобы рассмотреть её как следует, но то, что девушка была молода и красива, Нунна заметил. Даже слишком красива, чтобы вообще говорить с ним. Но она была ещё и такая странная, совсем не похожая на прочих дарфиек... И такой мягкий, нежный голос, проникающий глубоко в душу и не дающий возможности в чем-либо отказать.

— Скажи мне, кто эта Энеата? — робко улыбаясь, спросила она.

— Моя невеста.

— Да благословит Астарна ваш союз. А какого цвета глаза у твоей невесты?..

Нунна ответил, не видя причин что-либо скрывать:

— Голубые.

— Цвета неба, — тихо произнесла незнакомка, опуская взгляд и о чём-то призадумавшись.

— А кто вы, госпожа?..

Девушка улыбнулась снисходительно и тепло, подняв руки, откинула полотно, открывая белые волосы, сверкавшие в отсветах пламени серебром. Огонь в очаге взметнулся выше, и удивительно светлые глаза незнакомки блеснули, как вода, отражающая поверхность луны.

— Я — та, чьей помощи ты ждёшь, — нежно прозвучал её голос.

— Аарка... — прошептал Нунна, замирая.

Вчерашний закат был слишком ярким. Красноватые отблески на воде Великой реки пугали жителей Эрисума, перешептывающихся о небывалой красоте вечернего солнца как о дурном знамении. «Будто кровь в реке!» — говаривали одни. «Скверное дело!», — поддакивали другие. Кто-то уверял, что знак этот не для них, а только предвещает грядущую битву между Энаном и Идшаром. Иные же, чересчур напуганные, предрекали, что беда идёт прямо в Эрисум.

Утром храм Аарки был полон молящихся. Густой и тяжёлый запах от курильниц наполнял воздух жертвенного зала, голоса звучали глухо и взволнованно... В тишине и повисшем дыму Нунна покинул святилище, чтобы успеть к вечеру прибыть в Карауд.

Таинственная дева из храма обещала помощь, и Нунна рассказал ей всё, что знал. Она улыбалась так нежно и смотрела так проникновенно, что сомнения ни на мгновение не закрались в мысли юноши. Его не смутило, что богине нужны его слова, чтобы узнать о происходящем, не взволновал пристальный интерес красавицы ко всему, что касалось колдовских способностей его невесты.

Та, кто назвалась Ааркой, не стала противоречить советам Энеаты. Узнав, что Нунна направляется к асу Хурсану, добрая госпожа луны кивнула и велела без страха продолжать путь. «Но скажи Хурсану, что встретил меня!» — лишь добавила она. — «Скажи, что произошло, не скрывай, что она в беде, но не забудь, что я отправлюсь к ней убедиться, что... что всё идёт как надо... И сделаю всё, что смогу! О да... я сделаю!..»

Нунна не знал, что вести о встрече с Ааркой совсем не обрадуют старого лекаря. Стражник, у которого юноша спросил дорогу до Карауда, предупредил об опасностях одинокого путешествия в этих краях и предложил лучше подождать торгового обоза, но Нунна, окрылённый встречей с живой Ааркой, уже не опасался ни разбойников, ни диких зверей.

Узнав, в какую сторону идти, Нунна выдвинулся в путь. Задержался лишь на пару мгновений — увидев в одной из лавок меч, Нунна захотел приобрести его, чтобы не отправляться в путь безоружным. Денег не было, и юноша договорился с торговцем, обменяв

на оружие свой драгоценный перстень. В сумке, данной Энеатой, ещё оставалась пшеничная лепешка, пусть и подсохшая, а наполнить флягу в городском колодце было совершенно бесплатным удовольствием, так что о еде Нунна особо не волновался.

По словам стражника, дорога должна была привести в Карауд как раз к закату. Но торопившийся Нунна добрался гораздо быстрее — он то и дело срывался на бег и не останавливался на привал.

До заката оставалось ещё достаточно времени. Солнце лишь начало клониться к земле, а путь уже лежал через обширные караудские поля и сады. Первый встреченный Нунной земледелец в ответ на приветствие Нунны сперва не ответил, испугавшись и, похоже, подумывая лучше убежать от незнакомца с мечом. Однако, услышав, что юноша ищет Рамзаша, земледелец немного успокоился и пообещал, что старосту Нунна сейчас найдёт дома.

Деревенька Карауд была такой же, как и все деревни в этих краях — несколько небольших домов с крохотными дворами, высокий забор — уменьшенное подобие городских стен, да окружающие со всех сторон уголья с возделанной землёй и стройными рядами финиковых пальм и миндальных деревьев, прорезанные сетью узких каналов. Ворота, как и ожидал Нунна, были открыты, и он спокойно прошёл внутрь поселения. Чуть не сбившие его с ног дети, игравшие у стены, охотно согласились довести Нунну до дома старосты.

Тот земледелец оказался почти прав — староста Рамзаш вместе с асу Хурсаном сидели во тенистом дворе, когда Нунна подошёл к калитке. Служанка пропустила юношу, и Нунна, подойдя к старикам, поприветствовал:

— Да осенит ваш дом Аарка, сокрыв от зла Эллашира! Простите, что перебиваю, но мне нужен староста Рамзаш.

— Это я. Доброго дня, молодой человек, — отозвался Рамзаш, поворачиваясь в его сторону. — Чем обязан?

— Меня отправила к вам асу Энеата, сказала, что я могу застать у вас её наставника, асу Хурсана.

— Я — Хурсан, — встрял старый лекарь.

Нунна слегка склонил голову:

— Рад наконец встретить вас. Я — Нунна, сын вашего друга Арнунны.

— Так, — Хурсан уже поджал губы, ожидая неприятных новостей. — И что ты забыл здесь, сын Арнунны? Где ты оставил мою дочь?

— Ну... Видите ли. У нас небольшие... хм, трудности... — Нунна замялся, пытаясь подобрать более подходящие слова, чтобы не слишком напугать старика.

— Добрые боги! — простонал Рамзаш. — Ещё какие-то трудности. Сколько можно?!

— Где Энеата? — резко потребовал ответа Хурсан.

— М... Наверное, в Арке...

— Наверное?..

— Мы расстались в Закатных скалах. Она сказала мне бежать сюда, к вам.

— Значит, из Энарана вы ушли?

— Да, почти сразу. Отец боялся идшарцев.

— А зачем бежать из Арка?

— Понимаете... У моей семьи... видимо, какие-то разногласия с байру Асахиром. И эсин Арка хотел сдать меня им. Но Эне устроила побег.

— Так...

— Я уверен, что с ней всё хорошо, — заявил Нунна без тени сомнений. — Боги на нашей стороне.

Хурсан не отозвался, а Рамзаш нахмурился:

— В каком смысле?

— В Эрисуме я зашёл в святилище Аарки, чтобы просить её о помощи Эне. И госпоже луны ответила мне!

— Та-ак, — протянул Хурсан, крепко сцепив ладони и ссутулившись. — Аарка?..

— Да, — гордо произнёс юноша. — Она обещала помочь.

— Ты видел Аарку?

— Да!

— У неё белые волосы до земли и светлые глаза, как у Энеаты?

— Светлее! Почти белые, по-моему. И очень красивые.

— Что ты ей рассказал?!

— Попросил помочь Энеате. Сказал, что она, возможно, попалась идшарцам... Она сказала, что всё сделает, как надо.

— Рамзаш... — прохрипел Хурсан, белея.

— Шани, воды! — вскакивая, крикнул Рамзаш в сторону окна. — Живее!

— Что такое? — растерянно пробормотал юноша.

— Ты... — Рамзаш бросил на Нунну взгляд, полный ярости. — Недоумок! Тупоголовый осёл... Остолоп несчастный! Ты думать головой не пробовал?! Хурсан?.. Хурсан! Хурсан!..

Глава 6. Маленькая асу

Асахира, военачальника Идшара, считали бесстрашным. Снова и снова бросался он в бой так, будто не грозили ему ни смерть, ни увечья, будто не пугала его нестерпимая боль. Много раз он был ранен, и всякий раз вырвался из хватки злой богини Хеды, госпожи мести и смерти. Давно ведь шёл слух, что Асахир — вовсе и не человек, а сын воинственного бога Эллашира.

Асахир знал, что всё это глупые бредни. В дарфийских богах он давным-давно разочаровался, как, впрочем, и во всех других, и на их защиту не надеялся. И смерти боялся не меньше, чем все остальные.

Но сейчас, едва живой после страшного удара, Асахир думал о другом. Верный друг, его добрый побратим Кангар оставался неотомщённым. Переступить порог миров, оставив неоконченным столь важное дело, Асахир не мог.

— Ну что? — спросил он своего лекаря, осматривавшего рану.

— Простите, байру, — с ужасом пролепетал совсем ещё юный целитель. — Я сделал всё, что мог... Поверьте...

— Сколько?

Молодой лекарь какое-то время молчал, нервно покусывая губу и со страхом глядя на военачальника. Конечно, бедняга боится. Он лекарь, с него спрос. Но что он мог поделать с такой раной?

— Позвольте, я позову другого лекаря... — начал было юноша.

Но байру Асахир едва заметно мотнул головой. На поле много раненых, не хватало ещё их лишать помощи ради всё равно бесполезной возни.

— Сколько? — повторил вопрос Асахир.

— Не знаю, господин байру, — еле слышно выдохнул лекарь. — Может, пару дней...

Значит, времени мало. Асахир прикрыл глаза, словно хотел так сберечь силы. Он успел подумать, что надежды нет, его побратим так и останется неотмщённым, как вдруг примчавшийся посыльный сообщил: в Арке пойман сын верховного судьи. Того самого, которого раб обвинил в убийстве Кангара. Асахир еле заметно улыбнулся хорошей вести.

А ещё некоторое время спустя вместо сбежавшего Нунны в стан идшарцев притащили юную колдунью.

...Голос постепенно слышался всё громче и громче, и вскоре Эне смогла разобрать произносимые слова:

— Долго с этой разбирались. Парень скрылся. Там, в скалах, легко прятаться...

— Азмар, вам было дано такое простое поручение!.. — рассерженно отозвался другой голос.

— Приведите её в чувство! — вмешался третий — хрипловатый, властный.

Почти сразу на Эне вылили ковш воды, и она, встрепенувшись, попыталась разомкнуть отяжелевшие веки. Кто-то подхватил девушку и поднял с земли, но затем, схватив за плечи, вжал в пол, заставляя встать на колени.

— Очнись! — сразу после этого рыка ей дали пощечину, и она подняла голову, уставившись вперёд непонимающим и измученным взглядом.

Свет ослепил глаза, жаждавшие темноты, и Эне щурилась, но всё же смотрела на стоявших перед ней людей. Девушка боялась, что её снова ударят, если она хоть на миг прикроет веки, и изо всех сил таранилась на смутные силуэты и блики света — разглядеть что-либо она не смогла. Плечо страшно ныло. Но, скосив глаза, девушка увидела сквозь застилавшую взгляд муть, что дротик уже выдернут, а рана перевязана.

— Кто ты? — вопрос раздался откуда-то сзади, и девушка не видела говорившего.

— Эне... — хрипло начала Эне, кашлянула и постаралась продолжить чётче: — Асу Эне...ата... из Ар... Арка...

Получилось слишком тихо и невнятно, но пересохшее горло не давало говорить нормально.

— Дайте ей воды, — снова прозвучал тот холодный и властный голос, что приказал прежде привести её в чувство. Энеата вздрогнула.

К губам почти сразу прижали глиняную чашку с прохладной водой и заставили выпить. Проглотив жидкость, Энеата произнесла:

— Спасибо.

Это высказывание почему-то вызвало смех у большинства присутствующих. Только властный голос, сохраняя равнодушие, повелел:

— Повтори, кто ты.

— Асу Энеата. Дочь асу Хурсана из Арка.

— Асу Хурсан мне знаком, — произнёс кто-то ещё. — Когда-то давно он спас моего первенца, хотя прочие лекари советовали готовить похороны. Это уважаемый человек, да хранят его добрые боги! Но я не слышал, чтобы он был женат. Ты, стало быть, дочь рабыни?

— Я не знаю, господин. Я его воспитанница. Но он велел мне называться его дочерью.

Свет наконец перестал слепить так жестоко, и Энеата огляделась. Она была в просторном воинском шатре; позади неё стояли двое молодых воинов с короткими мечами наготове, следившие за каждым её движением, спереди находились ещё трое людей

значительно старше, но, судя по облачению, тоже воинов; последним Эне отметила человека, сидевшего чуть поодаль, шагах в пяти, на постели из шкур. Он сидел боком к Энеате, устало опираясь спиной на несколько составленных один на другой мешков.

В сторону девушки он даже не поворачивался, и Эне видела лишь край его лица, исчерченный шрамами. Чутьё безошибочно подсказало юной целительнице, что именно этому человеку принадлежал тот пугающий голос, от которого по телу пробегала дрожь, а кожа покрывалась мурашками.

— Асу, значит? — хмыкнул один из немолодых воинов, подходя ближе и опускаясь на корточки перед Эне. — А вот наши ребята склонны считать тебя ведьмой.

— У меня есть дар, — признала Энеата. — Но я стараюсь его сдерживать.

— Сдерживать? — рука воина приблизилась к лицу Энеаты, странный перстень-коготь с заострённым концом коснулся щеки и больно впился в кожу. — Четверо моих людей до сих пор еле дышат.

Энеата постаралась отодвинуться, но воин нажал сильнее, и девушка ойкнула и почувствовала, что по щеке стекает капля крови.

— Это скоро пройдёт. Никто не пострадает, честное слово! Быстро пройдёт, — испуганно уверила Эне.

— Зачем ты нападала?

— Нападала? — Энеата попыталась отодвинуться, но тяжёлая рука стоявшего позади стража опустилась ей на плечо и заставила стоять и не шевелиться. — Я защищалась! Это вы напали на нас!

— Кто был с тобой?

— Мой друг. Сосед.

— Сосед? Он тоже из Арка?

— Да.

Хлёсткий удар оставила не только жаркий след боли, но и тонкую кровотокающую полоску от кончик перстня. Энеата поджала губы, а рассерженный воин потребовал, сопровождая слова ещё одной пощёчиной:

— Не лги!

— Тэму! — грозно прикрикнул сидевший поодаль воин.

— Простите, байру, — Энеата заметила, что в голосе хлестнувшего её воина звучала и вина, и какой-то почти благоговейный страх перед этим господином с властным голосом.

— Для тебя есть надежда, асу, — спокойно и медленно говорил тот, кого называли байру. — Честно отвечай, и уйдёшь живой.

— Ясно, — кратко ответила Эне.

Энеата не решалась поднять взгляда, а байру некоторое время молчал, пока не задал совершенно неожиданный вопрос:

— Асу, значит... И ты уже прошла испытание?

— В начале года, господин.

— И что, люди доверяют такой тощей асу?

Девушка обиженно засопела, не отвечая.

— Целительница, значит.

Энеату оскорбило недоверие в голосе воина. Она попыталась гордо вскинуть голову, но та предательски закружилась, всё поплыло перед глазами, и девушка лишь сильнее склонилась к земле. Упасть ей не дала рука стоявшего сзади воина, крепко держащая за

плечо.

— Подойди, — приказал военачальник.

Стоявший позади воин отпустил её. Девушка попыталась подняться, но тело отозвалось на это движение резкой болью и головокружением, и Эне тут же рухнула обратно.

— Помоги ей, Тэму, — мрачно велел байру.

Сильные руки обхватили талию Эне. Воин не поднял Эне, не помог встать — грубо, как поклажу, подтащил к ногам военачальника.

Энеата упрямо сверлила взглядом стоптанную землю перед собой, боясь поднять поникшую голову. Краем опущенного в пол взгляда видела украшенные дорогими бусинами кожаные сандалии.

— Ты знаешь, кто я? — спросил суровый незнакомец.

— Байру, — растерянно произнесла Энеата.

— Я Асахир, сын Эллашира. Военачальник Идшара.

Энеате стало ещё страшнее. Слава Асахира заставляла трепетать при звуке этого имени... Как будто ей не хватало голоса.

— С тобой был Нунна, сын энанранского верховного судьи Арнунны.

Байру говорил мягко, но холодно, и звучание его голоса вызывало у Энеаты жуткое желание броситься наутёк.

— Но Нунна не мог никому навредить, господин байру, — Энеата переборола страх и заговорила, мотнув головой. — Он ни с кем не враждовал и никому не мешал.

— Его отец убил моего побратима.

Эне сглотнула.

— Я... я не причастна ни к чему такому, клянусь, господин байру! — прошептала она.

— Тебя я и не обвиняю. Но мне нужен твой спутник.

— Он тоже! Он бы не позволил случиться убийству. Он... добрый!

Против воли блеснула и скатилась по щеке слеза. Асахир наклонился и протянул руку, касаясь лица девушки и осторожно стирая каплю. Легонько щелкнув кончиками пальцев по подбородку Эне, он заставил её поднять голову и посмотреть вперёд.

Перед ней сидел могучий воин с иссиня-чёрными волосами, зачесанными назад и смазанными маслом, как и у всех идшарских воинов, но остриженными короче, чем подобало человеку его положения; облачение его также несколько отличалось от привычных жителям большинства дарфийских городов. Кроме чёрной льняной туники с нашитыми кожаными пластинами, обильно испачканной кровью в области правого плеча, на нём были и широкие кожаные штаны — такое облачение носили лишь жрецы-воители из Идшара. Два меча и множество коротких ножей расположились на широких кожаных поясах, перехватывающие грудь и пояс воина; через плечо был перекинут расшитый серебряными нитями лиственнно-зелёный плащ, а на лбу красовалась узкая кожаная полоса со вставками из резного сердолика.

Точный возраст Асахира не был кому-либо известен; на вид ему было что-то около тридцати, но Эне уже знала, что люди считают его всего лишь двадцатитрёхлетним. Он гладко брил лицо, как и было положено воспитаннику жрецов, но отсутствие бороды и усов не очень-то молодило его — кровопролитные сражения отметили воина сильно заметными шрамами. Один из них, тонкий и прямой, как от плети, шёл по правой щеке к глазу, рассекая край брови, другой, совсем свежий и, похоже, оставшийся от тяжёлого удара, алым пятном расположился на подбородке. Россыпь шрамов помельче расчертила всю правую половину

лица, шею и руки, а на ладони красовался свежий порез; нос с горбинкой был когда-то сломан и теперь слишком явно доказывал это искривлённой формой. Черты молодого военачальника словно подтверждали легенды о его происхождении: лицо байру Асахира напоминало высеченные из камня храмовые изваяния, изображавшие сурового бога войны и смерти — резкие, исполненные какой-то слишком суровой, диковатой мужественности.

При этом он казался смертельно бледным, что совершенно не шло к образу великого воина; однако все эти подробности не надолго привлекли внимание Энеаты — подняв взгляд, она замерла, смотря в удивительные ярко-зелёные глаза воителя. В этих краях были распространены лишь всевозможные оттенки чёрного и коричневого, и Энеата думала, что она — единственное в мире существо со светлыми радужками. Асахир, судя по всему, был удивлён не меньше Эне, тоже с интересом разглядывая её глаза, блестящие небесным цветом.

— Асу Энеата? — произнёс Асахир, уточняя, верно ли запомнил имя пленницы.

Девушка кивнула, вновь опуская взгляд.

— Великий свет, — перевёл с древнего языка Асахир. — А как сокращают? Ата?

— Эне... — растерянно пробормотала Энеата.

— Значит, асу, — задумчиво повторил Асахир. — В самом деле?

Энеата, обиженно косясь на него, осторожно подвинула край туники, стараясь не обнажить лишнего, накрыла ладонью ранку на своём плече и зажмурилась, терпя коснувшуюся боль. Стянула повязку, показывая заросшую свежую кожу без малейших следов повреждений.

— Неплохо, маленькая асу, — голос Асахира зазвучал немного дружелюбнее. — Значит, твоё колдовство может и исцелять...

Эне подтвердила это кивком головы. Асахир с любопытством смотрел на девушку, затем спросил:

— Только тебя саму?

— Нет.

— А если я попрошу тебя о помощи?

Энеата промолчала, ожидая дальнейших слов, но байру молчал, видимо, сам ждал ответа. Взор девушки скользнул по телу воина и задержался на кровавом пятне у плеча.

— Вы ранены, господин байру, — устало выдохнула она.

— Я? — зачем-то притворно удивился Асахир, кратко и недовольно взглянув на испачканный плащ.

— Да, я могу помочь.

Асахир усмехнулся, откинул плащ, и Энеата, недовольно качая головой, присмотрелась к перевязям, насквозь мокрым от уже потемневшей крови.

— Можно мне нож? — попросила она.

Асахир прищурился, недоверчиво глядя на неё, и Эне спешно объяснила:

— Повязку снять.

— Свою ты не снимала.

— Свою рану я и так чувствую, байру.

Асахир вытащил из ножен на поясе короткий тонкий нож, но Энеате его не дал — сам резким и быстрым движением перерезал тряпку. От взгляда на пробитое плечо Эне стало не по себе, и в глазах снова потемнело — она уже лечила многие раны, но такую тяжелую и жуткую видела впервые.

— Копьё? — спросила Эне, стараясь собраться с силами.

Военачальник коротко кивнул.

— Байру!.. — возмущённо воскликнул один из воинов, стоявших рядом. — Вы же...

— Помолчи.

Энеата огляделась. Товарищи Асахира смотрели на неё с неприязнью и недоверием, и руки их неспроста замерли у ножен. Воины были готовы убить её в любое мгновение, едва решат, что юная асу может быть опасной.

— Будет больно, — предупредила девушка, поднимая ладонь.

Байру Асахир только рассмеялся:

— Уже было, маленькая асу.

Тёплый свет зажегся на кончиках пальцев, и девушка легонько коснулась края раны, надеясь, что справится. На мгновение отвернулась от раны, посмотрев в лицо воина, и тут же отвела взгляд, увидев, что он усмехается. Если Асахиру и было больно, скрывать это он умел мастерски.

Люди в шатре начали переговариваться, не сдерживая удивлённых возгласов и шепотков. Наконец Энеата остановилась и опустила руку, когда от огромной раны осталось еле заметное синеватое пятно. Все стихли, уставившись на Асахира и юную асу.

— Всё, господин, — осторожно сказала Энеата.

Асахир чуть прикрыл глаза и отодвинулся подальше от Энеаты.

— Я думала, что такие раны смертельны, — почему-то произнесла она вслух.

— Тогда тебе рановато разрешили считаться лекарем, — спокойно отозвался Асахир.

Воин осторожно повёл плечом, словно проверяя. Прикрыл глаза и сторбился, опираясь руками на постеленные шкуры.

— Не сильно лучше.

— Вы потеряли много крови. Да и боль останется на какое-то время. Я думаю, ваш лекарь сможет помочь. Отвары быстро поставят вас на ноги. И я бы на вашем месте больше не доверяла здоровье незнакомцам.

— Если бы у меня был выбор, асу... Почему тебя поймали, а его — нет? — резко перевёл тему военачальник. — Ты отстала?

— Да.

— И он не стал ждать?

Энеата промолчала.

— Оставил девчонку одну, на растерзание моим воинам, — Асахир пожал плечами.

— Если вы думаете, что я рассержусь на него и выдам, куда он пошёл...

— Вроде того, — не стал спорить Асахир.

— Вы ошибаетесь. Я сама просила его не ждать меня. Я колдунья, а не беззащитный ребёнок.

— Кто он тебе? Жених?

— Да, — голос девушки прозвучал вдруг дерзко, с вызовом.

— Послушай меня, маленькая асу. Твой жених нужен, чтобы выманить его отца. Он сам меня мало интересуется, и я могу даже пообещать тебе сохранность его жизни. Твой жених останется жив и здоров.

— Судья Арнунна — добрый человек, он не мог сделать то, о чем вы говорите.

— А у меня есть все основания считать, что он виновен.

— Прошу вас, господин байру! — взмолилась Эне. — Не заставляйте меня предавать

друга!

— Не заставляй и ты меня. Мой побратим был убит, я должен отомстить. Ты же знаешь — каждый имеет право на отмщение. Это закон богов. Дух неотомщенных не обретёт покоя.

— Я не верю ни в этих богов, ни в их законы.

Асахир вздохнул, ероша чёрные волосы.

— Ты, видно, никогда не теряла друзей.

— Потеряю, если скажу, где Нунна.

— Да не убью я его! Могу поклясться, если хочешь.

— Он будет меня ненавидеть...

— Он сам уже предал тебя, оставив там. Как ты можешь считать другом такого труса?

— Он не струсил, — закусила губу Энеата. — Он знал, что я могу за себя постоять.

— Значит, он ждёт тебя где-то неподалёку?

— Нет. Я собиралась вернуться в Арк.

Асахир некоторое время пристально изучал девушку холодным взглядом, затем обернулся в сторону и обратился к одному из приближённых:

— Тэму, как думаешь, быстро ты смог бы заставить её говорить?

— Пара мгновений, байру, — отозвался Тэму.

— Ты слышишь, маленькая асу? — голос Асахира звучал на удивление мягко. — Тэму можно верить.

Энеата подняла полный страха взор, глядя в холодные зелёные глаза байру с мольбой. Асу хотела воззвать к его милосердию, но не находила слов.

Военачальник помолчал, затем спросил:

— Кто ещё приехал с ним?

— Прислуга.

— А ты ждала его здесь, в Арке?

— Нет. Дедушка Хурсан отправил меня в Энаран, мы вернулись назад вместе с Нунной.

— Почему так?

— Дедушка уехал, и хотел, чтобы господин Арнунна позаботился обо мне в его отсутствие. Но господин Арнунна сказал, что в Энаране оставаться опасно, и отправил нас в Арк.

— Двоих?

— Да, и слуг.

— Когда это было? Ваш отъезд?

— Да два дня назад.

— И почему он сказал, что в Энаране опасно?

— Стало известно, что убили вашего побратима, байру.

— И?

— Молва славит вас как мстительного и злого человека.

— Приятно слышать, — хмыкнул Асахир.

Застывшую на несколько мгновений тишину нарушило очередное воззвание одного из сотников Асахира.

— Повелитель! — он окинул взглядом Асахира и Эне. — Вам следует отдохнуть.

— Пожалуй. Эрин, проводи асу Энеату к Таллису. Пусть она поможет ему с ранеными.

Когда девушка, опираясь на локоть Эрина, уже подходила к выходу, Асахир окликнул её по имени. Замерев, Энеата обернулась.

— Не бойся, маленькая асу, — миролюбиво произнёс Асахир. — Никто тебя не тронет. Окажи мне ещё одну услугу — моим людям нужна помощь. Ты останешься здесь ненадолго.
— Ваша воля, господин байру.

Военачальник Идшара пробудился, как и всегда, раньше, чем утренние дозорные сменил ночных. Он вышел из патра в слабом свете ещё не показавшегося солнца. Поприветствовав польщённых его вниманием стражей и перекинувшись с ними парой фраз, байру Асахир окинул спящий лагерь внимательным взглядом и заметил вчерашнюю пленницу.

Худая девочка, что представилась асу Энеатой и так удачно помогла ему исцелиться, возилась у входа в лекарскую палатку. Она перебирала свою сумку и раскладывала в разные стороны листья и крохотные глиняные горшочки с деревянными затычками. Когда военачальник подошёл на расстояние нескольких шагов, девушка повернулась в его сторону. Усталые и сонные глаза асу Энеаты сверкали чистой синевой, как небо прохладным ясным утром.

— Доброго утра тебе, маленькая асу, — приветствовал Асахир.

— Да осенит ваш путь Аарка...

— ...Сокрыв от зла Эллашира? — перебив, вместо неё закончил Асахир и рассмеялся. — Служителей Эллашира так не приветствуют.

— Простите меня, господин байру. Я не подумала.

Асахир молча рассматривал её, пока Энеата, вовсе не отвлекаясь на его присутствие, копошилась в своих запасах. Вчера военачальника слишком тревожило ранение и почти нестерпимая боль; сегодня, несмотря на всё ещё скверное самочувствие, он охотнее изучал странную девушку.

Синяки проявились на бледной коже юной асу ярче, а кровь на ссадинах застыла тёмными корками. Вкупе с покрасневшими и припухшими не то от усталости, не то от пролитых слёз глазами, всё это не придавало и без того нескладной и блёклой девчужке красоты. Грязная, местами порванная туника и запыленные волосы завершали образ измученной страдальицы, и Асахир ощутил смутное подобие вины.

— Таллис спит? — спросил он, отвлекаясь от неприятных мыслей.

— Только задремал, господин байру. Как ваша рана?

— Твоими стараниями её нет.

Энеата пожалала плечами, сгребла листья в кучку и, обернув тонкой тряпкой, засунула обратно в сумку. Подняв, обнаружила, что сумка порвана, и всё содержимое вываливается наружу. С крайней обидой на лице асу резко опустила руки, бросив сумку на землю, ссутулилась, огорчённо глядя на испорченную вещь.

Из палатки вышагнул сонный Таллис — молодой лекарь, ровесник Эне, ученик покойного асу Кангара. Сейчас в небольшом войске Асахира было достаточно работы для целителя, и, хотя ему прислали на помощь Энеату, было похоже, что глаза он и впрямь впервые после битвы сомкнул лишь некоторое время назад.

— Господин байру, — приветствовал он, изо всех сил стараясь казаться бодрым.

— Здравствуй, Таллис. Алтар поправляется?

— Да, господин байру. Скоро снова встанет в строй.

— Маленькая асу помогала тебе?

— Да, господин байру. Она очень помогла. Если вы позволите, я хотел бы просить вас отпустить её.

— Помощь тебе больше не нужна?

— Нужна... Но не очень, — спохватившись, поправился он. — Я и сам справлюсь, лучше бы асу отправилась домой. Ей самой нужен отдых и лечение.

Асахир, не торопясь с ответом, огляделся по сторонам.

— Нет, пожалуй, не сейчас.

Энеата не отвлеклась от заново начатого копания в сумке и не изменилась в лице. Похоже, иного решения она и не ожидала.

— Асу Энеата дожждётся здесь появления своего жениха, — добавил он.

— Его нашли?! — тут же оторвалась от разглядывания своих вещей Энеата, резко вскидывая голову.

— Пока нет. Но люди оставляют следы даже на камнях. Как думаешь, асу, хватит у него мужества вернуться за тобой? Или он и ещё раз бросит тебя?

И без того бледная Энеата сейчас стала блее полной луны. Дрожащим голосом, напрасно стараясь казаться спокойной и гордой, ответила:

— В чем больше благородства, байру — в спасении собственной жизни или в игре чужими? Не много отваги надо, чтобы держать в заложниках девушку.

— Не стоит дерзить тем, кто сильнее, маленькая асу.

— Простите, господин байру. Я верю, что Нунне хватит ума не приходить.

— А как же ты?

— Убьёте вы меня или отпустите — зависит только от вас. Нунна ничего не сможет изменить ни своим приходом, ни своим отсутствием.

Энеата посмотрела на воителя холодно, но без неприязни, и Асахир насмешливо хмыкнул в ответ на этот взгляд. От продолжения разговора военачальника отвлѣк приход вестника, сообщившего:

— Байру, посланник эсина прибыл.

— Иду, — переводя взгляд, Асахир велел, обращаясь к Таллису и кивая на Энеату: — Накорми её, Таллис. И дай нитки и что там ещё... залатать сумку.

Уже разворачиваясь и уходя следом за позвавшим воином, Асахир дружелюбно добавил:

— Послушай доброго совета, маленькая асу. Впредь никогда не помогай трусам. Трусость — худшее, что может быть в человеке.

— Спасибо, господин байру, — холодно процедила Энеата. — Я запомню.

Воины спешно сворачивали шатры и собирали вещи — Асахир повелел покинуть скалы и отправиться на постой к союзникам в Арк. Туда же должны прибыть и остальные идшарские войска. Многие радовались, что наконец уйдут с каменистых склонов к прохладе реки и садов, к городу, где можно отдохнуть от суровых походных условий и разнообразить своё времяпрепровождение. Однако сам Асахир мечтал войти в другой город — в провинившийся Энаран, и остановка у Арка должна была быть краткой, достаточной лишь для того, чтобы немного собраться с силами перед битвой и дожидаться подкрепления.

Окинув лагерь внимательным взглядом, Асахир прищурился, остановив взор на лекарской палатке, которую сворачивали двое воинов.

— Таллис! — зычно позвал он, не увидев лекаря среди других людей.

Ответа не последовало. Асахир, остановив пробежавшего мимо сотника, спросил у того:

— Где Таллис?

Сотник только развел руками и сказал, что прошлый раз видел юношу утром, а позже не подходил к его шатру.

— Быстро найдите Таллиса и маленькую асу! — грозно рявкнул военачальник, отталкивая неудачно подвернувшегося на пути воина, торопившегося куда-то по своим делам.

Приказ быстро был подхвачен несколькими воителями, и спустя несколько мгновений стало ясно, что последним Таллиса видел один из стражей.

— Он проходил вместе с девушкой вот тут, — сообщил стражник и показал на место в тени колючих зарослей. — Прямо вот-вот, за пару мгновений, как отдали приказ собратья. Но я только мельком видел, мне же в другую сторону смотреть надо.

Появившееся в глазах идшарского военачальника волнение быстро сменилось яростью, когда раздался возглас:

— Повелитель! Таллис здесь!

Обернувшись в сторону кричавшего, Асахир увидел и плетущегося следом Таллиса, потиравшего сонные глаза. Опасения за юного лекаря уступили место злобе.

— Ну и где девчонка, за которой тебе было велено следовать?.. — холодно процедил Асахир.

— Повелитель, — испуганно пробормотал Таллис. — Я следил, следил, а потом... не знаю, что случилось, я...

— Заснул? — подсказал Асахир.

— Нет, я... Нет, она, наверное, заколдовала меня, я не спал, повелитель!..

— Тебе повезло, Таллис, что у меня не слишком много лекарей, — Асахир развернулся и позвал: — Азмар, Хатхор! Прочешите скалы в сторону Эрисума. Тэму! В сторону Арка!

Напоследок бросив сердитый взгляд на побелевшего от страха молодого лекаря, Асахир зашагал в сторону стоявших поодаль сотников.

Она уже и сама пожалела, что сбежала.

Обмануть Таллиса, чтобы он проводил её к краю лагеря, было несложно. Как и заставить его поддаться чарам и уснуть. Скрыться от глаз дозорных — тоже. Но Эне корила себя, что не могла подождать с побегом до вечера.

Полуденное солнце пекло непокрытую голову, жар от сухой почвы и раскалённых камней доводили Эне до безумия. Девушка всегда с трудом выносила местную погоду даже в тени садов, а здесь, посреди выжженной земли с редкими чахлыми кустами, теряла рассудок. Кровь стучала так, что Энеата, казалось, слышала её, дыхание сбилось, кожа горела нестерпимым пламенем.

Испытания солнцем и так хватало несчастной девушке. Но чары, призванные ею, добавляли новых терзаний.

Старик Хурсан всегда предупреждал об этом. Хоть молва и людское мнение действительно волновали старого целителя, главной причиной, по которой Энеате запрещалось колдовать, была сама Энеата. Юная и неопытная волшебница, обладавшая

слишком могущественным даром, с трудом могла справиться с ним...

Сила переполняла её, требуя выхода. Энеате страстно желалось обрушить скалы, поджечь и без того несчастный сухостой, призвать яростный ветер, что ураганом снёс бы всё на своём пути, или выплеснуть из берегов Великую реку, чтобы покорить эту ужасную жару...

Сдерживаться было всё труднее, как и пытаться думать о другом. Девушка была уверена, что дома будет в безопасности — как бы ни стремился эсин Арка выразить свою дружбу Идшару, выдать свободную горожанку, дочь известного и уважаемого человека, он вряд ли посмеет. Но будет ли в безопасности сам Арк, если Эне придёт туда сейчас, из последних сил сражающаяся с самой собой — девушка сомневалась.

Сады и поля, окружавшие светлые стены города зелёным кольцом, раскинулись впереди. Сверканием и блеском манила синяя лента Великой Реки. Оставалось совсем немного. Ещё небольшое усилие, последний рывок. Но надежда, что Энеата сможет дойти, становилась всё слабее. Сил бежать давно не было.

Девушка еле волочила путавшиеся ноги, пошатывалась, прикрывая голову остатком изорванной сумки, отмахивалась от мерещившихся перед потемневшим взором мух и еле справлялась с одышкой. Увидев рядом более-менее высокий куст, способный дать хоть немного тени, Энеата из последних сил добрела до него и рухнула на горячую, но хотя бы не раскалённую, как везде вокруг, почву.

Асу хотелось прикрыть измученные ярким светом и поднимавшим колючий песок ветром глаза хотя бы на мгновение, но она боялась лишиться сознания и лишь всё шире распахивала веки. Флягу с водой Эне отдала Нунне и сейчас безнадежно пыталась хотя бы облизнуть иссохшие и облезшие губы. Оглядев покрасневшую кожу, Эне в бессильной злобе стукнула ладонью по земле. Надеясь облегчить дыхание, развязала туго затянутый пояс. Оставалось лишь уповать, что кто-нибудь из земледельцев выберется на окраины возделанных угодий и додумается посмотреть в эту сторону...

От невыносимого желания выпустить на свободу колдовскую силу юную целительницу освободил обморок.

...Топот и отрывки разговоров доносились издалека, с трудом пробираясь сквозь марево нездорового сна. Из гулкого невнятного шума голоса вскоре превратились в глухие, еле слышные, но внятные слова.

— Без сознания?

— Солнце?

— Ага. Перегрелась.

— Как она вообще живёт с такой бледной кожей?..

— Разойдитесь, олухи! Воды! Кто-нибудь, дайте скорее воды!

— Не ори, Таллис!

— Да быстрее же!..

Лба коснулась прохладная мокрая тряпка, и Эне шевельнулась с тихим стоном. Кто-то поднял её на руки, но Энеата, едва приоткрыв глаза, поняла, что всё равно ничего не видит. Опустив тяжёлые веки, она вновь провалилась в небытие, напоследок успев услышать:

— Тьма Хеды! Она выглядит гораздо легче, чем на самом деле...

Глава 7. Порт

Полумрак жертвенного зала храма, наполненный тяжёлыми, приторными дымом от

курильниц. Тишина святилища успокаивала Таман, и женщина впервые за последние дни не плакала, оставшись в одиночестве. Но покой вскоре нарушила подошедшая жрица, произнося:

— Вы просили сообщить, если будут новости, госпожа.

Таман поднялась с колен и отвела взор от изваяния божественного пахаря. На вестницу она смотрела с плохо скрываемыми опасениями. Жрица отвернулась и произнесла, теребя пальцами хвостики-кисточки расшитого пояса:

— Прибыл посланник идшарского байру... Вам лучше идти.

— Куда?

— Домой. Эсин Луганг уже отпустил его, и он сказал, что желает ещё поговорить с вашим супругом.

И без того бледное лицо Таман побелело. Она стремительно зашагала к выходу, еле сдерживаясь, чтобы не бежать.

Когда Таман пришла, чужих в доме уже не было. Муж ждал её, прислонившись спиной к стене и бессмысленно глядя вперёд. Таман тихо подошла, но верховный судья Арнунна не изменился в лице и не взглянул на неё.

— Любимый!.. — нежно позвала она.

Арнунна всё так же молча вытянул вперёд руку с крепко сжатыми в ней ножами. Кожаные ремешки ножен украшали драгоценные бусины, да и узоры Таман узнала мгновенно. Эти ножны подарили Нунне, когда тот избрал путь воина и поступил в обучение. Таман сама вышивала цветы и птиц, добавляя к оберегу силу материнской любви.

— Боги... — выдохнула Таман.

— Я ухожу, Таман. Харат о тебе позаботится, — наконец заговорил Арнунна.

— Что сказал посланник?..

— Что байру ждёт меня.

— И всё?

— А чего тебе ещё надо...

— Он не обещал отпустить Нунну и Миру?!

— Нет.

— Но...

— Прощай, Таман. Я не вернусь. Молись, чтобы Нунна и Мира вернулись.

Как бы ни хотелось Таман остаться в памяти мужа красивой, она не смогла сдержать чувств и разрыдалась, прижимаясь к Арнунне так крепко, как будто пыталась раствориться в нём.

— Я пойду с тобой, — сквозь рыдания судья с трудом разобрал слова. — Я не дам тебя убить... Я упрошу его. В ноги брошусь, именем его матери буду молить... Есть же у него сердце...

Арнунна неожиданно зло и грубо оттолкнул её, широко распахнул глаза и грозно крикнул:

— Не смей позорить меня, женщина! Я приму свою судьбу с честью! Даже не думай позорить наш род унижениями!

— Арнунна! Прости! — закрыв заплаканное лицо ладонями, Таман замотала головой. — Прости меня!

Он вновь притянул жену к себе, виновато произнёс:

— Боги благословили меня, дав такую супругу, — он коснулся её волос губами. — Не

бойся, Таман, моя милая. Мы снова будем счастливы в садах Астарны.

Таман лишь громко рыдала, уткнувшись лбом в грудь мужа.

Жители Дарфии верили, что всякое время пользуется особым покровительством кого-то из божеств. Прохладное и светлое утро, время земледельческого труда, управлялось божественным пахарем Ирутаром; в полдень, когда жгучий жар не даёт выйти из дома, могла помочь только супруга Ирутара Тааль, хранительница всех источников и рек, дева-вода; вечер, без сомнений, принадлежал богине страсти Астарне; а время с полуночи и до рассвета было временем зла и крови, временем непобедимого бессмертного воителя Эллашира. Аарка-Луна и Адуана-Солнце, по мнению дарфийцев, могли лишь изредка спорить с богами-хранителями. Но вот уже которую ночь многие из энаранцев надеялись, что ссоры Эллашира с его доброй сестрой Ааркой будут особенно жаркими, и небесный покровитель идшарцев отвернётся от них, занявшись своими собственными делами.

И всё же ночь по-прежнему была на стороне Идшара. Аарка-Луна скрылась за чёрными облаками, и непроглядная темнота закрывала дали. Стражники на энаранской заставе, которые должны были зажечь огонь на башне при появлении врага, не успели исполнить свою задачу. Меткие стрелы аркских предателей, нацеленные по светящимся в ночи факелам энаранских стражей, пронзили дозорных на смотровой площадке, а их сменщики, что спали внутри, не успели проснуться прежде, чем в башню вошли воины Идшара.

Энаранский порт был пуст, если не считать нескольких рыбацких лодок, ведь Арк перекрыл реку для кораблей, как и Ризайя, город чуть ниже по течению Великой Реки. Когда первые лучи рассвета коснулись дозорных башен города, громогласно зазвучал рог, предупреждающий об опасности — идшарские воители были на подходе.

Жители пригородов спешно устремились к городским воротам, надеясь укрыться за крепкими стенами. Стражи и воины еле сдерживали людей, чтобы те сами не передавили друг друга в надежде спастись. Эсин Луганг смотрел на город из окна одной из башен, с тоской выслушивая прибежавшего вестника.

Эсин вздохнул, окидывая взглядом раскинувшийся внизу Энаран. Он был так красив, этот цветущий город-сад. Полный зелени и воды, изящный, изысканный, почти совершенный.

Больше всего на свете эсин Луганг хотел бы, чтобы город стоял вечно. И всё же мысль о том, что для этого самому Лугангу стоило умереть, пугала и отталкивала.

И он не вышел на зов Асахира.

Слишком поздно прозвучал тревожный рог — не все успели покинуть опасное место. Стрелы и камни осыпали улицы окружавшего порт поселения; рыбаки и рабочие спешно разбегались, надеясь укрыться в домах и подвалах. Те же, кто охранял порт Энарана, выхватывали оружие и мчались к башне, собираясь там принять бой. Гарнизон — лишь чуть больше сотни воинов да пара десятков стражей.

Энаранские дозорные-лучники выстроились в ряд, вложив стрелы, целясь и ожидая приказа командира. Раздался возглас «Залп!», и ливень стрел устремился к врагам; но в ту же долю секунды прозвучал и приказ для мчавшихся вперёд идшарцев, резко замеревших и

поднявших тяжёлые щиты. Переждав опасное мгновение, идшарцы так же молниеносно рванулись продолжать свой путь.

— Эллашир!.. — грянул и пронёсся над окрестностями громогласный боевой клич идшарцев.

— Залп! — ещё раз скомандовал предводитель энаранцев, и в этот раз получилось удачнее — несколько человек упали, ещё нескольких зацепило, хотя едва ли серьёзно ранило.

Расстояние сокращалось слишком стремительно, и командир портовой стражи не видел смысла в битве здесь и сейчас — огромное численное преимущество идшарцев не давало никакой надежды на победу в честном бою.

— Отступаем! — закричал он, рукой указывая назад. — Отходим назад!

Воины и стражи бросились врассыпную, надеясь затеряться среди домов и попытаться поймать тех из идшарцев, кто попытается скорее пройти через хитросплетение улиц портового посёлка и отойдёт на какое-то расстояние от товарищей.

Асахир, как и всегда, мчался в первых рядах. Сражаться на улицах незнакомого городка было бы опасно, будь у Энарана хоть немного больше людей. Но Асахир отправил на эту первую вылазку шесть сотен, не считая сотни аркских стрелков, сделавших несколько залпов до боя и теперь стоявших поодаль и прикрывавших подход основной части войска — больше, чем нужно, но излишне рисковать военачальник не хотел.

Лязг оружия, редкие воззвания гулкового рога и крики — привычные и приятные звуки для байру, живущего войной. Отряд защитников порта бросился врассыпную после двух не слишком удачных залпов, но стрелы то и дело свистели мимо, выпущенные высунувшимися откуда-нибудь лучниками.

Асахир краем глаза успевал заметить, что почти все подобные вылазки заканчиваются плачевно для отчаявшихся энаранцев. Показавшего свое местоположение стражника сразу же замечали и окружали, не давая возможности покинуть укрытие. Ещё хуже обстояли дела у мечников и копейщиков — тех, кто пытался высунуться, думая, что застал отбившегося от товарищей одиночку, растерзать могли почти мгновенно. Асахир приказал верным спутникам идти в другом направлении, отдалившись от них и свернув в одну из небольших улиц в надежде наткнуться на прятавшегося энарнца.

Ему повезло почти сразу. Из-за изгороди одного из дворигов вынырнул мечник, тут же набросившийся на Асахира, причём довольно ловко — байру едва успел увернуться от удара, уходя в сторону и поднимая щит, с лязгом встретившийся с клинком защитника.

— Идшар! — рявкнул боевой клич Асахир, замахиваясь копьём. Но раненое в прошлое битве плечо, чудесным образом залеченное Энеатой, вдруг подвело воителя. Копьё качнулось, встретив древком мощный удар щита соперника, и чуть не выпало из почти разжавшейся ладони Асахира. Энаранский мечник не дал ему отшагнуть назад в попытке как следует размахнуться — подскочив, энаранец быстрым и точным выпадом заставил Асахира закрыться щитом и отпрыгнуть в сторону.

Боль в плече на месте прежней раны не собиралась отступать, с каждым мгновением становясь всё сильнее, но для Асахира не существовало нестерпимой боли. Куда больше его волновала предательски дрожавшая рука, упорно не желавшая как следует сжать древко. Отбив очередной удар, Асахир резко развернулся боком и швырнул в сторону свой щит, перехватив копьё левой ладонью. Здоровая рука тут же крепко сомкнулась на тёплой древесине, и последовавший мощный удар пронзил бы энарнца насквозь, если б тот не

успел пригнуться. Копьё просвистело над головой стража.

— Асахир!.. — раздался возглас Азмара, одного из сотников Асахира, свернувшего в этот же переулочек.

Рука Асахира вновь дрогнула, когда он пытался ударить. Из-за невыносимой боли в плече у Асахира на мгновение потемнело в глазах, и он пропустил выпад энаранца — к своему счастью, не слишком точный. Лезвие скользнуло по руке, разодрав наруч и кожу. Сотник Азмар рванулся на помощь, но назвать раной такую царапину байру и не подумал.

Только разъярившись от осознания собственной уязвимости, в порыве бешенства Асахир взмахнул копьём, ударив энаранца древком, а не наконечником. Тяжёлый сокрушающий удар пришёлся по виску, и стражник рухнул на дорогу.

— Тьма Хеды!.. — прорычал Асахир, вновь беря оружие в правую руку.

Военачальник было крепко сжал в руке древко тяжелого копья, но тут же, пошатнувшись, уткнул его в землю. Тяжело опершись на него, как на посох, Асахир одарил бранью память прошлого сражения.

— Хиру?.. — испуганно бросился к нему Азмар.

Асахир раздражённо отмахнулся.

— Отступай, — настойчиво предложил сотник. — Я прикрою. Тебе нужен лекарь.

— Я с ним говорил. Он мне не поможет.

— По крайней мере, рана уже не опасна. Ещё немного времени, и всё наладится, я уверен. Но...

— У меня нет времени, Азмар!.. — Асахир резким движением подхватил копьё, и на этот раз удержал его на весу. Преодолеть боль он бы смог, но рука предательски дрожала, и надеяться на точность ударов воин не смел. Несколько проверочных выпадов — и Асахир снова опустил копьё, бранясь.

— Хиру, брат, — попытался уговорить военачальника Азмар. — Прости, но здесь тебе... не место...

Увидев выражение лица Асахира, Азмар, побледнев, очень торопливо добавил:

— Сейчас... Пока что!

— Мне?! Не место в битве?! А где мне, по-твоему, быть?! Идти пока тут порыбачить?!

— Хиру, прошу тебя! Тебя убьют! Отступай!

— Мои люди пойдут в бой за мной, — Асахир тяжело вздохнул. — После меня.

— Я же говорил, эту колдунью надо брать с собой!

— Не думаю, что она может сделать что-то ещё.

— А если она нарочно сделала так, чтобы ты не мог биться? Не рискуй, прошу тебя!

Асахир молча снова попытался размахивать копьём. Сил хватило ненадолго — слишком широко размахнувшись, он пошатнулся и еле удержал оружие в руке.

— С мечом будет получше... — задумчиво произнёс он, пристально наблюдая за отчаянно дрожащим в ослабевшей хватке копьём.

— Хиру!..

— Заткнись и подай мне щит.

Азмар нахмурился, но приказ выполнил. Асахир пристегнул копьё к ремням на спине, взял в руки короткий меч. Это оружие удержать на весу было действительно легче, и Асахир, вздохнув, отправился дальше.

Надежды уйти у защитников было мало. От самого города портовый посёлок отделяли поля, пройти по которым незамеченным было невероятно; единственной возможностью

были виноградники, расположенные чуть в стороне — арки, оплетённые цепкими ветвями с густой зеленью, были чуть выше человеческого роста, и скрыться там не представляло бы труда.

Большинство идшарцев, вихрем промчавшись сквозь улицы, окружили поселение и перекрыли пути к отступлению. Те, кто остались искать и добывать затерявшихся во дворах энанранских стражей, старались прогнать всех в сторону засад и полей. Асахир присоединился к тем, кто сторожил выходы к виноградникам, сочтя, что большая часть защитников направится именно сюда.

Так оно и случилось. Очень скоро отряд энанранцев во главе с командиром портовой стражи, гонимый занявшими улицы идшарцами, попытался пробить себе выход к винограднику.

Появившись из-за поворотов улочек, стражи порта увидели поджидавших идшарцев. Не видя иного выхода, кроме как прорваться с боем, командир стражи протрубил в рог, приказывая своим людям идти вперёд. Небольшое пустое пространство площади, отделявшей дома порта от забора виноградника, стало местом решающего столкновения.

— Иругар!.. — воззвали энанранцы, отчаянно бросаясь в наступление.

— Эллашир! Идшар!.. — грянули в ответ идшарцы.

Асахир теперь даже обрадовался, что успел заранее сменить тяжёлое копьё на меч. Асахир слишком любил своё копьё — подарок жреца-наставника, огромное оружие с расписанным яркими красками древком из заморского дерева, тяжёлого и крепкого, как камень, и массивным наконечником из небесного железа — ценнейшего и редкого металла. Бросить горячо любимую вещь без присмотра военачальник не мог, а закрепить его за спиной ремешками было довольно сложным и долгим делом, так что на смену оружия пришлось бы потратить время, которого не было.

Оставшихся стражей порта оказалось где-то полсотни. Из них половина — городские стражники, больше привыкшие бегать за воришками на рынках, чем отстаивать право на жизнь в кровавом сражении. Выход к винограднику сторожили четыре десятка идшарцев, и у защитников Энанрана была бы возможность победить, будь они хоть немного более опытные и закалены в боях...

Столкновение двух отрядов больше напоминало бойню, чем битву. Идшарцы влетели, просто сметая стражей, не давая тем даже опомниться и попытаться прикрыться щитами от точных и сильных ударов мечей. Энанранцы оттеснились назад, надеясь воспользоваться преимуществом в знании улиц и вновь скрыться в тесных проходах, но сзади уже подоспело ещё с десятков идшарцев, отрезавших все пути к отступлению. Остатки энанранцев, всего четверо совсем молодых стражей, бросили оружие на землю, сдаваясь на волю победителей и надеясь на милосердие захватчиков.

— Прочешите все дома, — приказал Асахир, обращаясь к одному из своих воинов. — Стражей, воинов и всех, кто попытается сопротивляться — убить. Жителям разрешить уйти в город.

Тот кивнул и протрубил в рог, созывая разбредшихся идшарцев. Сдавшимся стражникам Асахир задал вопрос:

— Теперь скажите мне, почему я должен вас щадить.

Те промолчали, но Асахир собирался дождаться ответа. Взвесив в руке меч, военачальник Идшара посмотрел на одного из пленников, прищурился глазами и криво ухмыляясь. Молодой стражник не выдержал и пролепетал:

— Я знаю, как пройти в город мимо стен... Есть проход...

Его товарищ, стоявший рядом, бросился к нему, выхватывая спрятанный за поясом маленький нож и намереваясь ударом остановить струсившего стража. Сотник Асахира Азмар успел рвануться и оттащить его, выбив нож из руки и отбросив в сторону. Асахир задумчиво посмотрел на говорившего, затем скосился в сторону, ухмыльнулся, предложил:

— Ну, продолжай, чего смолк.

— Вы отпустите меня, если я скажу?

— Пожалуй. Ты предлагаешь хорошую цену за свою жизнь. Меня устраивает.

— Заткнись!.. — рявкнул другой стражник, тот, которого отшвырнул от предателя Азмар. — Они всё равно тебя убьют, ты, безмоз...

Удар кулака Азмара перебил охоту стражника вступать в происходящее, но лишь на мгновение. В следующий миг он вновь попытался наброситься на предателя, но его остановил теперь уже меч Азмара.

— Надоел, — виновато произнёс Азмар, опустив голову и снизу вверх глядя на сердитого Асахира.

— Говори, — вновь настойчиво повторил Асахир.

— В храме Аарки есть проход, из зала провидицы... Он широкий... Ведёт в главный храм...

— Зала провидицы?

— Да, там небольшая комната, полотно с узорами — это на самом деле дверь...

Асахир хмыкнул, развернулся и явно собрался уходить.

— Так что с ними? — спросил Азмар.

— Убить.

— Ты обещал!.. — отчаянно выкрикнул предатель, рванувшись вперёд, но идшарцы удержали его на месте.

— Трусы и предатели не достойны милосердия, — холодно ответил Асахир, не желая даже оборачиваться.

Но обернуться пришлось. Вспыхнул ярчайший свет, на несколько мгновений заполонивший пространство и затем сменившийся тёмным серым туманом; с ног чуть не сбил пронесшийся по улице ураганный ветер. Непривычный леденящий холод объял воинов, и кто-то выкрикнул:

— Боги против, байру!..

— Бред! — грозно рыкнул Асахир.

Новая вспышка света сверкнула чуть в стороне, и Асахиру показалось, что он заметил, откуда шёл этот свет. Ветер дул с той же стороны. Расталкивая людей, мешавших ему пройти, военачальник устремился к таинственному сиянию.

— Байру!.. Стойте!..

Прищурив глаза и с трудом, но проходя сквозь потоки ветра, Асахир увидел именно то, что и ожидал увидеть — стена яркого света, слепившая глаза там, посреди двора, закончилась. Посреди поднявшихся клубов грязно-жёлтого песка не оказалось ничего жуткого или божественного. Напрасно пытаюсь укрыться под ветками раскидистого тамариска, в уголок двора вжалась Энеата.

— Какого... — Асахир явно не ожидал увидеть её снова, а тем более здесь, в порту, посреди побоища, куда вообще невозможно было пробраться живьём.

Энеата не видела приближавшегося Асахира — её веки были плотно сжаты. Она

сосредоточенно шептала неясные слова, стоя на коленях и сцепив ладони. Платок съехал с её головы, и рыжеватые волосы, заплетённые в косу, поблескивали в отсветах колдовского сияния. Но разъярённый военачальник не видел хрупкой девочки — он видел колдунью, осмелившуюся ему помешать.

— Ты!!! — рявкнул он, бросаясь к Энеате и занося меч.

Глава 8. Военачальник и ведьма

Когда Энеата очнулась у себя дома и узнала, что идшарцы принесли её сюда, она первым делом спросила о Фазмире и Нунне. О Нунне никто ничего не знал; а Фазмира прибежала сама, рассказав, что все поверили, будто из детей судьи сюда прибыл только средний сын. Фазмира умело притворилась служанкой, и остальные не выдали её. Вот только вздохнуть с облегчением Энеата не успела — Фазмира сообщила, что идшарцы зачем-то забрали с собой вещи Нунны.

Эне сразу разгадала задумку. Ей вспомнились слова байру Асахира. Военачальник ясно сказал: Нунна его не интересуется, и поимка юноши — лишь способ выманить из-за городских стен верховного судью. Но именные ножны или письмо отца — убедительное доказательство поимки, и сам Нунна может и не понадобиться...

Оставив на столе кухни послание для Фазмиры, сообщавшее, что Эне скоро вернётся, целительница вновь покинула родное жилище.

Пеший путь до Энарана должен был отнять слишком много времени и сил, а Энеата собиралась беречь и то, и другое. Поэтому девушка обратилась к соседке, чей муж был торговцем, и попросить одолжить ненадолго онагра и повозку. На ходу придумав, будто её просит приехать в одну из деревень больной, и в довесок к словам одарив соседку парой монеток, Энеата легко убедилась, что та согласится. Стражам у городских ворот Энеата объявила то же самое, и те без сомнений позволили ей покинуть город, только с уважением протянув вслед уходящей девушке что-то вроде:

— Сама только поднялась, еле на ногах стоит, а уже помогает кому-то. Вот истинная асу!

А вот попытка скрыть колдовским мороком и себя, и повозку вместе с впряжённым в неё животным оказалась непростой задачей, и усталая и утомлённая Энеата недолго справлялась с этим делом. Если городские стражи Арка так и остались уверены, что повозка везёт Энеату куда-то в сторону Эрисума, то дозорные первой же заставы громко объявили, завидев приближающегося онагра:

— Эй, смотрите!.. Пустая повозка! Сбежал от хозяев, гадёныш!.. Шустро бежит.

Когда повозка подкатила к башне, Энеата подтянула поводья, прося онагра замедлить ход, и легонько прыгнула, так и оставшись незамеченной. А подошедшие стражи принялись наперебой высказывать предложения о происхождении заблудшего животного. Понадеявшись, что стражи вернут онагра и телегу в Арк — ведь на оглоблях возка было вырезано имя владельца — Энеата невидимкой заторопилась дальше.

Без малейших опасений Энеата пробралась в предместья города, пройдя мимо сотен идшарских воинов. Она хотела пройти в Энаран и просто предупредить судью Арнунну. Сказать, что вещи Нунны ничего не значат, что сам он далеко, в безопасности. Эне была уверена, что это именно так, ни на мгновение не переставала надеяться, что её жених уже в Карауде, рядом с дедушкой Хурсаном, и им обоим ничего не грозит.

Войдя в портовый посёлок, Энеата перестала скрываться. Люди здесь не обращали на

неё ни малейшего внимания — они суетились, кочевали от дома к дому, перетаскивали корзины с рыбой и зерном, собираясь набрать побольше еды, прежде чем отступить в город. Но выйти из порта Энеата не успела. Шум поселения вдруг перекрыл тревожный рог.

Стражники срывались с мест и мчались куда-то, на ходу выхватывая оружие; люди бросали вещи и бежали к своим домам. Энеату чуть не сбил с ног какой-то рыбак.

— Ты откуда здесь? — удивился он, воззрившись на Энеату. — Вчера же ещё всех женщин в город отослали!..

— Я...

— Поздно, прячься тут!

— Но город...

— Да ты дура, что ли?! Какой город! Услышав рог, ворота тут же закроют! ПРЯЧЬСЯ!

Энеата метнулась вслед за ним, решив послушаться совета. Она спряталась за оградой чьего-то двора, под ветвями тамариска, и совсем не знала, что делать дальше. Если городские ворота закрыты, то внутрь ей никак не попасть. Под угрозой приближающихся идшарцев никто, наверное, не откроет ей.

Асу никогда прежде не видела битвы. Шум, лязг, крики и свист стрел пугали её до дрожи.

Хотя чары могли бы снова сделать Эне невидимкой, если кто-нибудь ворвётся сюда, высовываться из убежища она не торопилась. Морок защитит её от взглядов, но не от пальной стрелы и не от случайного удара. Энеата сидела, свернувшись в дрожащий комочек, и не решалась открыть глаз.

А битва, меж тем, звучала всё ближе и всё страшнее. Когда всё вдруг стихло, и в тишине раздался на мгновение громкий лязг, тут же утихнувший, Энеата распрямилась и открыла глаза. А краткое безмолвие разрушил голос, который Энеата сразу узнала.

— Теперь скажите мне, почему я должен вас щадить.

Это был голос Асахира. Она не спутала бы его ни с каким другим. Энеата, замерев, вслушивалась в разговор. И когда Асахир приказал убить сложивших оружие, асу не выдержала. Ярость охватила её, затмевая разум.

Спасти жизнь Арнунны оказалось второстепенной, незначительной задачей. Теперь Энеата считала своим долгом спасти тысячи жизней, и цену их она видела в одной-единственной смерти. С гибелью мстительного Асахира всё это прекратится.

Энеата забыла о скрывавшем её мороке, занявшись другим колдовством. Свет ослепит воинов Идшара, ослабив их волю. Энеата никогда прежде не пробовала, но отчего-то знала, как вытянуть жизненные силы чарами...

Стремление спасти Энаран было столь сильно, что страх и разум проснулись слишком поздно. Они настигли Энеату лишь тогда, когда яростный крик вызвал её из колдовского тумана.

Обернувшись на возглас и открыв глаза, она увидела несущегося на неё Асахира. Крепко сжатый в руке меч, уже занесённый для удара, не давал никаких поводов думать, что военачальник простит вмешательство. Сердце замерло, а воля, прежде поддерживавшая чары, тут же отступила. Страх приказал Энеате сдаться и просто ждать. Колдовство рассыпалось, сияние угасло.

Слишком долго длилось мгновение, даже доля мгновения — как во сне, наблюдала девушка за движениями клинка, не дыша, не думая, не желая понимать всего ужаса происходящего и невозможности что-либо изменить. Слишком многое успело промелькнуть

в памяти: полумрак и родной пряный запах лавки, рассветное солнце в их саду цветущих персиков, тепло домашнего очага в прохладный зимний вечер, осторожный поцелуй на прощание, подаренный красавцем Нунной, и обещание беречь себя от любых бед, данное дедушке Хурсану... Обещание, нарушенное ею многократно, но теперь — без надежды всё исправить. Чувство горькой вины нахлынуло, прогоняя страх. Смерть будет единственным избавлением от этой невыносимой мысли — увидеть обиду и разочарование в глазах наставника...

Но в последний миг Энеата словно очнулась. Она должна была выжить. Резко вскочив, Эне отпрыгнула в сторону, разворачиваясь назад и порываясь убежать. Асахир отбросил щит, и, дернувшись вперёд, освободившейся рукой схватил Эне за косу, рванув и заставив её остановиться и закинуть голову назад, открывая шею для точного удара. Девушка хотела зажмуриться, но вместо этого в ужасе таращила глаза, ловя полный злости взгляд Асахира. Ещё доля мгновения — и идшарский военачальник убьёт её, не видя в том особой беды... Против воли вырвался полный страха пронзительный писк, тут же превратившийся в жалкий всхлип.

Асахир замер. Гнев в зелёных глазах на миг угас, сменившись легким призраком жалости. И Энеата совершила ошибку, упустив надежду на милосердие — она вновь напала. Призванный ею ветер не сшиб Асахира с ног, но только вновь раздул пламя ярости. Военачальник поднял меч.

Энеата сжала ладони так, что ногти до крови проткнули кожу. Взмах. Удар. Темнота.

...Зачарованно глядя в небеса и ожидая новых знамений, напуганные воины Асахира никак не могли собраться с духом и выполнить приказа военачальника, охраняя пленных, но не решаясь убить их. В таком же страхе молча глазели в синеву и захваченные стражники. Однако, когда спустя несколько мгновений после ухода байру всё стихло, они начали переглядываться между собой, не сумев решить, видеть ли в этой тишине благо или опасность.

Асахир вышагнул из-за поворота, таща на плече худощавую девушку — похоже, без сознания. Стремительно подойдя к замершим без движения воинам, он сбросил Энеату на мостовую, как мешок, и рассерженно произнёс:

— Вот ваши боги. Труссы!

— Девчонка? — вслух удивился один из идшарцев.

— Это же та маленькая асу... — неуверенно добавил кто-то.

— Ведьма, — буркнул Асахир и повернулся к всё ещё ожидавшим участи пленным. — Я же приказал!..

Несколько взмахов меча Асахира отменили необходимость выполнять это приказание.

— Трупы убрать с дороги!.. — рявкнул он, собираясь уходить в сторону идущих по побережью остальных отрядов Идшара.

— А ведьма? — поинтересовался кто-то из воинов.

Асахир пару мгновений помолчал, глядя на безжизненную фигурку, и холодно сказал:

— Ансари, оттащи в лагерь. Если очнётся, пусть мне сообщает.

Глава 9. Сёстры

— Я пришла навестить асу Энеату, — прошелестел нежный женский голос, едва Фазмира высунулась со двора, приоткрыв калитку.

Статная девушка с длинными, почти до земли, белоснежными волосами стояла у входа, приветливо улыбаясь и щуря на солнце немислимо светлые глаза. Фазмира замерла, широко распахнув глаза и уставившись на необычайную гостью.

— Госпожа Энеата дома? — повторила пришедшая девушка, поняв, что Фазмира прослушала её первые слова.

— Нет, её нет дома сейчас, к сожалению, — замотала головой Фазмира. — Асу Энеата уехала по делам в деревню.

— По делам?

— Да, к какому-то больному её пригласили, — затараторила Фазмира. — Она сразу и умчалась, даже не успела ничего сказать. Записку вот отставила и помчалась. Представляете, сама только-только с постели, болела-болела... вскочила и побежала! Ох уж мне эти асу.

— Ах... Как жаль. Мне так срочно надо с ней поговорить. Скоро она вернётся?

— Не знаю. Вроде сказала, что там тяжёлый случай. Так что, наверное, не очень скоро. Хотя кто знает. Может и быстро. Я знаю? Мне никто ничего не сказал. Да и всякое бывает. А вы, вообще, кто?

— Меня прислал Нунна, — в отличие от Фазмиры, таинственная красавица говорила медленно, плавно, даже слишком чувственно. — Мы встретились в Эрисуме, и он попросил меня убедиться, что Энеата дома и с ней всё в порядке...

— Нунна!.. Он живой, здоровый?! О! Слава добрым богам! Входите, входите!.. Да расскажите же, как он?..

Калитка со скрипом закрылась, шелкнула задвижка, и Зара наконец вошла под сень дома своей сестры.

Сидя на земле у ворот, Нунна ждал Рамзаша, как ждут приговора или пророчества. Староста деревни вскоре вышел, держа в руках небольшой мешочек.

— Два письма, — строго произнёс Рамзаш. — Одно, с красной вышивкой, отдашь только лично в руки Энеате. Никто другой не должен даже прикоснуться к нему. Ясно? Второе передашь через кого-то. Только, пожалуйста, теперь без богов! Попроси земледельца, идущего на ярмарку, или погонщика... Что-то такое, попроще.

Нунна кивнул.

— Ну всё. Иди.

— Господину Хурсану лучше? — виновато отозвался Нунна.

— Не очень-то. Да нет, не вини себя, парень. Возраст... Ты просто принёс новости. Он поправится.

Нунна хотел бы верить этим словам Рамзаша, но видел, что тот говорил через силу. Староста и сам явно винил жениха Энеаты.

— Слушай, парень, — правильно растолковав смущённое молчание Нунны, выдохнул Рамзаш. — Я вижу, что ты не хотел никому вредить. Но пойми — большой мир несколько отличается от родного двора. Не глупи больше. От тебя сейчас зависит многое — не доверяй никому! Никому, слышишь? Даже если тебе явится весь сонм богов во главе с Ирутаром! И никому ничего не рассказывай. Не оставляй Энеату одну, даже если она сама будет отсылать тебя. Она, как и ты, ещё маленький наивный ребёнок. Хурсан говорит, что Энеата сильнее Зары. Но ведь Зара... в общем, Энеата просто не готова.

Нунна отчаянно закивал.

— Да иди же уже, время дорого! — пригрозил пальцем Размаш.

Нунна тут же развернулся и торопливо зашагал прочь от деревни. В этот раз он снова шёл налегке, чтобы не терять скорости, но с мечом на поясе считал себя полностью собравшимся для путешествия. Небольшая поясная сумка, что выдал ему Рамзаш, вмещала в себя две фляги с водой и достаточное количество сухарей с парой кусков вяленого мяса вдобавок. Защитая и выстиранная одежда казалась почти новой, ссадины и синяки уже сошли, и Нунна чувствовал себя отдохнувшим, хотя провёл в деревне один день и две ночи, да и то — в беспокойстве за пошатнувшееся здоровье асу Хурсана, слишком болезненно отозвавшегося на принесённые Нунной известия.

Юноша то и дело хотел сорваться с шага на бег, чтобы скорее преодолеть предстоящий ему путь, но сдерживался, понимая, что стоит беречь силы. Его всё же ждала не самая близкая дорога, да и кто знал, что там, в конце путешествия — отдых или битва.

Рамзаш рассказал ему о Заре — колдунье, которую доверчивый юноша принял за Аарку. Рассказал то немногое, что знал, но этого было достаточно, чтобы понять — Энеата в опасности. Нунна отчего-то верил, что идшарцы Энеате не навредят. Быть может, просто слишком боялся думать о возможной беде и заставил себя считать Энеату слишком сильной для этих врагов. Но другая волшебница — это звучало так страшно.

В душе тлела обида. На себя, что оставил Энеату; на Энеату, обманувшую и пообещавшую, что справится со всем; на Зару, которая так легко обвела его вокруг пальца, словно наивного ребёнка. И Нунна, сам не замечая, всё ускорял шаг, стремясь поскорее разобраться с ошибками прошлого.

Путь от Карауда к городу занял ещё меньше времени, чем в прошлый раз, но заночевать всё же пришлось в Эрисуме. На этот раз Нунна предпочел отдать пару монет за сон на постоялом дворе, а не сидеть в храме Аарки, и утром следующего дня сел в порту на небольшое судёнышко, плывущее в Олианру — крохотное поселение возле Арка. Именно там Нунна собирался найти посланника для одного из писем. И нашёл. Один из жителей Олианры как раз собирался отвозить в Арк товары на продажу и согласился отвезти маленькую глиняную табличку до дома асу, даже отказавшись от вознаграждения. А вот приютить Нунну на время никто не пожелал, опасаясь незнакомого человека с мечом, и юноша устроился на отдых в тени зарослей на берегу, возле причала.

Путь от деревни до города казался совсем близок — стены и башни Арка было прекрасно видно отсюда, и Нунна надеялся на скорый ответ. Однако скоро начало темнеть, дневная жара сменялась вечерней прохладой и белёсым туманом, а земледелец, выступивший в роли посыльного, возвращаться не спешил.

Нунна поёжился и ссутулился, обхватывая руками поджатые колени и надеясь, что так сидеть будет немного теплее; однако холодная ночь и порывистый мокрый ветер с реки быстро разубедили его. Погода портилась, сгустились чёрные ночные тучи, и Нунна уже начал опасаться, что пойдёт дождь. Однако выглянувшая сквозь облачное полотно ярко-жёлтая растущая луна, почти полная, успокоила его. Правда, ненадолго — вид прекрасного ночного светила напомнил ему об Аарке-Заре, знавшей, где искать Энеату, и Нунна, решив не ждать письменного ответа или прихода Энеаты, встал и зашагал к городу, не дожидаясь утра.

Летние ночи были коротки, и рассвет забрезжил, когда Нунна был в нескольких десятках шагов от северных ворот Арка. Город уже просыпался — сегодня был торговый день, и толпы народа уже устремились в Арк, а тишина ночи быстро сменялась множеством

шумных звуков. Стражи со скрипом открывали тяжёлые деревянные створки врат, укрепленные медными щитами, готовясь принимать гостей и выпускать погонщиков; возгласы и болтовня людей заглушали пение птиц в кустах и деревьях, разросшихся по берегу реки; перебранка рабочих, уже пришедших строить новое здание за городской стеной; громкое хоровое блеяние стада овец, что выгонял на пастбище пастух...

— Исен из Эрисума, — с ходу выпалил Нунна, отвечая на вопрос стража ворот об имени. К счастью, стражник был не из тех, кто узнал его в прошлый раз. — На ярмарку.

Дальнейших вопросов не последовало — не желая задерживать других людей, стражник молча махнул, разрешая Нунне пройти. Едва ступив на мощёную дорогу, Нунна подтянул плащ, закрывая лицо и надеясь не повстречать стражей, уже знающих его. Однако, растворившись в толпе, устремившейся к торговой площади, Нунна всё равно был почти незаметен.

С трудом пробившись сквозь скопление народа, он выскользнул на улицу, которая, насколько он помнил, вела к дому Энеаты. Здесь он уже помчался бегом, желая скорее скрыться во дворе, и вскоре стоял у калитки, отчаянно стуча медной колотушкой.

Створка скрипнула, и на улицу высунулся вольноотпущенник Амар. Увидев запыхавшегося гостя, он мрачно произнёс:

— Господин Нунна... Входите.

Густой туман опутал город сетью морока. Коснувшееся земли солнце растаяло в странном мареве, колдовской сумрак остался безраздельным господином вечернего Арка, но жители не видели и не осознавали этого.

Амар и Нунна сидели у постели Фазмиры, спавшей с безмятежной улыбкой на лице; но ни старый вольноотпущенник, ни юный воин не верили в её кажущееся спокойствие. Ушедший несколько мгновений назад лекарь сообщил, выражая своё сожаление, что помочь не может, ибо не видит причин для столь крепкого сна. Нунна с замиранием сердца ловил каждый новый вздох сестры, трепеща и боясь, что он может стать последним.

— Если бы асу Хурсан был здесь, — покачал головой Амар. — Он бы точно помог.

— Должен быть способ её разбудить!..

— Что только не пробовали. Не просыпается.

— Ты не знаешь, что могло произойти?

— Понятия не имею, господин. Я был в саду.

— А слуги?..

— Никто ничего не знает. Я первый пришёл сюда, и думал, что она просто прилегла отдохнуть. Позвал, потому что пора было обедать, но она никак не отозвалась. Я побежал за лекарем, а служанки пытались привести её в сознание. Но ничего.

— Здесь был ещё один лекарь?

— Да. Он тоже не мог ничего сделать. Надо ждать госпожу Энеату, она должна скоро вернуться.

— Я пойду за ней. Что за деревня, куда она пошла, это далеко?

— Я не знаю, господин! Она никому ничего не сказала. Сказала, что в деревню, да и всё. Никто не спрашивал. Вот есть записка от неё, — он взял глиняную пластину, лежавшую рядом на бочке с водой.

Нунна жадно схватил письмо и пробежал по нему глазами.

— Амар, Мира, меня вызывают срочные дела, только я могу помочь, не переживайте, я

только сбегаю туда и обратно, так что вернусь через пять-шесть дней... — быстро прочитал вслух Нунна, и затем, удивлённо подняв взгляд на Амара, спросил: — Это до какой деревни столько идти?

Амар пожал плечами.

— Она же не могла пойти в деревню другого города, верно?

— Вряд ли, — согласился управляющий. — Тем более сейчас, когда так страшно вокруг.

— Почему она пошла куда-то одна? Ведь это опасно, проще пойти с торговцами, они всё время снуют между посёлками...

— Возможно, дело было срочное. Может, больной при смерти.

— Она пешком пошла?

— Нет. Взяла повозку у соседки, госпожи Киры. Я у неё и спрашивал, куда отправилась госпожа Энеата.

— Больше она ничего не знает?

Их разговор прервал шум с улицы. Громкий, пронзительно-нервный женский голос и грохот медной колотушки. Амар сорвался с места, Нунна остался сидеть подле сестры, стирая куском ткани холодный пот со лба девушки.

Сквозь окно он видел, как во двор влетела пожилая полная женщина, тут же вцепившаяся в плечи Амара и отчаянно кричавшая:

— Беда, Амар, беда случилась!..

— В чем дело, госпожа? — пытаюсь осторожно вырваться из хватки, спросил Амар.

— С госпожой Энеатой беда! Стражники пришли, привели мою повозку, пустую!

— Что? Как так?

— Посреди поля нашли, недалеко от энаранской заставы!..

— Энаранской?! — Нунна вскочил. — Амар!

— Энаранской?! — тоже ужаснулся вольноотпущенник. — Ведь там идшарцы, там война!..

— Амар, позаботься о Мире, я найду Энеату!.. — выкрикнул Нунна, на бегу хватая свои вещи и бросаясь к двери.

Нунна никогда не обещал стать великим мыслителем, всегда больше уважая отвагу и ловкость, но сейчас быстро понял, куда умчалась Энеата. Слишком легко читались на её лице безграничная самоотверженность и желание помочь всем, кому только можно. Да и то, как девушка рисковала ради Нунны, спасая его от идшарцем, говорило о её удивительной храбрости — но не рассудительности. И услышав, что повозку Энеаты нашли на пути в Энаран, Нунна уже знал: юная колдунья хочет попытаться помочь осаждённому городу.

Мысль об этом казалась настолько безумной, что Нунна отчаянно пытался придумать другие объяснения. Однако он точно помнил, что по дороге из Арка в Энаран нет ни одной деревни, а значит, и не одного больного, к которому могла бы отправиться целительница.

Он мчался так быстро, как только мог, как никогда прежде — даже убегая от преследования идшарцев тогда, в Закатных скалах. Природная выносливость позволила ему добраться до аркской заставы на нужной дороге к вечеру.

Хотя Нунна еле дышал, остановившись возле стражей, ему удалось спросить, кто нашёл заблудшего онагра, и при каких обстоятельствах. Услышав ответы, он собирался бежать дальше, но стражи уговорили его отдохнуть поспать хотя бы немного. Нунна, не смыкавший глаз и в предыдущую ночь, нехотя, но согласился. Едва шагнув за порог сторожевой башни, Нунна безвольно рухнул на пол и заснул, даже не успев ни о чём подумать.

Проснулся он ещё в ночи, вышел, не потревожив спящих рядом стражей. Те, кто заступил в новую смену, не обращали на него внимания, вглядываясь с верхней площадки вдаль. Холодная ночь была лунной, светлой, и всё же бежать Нунна не решался, торопливо, но осторожно шагая по тёмной дороге.

— Куда ты собрался, милый друг? — нежно позвал женский голос.

Нунна резко обернулся, выхватывая меч. Рядом никого не было, но от земли кругом поднимался густой непрозрачный туман, огораживая Нунну стеной. Он замер, боясь прикоснуться к миражу и нервно оглядываясь.

— Зара? — зло позвал он, держа клинок наготове.

— Ах, Нунна, — она смеялась, где-то вдалеке и очень рядом одновременно. Этот голос доносился издали и звучал прямо в голове. Нунна дёргался, поворачиваясь в разные стороны и пытаясь увидеть колдунью. — Опустит меч. Ты же не хочешь меня поранить?..

— Хочу! — возразил Нунна.

— Хочешь, разбужу твою сестру?

— Так это ты её заколдовала? Я так и подумал! Да появись же!

— Конечно, я. Нет, милый, ты слишком крепко вцепился в эту побрякушку. Я не хочу к тебе подходить. Ты ищешь Энеату?

— Я ищу тебя! Ты обманула меня, но мне рассказали, кто ты на самом деле!

— Рассказали?.. Хурсан?.. А кто на самом деле он сам, он промолчал?

Нунна растерялся, замирая.

— Он хотел получить силу, заключённую в нас с Энеатой, — голос девушки звучал так горестно и ласково, проникая в душу и разум, что Нунна забыл наставление Рамзаша. Ему страстно хотелось верить ей, слушать её, покоряться ей. — Он пытался убить меня, но ему это не удалось. Я сбежала. И тогда, поняв, что его чарам не совладать с могуществом, дарованным мне и сестре, он похитил Энеату. Не сумев покорить нас силой, он обманул Эне, воспитав её так, как ему было удобно.

— Нет, не может быть... — пробормотал Нунна, опуская меч.

— Мне было семь лет, когда он нашёл меня. Маленькая беззащитная девочка, но уже понимающая опасность. А Энеате было всего три, и он легко приманил её на свою сторону. Я думала, что Энеата мертва, убита тогда, давно... но он сам проговорился, что сестрёнка жива. Я найду её и открою ей глаза. Не мешай мне, Нунна, я желаю ей добра!..

— Я тебе не верю! Хурсан сказал...

— Нунна!.. — туман растаял, и из темноты навстречу к Нунне шагнула Зара. Прекрасная, светлая, словно сверкающая в ночи собственным сиянием, струящимся от белоснежной кожи и волос, от тончайшего шёлка серебристой туники. Истинное воплощение луны. — Верь мне, Нунна. Помоги мне, Нунна. Я столько страдала. Я просто хочу вернуть себе семью...

— Ты врешь! Ты заколдовала мою сестру!

— Я хотела прочитать записку, что оставила Энеата, а эта девочка не давала. Она скоро проснётся, Нунна, скоро проснётся... Я обыскала все окрестности. Ни в одной деревне Энеаты нет. Ведь ты знаешь, куда идти? Помоги нам. Помоги Энеате. Она будет так рада найти сестру. Мне было одиноко без неё, я знаю, и она тоскует по мне!..

Нунна растерянно смотрел на красавицу, готовый признать её правоту и поклясться помогать во всех её затеях. Она была так хороша и так несчастна... Светлые глаза на прекрасном лице Зары, казалось, вот-вот блеснут слезами.

— Нунна. Хурсан обрѣк меня на одиночество и скитания... Посмотри на меня, милый Нунна, разве я — зло?

Она подалась вперѣд, легко коснувшись губами удивлѣнно приоткрытого рта Нунны. Молодой воин замер, окончательно теряясь, а Зара, отодвинувшись обратно, произнесла с ласковой и чувственной улыбкой:

— Видишь, как хорошо.

В её чудесных светлых глазах таилась бездна. Нунна смотрел и не мог отвести взгляд, поддаваясь чарам колдуньи. Меч выпал из руки.

— Эй, парень! — раздался громкий, зычный возглас с башни. — Ты тут ещё? Ты сумку забыл!..

Нунна очнулся и тряхнул головой, сбрасывая наваждение. Быстро наклонившись и подхватив меч, он рванулся вперѣд, замахиваясь и собираясь убить Зару.

Ответом на выпад был только озорной смех волшебницы. Она исчезла, и меч рубанул по белому облаку, тут же начавшему расползаться шире по земле. В клубах тумана Нунна, округлив от ужаса глаза, увидел очертания чудовищ, скалящих зубастые пасти, в свисте ночного ветра слышалось рычание, смех Зары выводил из себя, убивая остатки храбрости.

— Ну нет! — возмутился Нунна, замахиваясь и пытаясь мечом прорубить себе выход из туманной ловушки. Клинок проходил сквозь дымку, не оставляя следа.

Холодное марево сжимало кольцо, и пасти немислимых чудовищ всё приближались, не давая надежды отойти.

— Помогите!.. — отчаянно закричал Нунна, пропадая в плену слишком настоящих кошмаров.

— Эй, ты там чего? — снова крикнул в отдалении кто-то из стражей.

Лѣгкий порыв ветра сдул пугающие миражи. Тяжело опершись на землю, Нунна видел, как к нему приближались стражники. Первый луч вырвавшегося из-за горизонта Солнца рассеял остатки тумана, и Нунна напрасно искал взглядом следы колдуньи.

Глава 10. Суд Асахира

...В этот раз пробуждение было ещё хуже, чем тогда, в Арке. Голова болела так, что, казалось, вот-вот разлетится, и Энеате было страшно шевелиться и открывать глаза. Услышав совсем рядом рычащий голос байру Асахира, она окончательно расхотела просыпаться.

— Не задерживайся. Тебя ещё ждѣт Ротнар.

— Да, повелитель, — звонкий молодой голос Таллиса ярко отличался от чуть хрипловатого и низкого голоса Асахира. — Я скоро приду к нему.

Асахир ничего на это не ответил. Судя по шелесту плетѣных шторок и отдаляющемуся звуку шагов, военачальник молча удалился.

— Ушѣл? — на всякий случай очень тихо шепнула Эне.

— Очнулась! — обрадовался Таллис. — Как ты?

Энеата широко распахнула глаза, но зрение пыталось вернуться в течение нескольких слишком долгих мгновений. Девушка даже успела подумать, будто просто находится в тѣмном помещении. Однако вскоре чернота перед глазами исчезла, открыв вид на тесный зал с каменными стенами и высоким потолком — похоже, сторожевая башня. Где-то поодаль, у другой стены, несколько незнакомых человек негромко переговаривались, сидя на каменной скамье и начищая оружие.

Энеата лежала на холодном полу на боку. Таллис сидел на корточках рядом с ней. Намереваясь перевернуться поудобнее, Эне шевельнулась и приподняла голову.

— Нет-нет, не переворачивайся, — протянув руки и осторожно, но настойчиво удержав Эне, сказал юный лекарь.

Несколько минут Эне лежала молча и не шевелясь, постепенно приходя в себя. И наконец решила, что может разговаривать.

— Таллис... — тихонько буркнула Эне, снова пытаясь повернуться поудобнее.

— Лежи так!

— Пусти. Не тошнит.

— А пам...

— Нет, — не дала договорить Энеата. — Память вроде не отшибло.

— Видишь хорошо? Чётко?

— Не очень. Всё как-то... двоится...

Таллис покачал головой, внимательно осматривая девушку, после чего позволил ей лечь на спину. Стянув с её головы мокрую тканевую повязку, лекарь осторожно коснулся лба Эне.

— Ну-ка, наклони голову, — потребовал он, осматривая её затылок. — Болит?

— Ох... Не спрашивай.

— А ты крепкая, — с оттенком похвалы в голосе сообщил Таллис. — Который раз в не лучшем виде и всё вроде... вроде ничего, цела.

— Я везучая.

Энеата попыталась сесть, но Таллис неожиданно крепко удержал её за плечи и, посмотрев с укором, сказал:

— Ну нет! Лежи.

— Я хочу сесть.

— Эй-эй! Не надо спорить с лекарем, тебе ли не знать? Лежи и не двигайся, пока голова не перестанет болеть.

Энеата обречённо вздохнула и попросила:

— Пить...

— Я уже попросил приятеля принести тебе чашку отвара. Подожди немного.

Девушка благодарно улыбнулась. Таллис смущённо опустил взгляд, не зная, что ещё сказать. Приятель, о котором говорил Таллис, оказался невысоким коренастым воином. Вместо обещанной чашки он притащил большой кувшин. Таллис поблагодарил его, и тот удалился; взяв чашку из своей сумки, Таллис налил горячего отвара, щедро сыпанул светлого порошка из маленького мешочка и принялся раскачивать, надеясь перемешать без ложки.

— Я слышала, что тебя где-то ждут, — осторожно заметила Эне.

— Да, господина Ротнара тяжело ранили. Я уже обработал и перевязал рану, но надо бы вернуться и проверить, как он.

— Я и сама справлюсь, Таллис. Мне только немного поспать, наверное. Иди.

— На, пей, по-моему, уже не очень горячее, — Таллис помог Энеате приподняться, бережно придерживая её голову ладонью и поднося ко рту чашку.

Энеата раздражённо отёрнулась, не желая казаться беспомощной, но тут же пронзившая голову острая боль заставила её зажмурить глаза и застыть неподвижно.

— Да ладно, можешь немного побыть слабой, — тихо сказал Таллис, лукаво подмигивая и вновь протягивая отвергнутую ладонь, собираясь поддержать Эне. — Я никому не скажу.

Энеата неловко и виновато заулыбалась, но приступ тошноты спугнул эту улыбку.

Похоже, его и вправду ждали. Лучники даже не поворачивались в сторону бредущего верховного судьи Арнунны, продолжая внимательно наблюдать за окружающими город полями. Идшарские жрецы-воители, хоть и провожали взглядами, не сулившими ничего хорошего, никак не отзывались на молчаливое шествие врага по захваченному порту. Остановившись у первых домов посёлка, Арнунна огляделся по сторонам, надеясь понять, куда ему идти.

— Эй, старик, — окликнул его один из воинов. — Как твоё имя?

— Арнунна, верховный судья Энарана. Ваш байру звал меня.

— Ну да. Байру ждёт. Идём. Провожу, пожалуй, дорогого гостя.

Арнунна смотрел и не узнавал энаранский порт. Вместо торговцев с нарядными осликами и весёлых рабочих по улицам бродили воины Идшара, облачённые в чёрные одежды; вместо привычных мешков и бочек вдоль дорог и во дворах лежали окровавленные тела убитых стражей.

Прежде порт казался средоточием кипучей жизни. Множество судов, что разгружали десятки рабочих, торговцы, бранящиеся с управляющими, погонщики, предлагавшие нанять повозку и осликов, чтобы отвезти товары в город, рыбаки, здесь же коптящие только что пойманную рыбу...

Теперь вокруг лишь иногда раздавались чьи-то возгласы, нарушавшие гнетущую тишину. Кто-то перекидывался короткими фразами, изредка откуда-то издали доносились крики.

Куда более шумно было возле сторожевой башни, на вершине которой тоже уже развевалось идшарское знамя. Воины Идшара собрались вокруг, кто-то перебранивался, кто-то, напротив, поздравлял товарищей.

Здесь, у входа в башню, Арнунну обыскали. Убедившись, что у судьи нет ничего, кроме одежды и перстня с родовой печатью, его пропустили в соседний с башней дом — просторное строение, прежде служивший местом сбора портового гарнизона.

Теперь внутри расположились несколько человек, разбредшиеся по залу и занятые своими делами — кто-то начищал оружие, кто-то штопал пострадавшую одежду, а с одним возился лекарь, перевязывая рану.

Асахира Арнунна заметил сразу. Усевшись на полу у дальнего окна, военачальник Идшара прислонился спиной к стене, закинул голову назад, устало закрыв глаза. Арнунна шагнул было в его сторону, но идти самому ему не дали — двое подошедших воинов схватили его под руки и потащили на середину зала.

— Прочь! — возмутился Арнунна. — Я пришёл сам, и не смейте обращаться со мной, как с пленником!

Асахир открыл сонные глаза, косясь в сторону шума.

— Повелитель, — поклонился воин, который привёл Арнунну. — Судья Арнунна.

— Да, я его помню, — осмотрев пришедшего сверху донизу, согласился Асахир. — Ты, кажется, был среди встречавших в Энаране.

— Да, я выходил приветствовать друзей, — отозвался Арнунна. — И ещё не знал, что они окажутся врагами.

— Как и я, — холодно процедил Асахир.

— Где мои дети, Асахир?

— Дети? — искренне удивился Асахир.

— Мои дети, — упрямо повторил судья. — Нунна и Фазмира. Я получил ножны Нунны, переданные твоим гонцом.

Асахир обернулся в сторону, к стоявшему неподалёку Азмару:

— А девчонка-то нас провела.

— Я сразу говорил, байру, что она врёт, стоило допросить как следует.

Асахир пожал плечами и вновь обратился к Арнунне:

— Тебе не повезло с сыном, судья, но ему повезло с невестой. Асу Энеата убедила нас, что из вашего семейства в Арк прибыл только Нунна.

— Энеата?.. Как, она тоже... Но...

Асахир не ответил.

— Хорошо... — стараясь держаться спокойно и гордо, выдохнул Арнунна и спросил: — А Нунна?

— Давно сбежал, — процедил Асахир.

— Сбежал?..

— Сбежал. Бросил нам на растерзание свою невесту-асу и сбежал.

— Как... Так асу Энеата... мертва?.. — побелел Арнунна.

Асахир помолчал, задумчиво глядя куда-то в стену поверх головы Арнунны. Наконец байру ответил, словно придя в себя:

— Нет. Думаю, нет.

— Я не понимаю... — Арнунна растерянно смотрел на военачальника. — Так значит, Нунна в безопасности? А Фазмира?

— Фазмира? — переспросил Асахир, задумчиво глядя на судью. — Твоя дочь? Видимо, тоже. Я не видел её.

— А асу Энеата?.. Где она?..

— Здесь.

— Но Нунна...

— Твой сын — жалкий трус, недостойный зваться мужчиной, судья.

— Он не мог! — пылко возразил Арнунна.

— Азмар! — крикнул байру Асахир куда-то в сторону. В арку прохода тут же торопливо шагнул высокий идшарский сотник. — Маленькая асу пришла в себя?

— Да, байру.

— Приведи.

Вскоре Энеата в сопровождении сотника вышла из-за шторы, закрывавшей проход в смежную комнату.

Арнунну она не заметила, глядя на байру. Эне открыла было рот, собираясь сказать что-то Асахиру, но Арнунна провозгласил:

— Эне!..

Девушка остановилась и медленно повернулась к судье. Лоб юной целительницы охватывала полоска мокрой ткани, ещё больше сбившая растрёпанные волосы, а туника была щедро испачкана землёй и кровью. Энеата отвела взгляд и тихо сказала:

— Здравствуйте, господин Арнунна.

— Энеата... — растерянно произнёс судья. — Ты...

— Асу, — перебил Асахир. — Раз уж ты пришла, расскажи моему гостю, где его сын.

— Нунна далеко отсюда, господин Арнунна, — сказала Эне. — Он ушёл... Простите, я не смогла предупредить вас.

— Ушёл? — повторил Арнунна, не веря своим ушам. — И бросил тебя одну?..

Арнунна растерянно смотрел вперёд. Он не мог понять, радоваться ли тому, что его сын в безопасности, или верить, что тот оставил в беде незащищённую девочку. Энеата, с трудом преодолевая слабость, выдохнула:

— Нунна не бросал меня. Я сама просила его уйти. Я думала, что смогу... не попасться.

— Но как же ты!..

— Я хотела помочь, господин Арнунна, — оправдываясь, произнесла Энеата. — Зачем же вы пришли!..

— И что теперь, Асахир? — яростно посмотрев на Асахира, выпалил Арнунна. — Вот я здесь. Считаю свою месть свершённой, если думаешь, что я виновен перед тобой. Отпусти девочку! Луганг тоже скоро сдастся. Он не даст уничтожить город. Он придёт. Довольно с тебя возмездия? Отпусти Энеату, байру! Она-то в чём повинна? Её тоже собирались использовать как приманку?

— Нет, несколько иначе.

— Я думал увидеть великого военачальника, а вижу голодного шакала!

— Ты подписываешь свой приговор, Арнунна.

— Он давно подписан.

— Значит, ты даже не собираешься отрицать свою вину?

— Разве ты мне поверишь?.. Но прежде скажи, с чего ты взял, что виновен я? Эсин Луганг... Он правитель города, его проще всего обвинить, но почему я?..

— Тебя сдал раб эсина. Вас обоих.

— Раб эсина?.. Ким?..

Асахир кивнул и, словно что-то припомнив, прищурился и поинтересовался:

— Кстати, он ещё жив?

— Нет. Эсин счёл его предателем.

— Разумно. Стало быть, тебе нечего сказать в своё оправдание?

— Я не убивал твоего побратима, не отдавал такого приказа и не делал ничего, что могло бы способствовать этой беде. Убивать — удел воинов, а я свою жизнь прожил в мире и покое. Не смотри на меня так, байру, я не оправдываюсь перед тобой. Я не хочу, чтобы асу Энеата винила меня. Прости, если ты пострадала из-за нашей семьи, Эне! Никто из нас не хотел тебе зла!.. Если байру окажется человеком, а не псом, то ты ещё увидишь Хурсана. Попроси у него прощения от моего имени.

— Азмар! — позвал Асахир, оборачиваясь в сторону. — Уведи асу обратно, и проследи, чтобы она не бродила по лагерю.

Человек в облачении сотника подошёл к Энеате и подхватил её под локоть, уводя прочь. Арнунна проводил едва державшуюся на ногах девушку полным вины и тоски взглядом.

— Если ты ни при чём, — медленно произнёс Асахир, — то почему раб назвал твоё имя?

— У нас личные счёты. Он счёл, что я несправедливо признал его долг неуплаченным. Но я следовал законам и не мог поступить иначе.

Никакого ответа не последовало. Асахир по-прежнему молчал, обдумывая услышанное. Наконец Арнунна не выдержал и произнёс:

— Байру... Я пришёл, зная, что не вернусь, и прошу и не жду милости. Но прошу, скажи, что мои дети не будут... платить мои долги.

— Я всё равно понятия не имею, где этот трус Нунна, — пожал плечами Асахир. — А с

женщинами я не воюю.

— Не воюешь?.. — недоверчиво переспросил Арнунна.

— Ведьма — не в счёт.

— Ведьма?..

— Да. Ты чуть было не женил своего сына на ведьме. Маленькая асу гораздо колдовать. Асахир поднялся и положил ладонь на рукоять висевшего на поясе меча.

— Твои последние слова, Арнунна, — предложил он, ожидая.

— Если в тебе есть хоть капля чести, отпусти Энеату. Она совсем ещё дитя, байру, будь милосерден!

— Подумаю, — пожал плечами Асахир, а затем обратился к уже возвратившемуся и вставшему чуть поодаль сотнику: — Как думаешь, Азмар, он виновен?

— Если честно, не очень-то похоже, байру. Но он меня изрядно раздражает, так что я бы его всё равно прибил.

Асахир рассмеялся, а вот Арнунна своеобразной шутки не оценил. Судья стоял, гордо подняв голову и ожидая смерти.

— Великая клятва, Арнунна, — предложил Асахир, убирая меч обратно в ножны и протягивая судье кинжал.

Тот недоверчиво посмотрел на военачальника, но принял оружие. Прорезав кожу на ладони, он произнёс:

— Клянусь именем и кровью, клянусь перед землёй, небом и Великой Рекой, что я не виновен в смерти Кангара и не имею к этому отношения. Пусть все боги всех миров проклянут меня, если я сказал ложь.

Склонив голову и возвращая Асахиму окровавленный нож, Арнунна добавил:

— Моя совесть чиста, и я не страшусь смерти и не бегу от неё. Верши свой суд, байру.

Асахир вздохнул и взъерошил рукой чёрные волосы. Переглянувшись с сотником Азмаром, он молчал, что-то обдумывая.

— Нунна и Фазмира — вся твоя семья? — почему-то спросил он.

Судья Арнунна еле заметно качнул головой и сказал:

— Нет. У меня есть жена и старший сын.

— Они в Энаране?

— Да.

— Тогда возвращайся в Энаран.

Арнунна резко вскинул голову, не решаясь верить в услышанные слова и не понимая их.

— Что?..

— Ты можешь идти. Но Энаран падёт завтра.

— Если ты отпустишь меня, завтра я буду сражаться против твоих людей.

— Вам разрешено носить оружие? — нахмурился Асахир.

— Я из воинского рода. Я младший, и потому смог выбирать иную стезю. Но я владею мечом и буду призван.

— Ты староват для войны.

— Позволь мне увести Энеату!

— Маленькая ведьма постоянно рвётся мне мешать. Если она ещё раз попадёт под руку в пылу битвы, то умрёт. А мне вовсе не хочется прослыть трусом, сражающимся с девчонками. Пусть асу остаётся здесь.

— Но...

— Я не обижу её, судья. Иди без страха.

Арнунна, немного помедлив, развернулся к выходу.

— Подожди, — остановил его Асахир. — Скажи... Тебе известно хоть что-то о смерти моего брата?

— Прости, байру, — покачал головой судья. — Но эсин Луганг не говорил ничего ни в своё оправдание, ни о своей вине.

— Раб сказал, что стражи пропустили убийцу, не остановив.

— Это веское обвинение. Конечно, отдать приказ стражам ничего не видеть мог только... Но послушай, скажи мне, байру, как мог эсин не знать, что ты покинул город? Стражи следили за вами, я не сомневаюсь. Перепутать вас с Кангаром возможно только в полной темноте. Эсин должен был точно знать, что в его доме был не ты.

Один из воинов отправился проводить судью обратно к дороге. Асахир остался неподвижно и молча стоять на том же месте, не обращая внимания на недоумённые взгляды окружающих его товарищей.

Глава 11. Битва за Энаран

...Крики чаек разбудили их, обещая скорую встречу с сушей. Прохлада морского бриза смягчала палящую ярость южного солнца, и уроженцы северных земель со светлой надеждой смотрели в будущее, обещанное им где-то там, на всё приближающемся берегу. Раскинувшийся на равнине песчано-жёлтый город с высокими башнями и вычурными домами, с сочной зеленью пальм и выразительными красками непривычно ярких и пышных цветов...

— Говорят, Дарфия — страна красавиц, — игриво произнесла девушка с белоснежными волосами и тонкой светлой кожей, оперевшись о борт и разглядывая порт.

— Значит, там твоё место, — ответил молодой мужчина, обнимая её за талию. — Ты сойдёшь за свою.

Она рассмеялась, но совсем невесело. Улыбка не скрывала тоски в её взгляде, и спутник поинтересовался:

— Что-то не так?

— Мне тревожно, Энир, — произнесла девушка. — Я чувю беду. Счастье не ждёт меня в этих краях.

— Глупости, — снисходительно и нежно ответил спутник. — Всё будет хорошо. Условия предложили весьма выгодные, я быстро налажу дело. Не верь тревоге.

— Но ведь я ведьма, Энир. Чутьё никогда не обманывало меня. Я знаю, знаю, что будет беда.

— Не говори глупостей!.. Я со всем справлюсь. А ты — ты всегда будешь со мной. В безопасности.

Не слишком надёжными казались стены в четыре человеческих роста, по вершине которых могли пройти в ряд десятков стражей; да и ворота сегодня, как мерещилось эсину, скрипели громче обычного, и, думалось, в одно мгновение разошлись и стали чересчур старыми и шаткими. Каждый звук казался воззванием боевого рога идшарцев, каждый голос был враждебным, каждый отсвет факела виделся пророчеством пожара.

Эсин Луганг обходил стены города, проверяя и пытаясь подбадривать стражей. Он уже не надеялся на возвращение посланника, да и не слишком желал его. Если байру Асахир и

примет запоздалый ответ, сам Луганг обречён. Арнунну идшарец отпустил — но градоначальника можно было обвинить не только в самом убийстве, но и в том, что не предотвратил его. И возразить на это будет нечего.

Найдя в одной из башен нового военачальника Энхеду, Луганг устроился на скамье, отдыхая от ходьбы и слушая, как байру Энхеду раздаёт указания сотникам.

— Ворота укреплены? — поинтересовался у одного из воинов Энхеду.

— Намертво, байру Энхеду. Не пробить.

— И западные, и врата Адуаны?

— Да, байру. Все.

— Завалите проход под храмом, — вдруг вмешался эсин Луганг, вспомнив о чём-то. — Обрушьте его!

— Но, повелитель, — удивился байру Энхеду. — Если город будет захвачен, мы сможем вывести через этот ход жителей...

— Если город будет захвачен, никто не успеет уйти. Нам и так охранять несколько ворот — пусть хоть эта сторона будет безопасной.

— Я собирался использовать этот ход для вылазки, чтобы ударить в тыл идшарцев, — ответил Энхеду. — Они не знают про этот ход. Мы можем окружить их. Стрелки со стен просто расстреляют их, пока они будут отвлекаться на подошедшие сзади отряды!

Луганг опустил голову, обхватил её ладонями и не отвечал, отчаянно борясь со своими страхами.

— я не знаю, Энхеду, не знаю... Делай, что знаешь, только спаси город, — наконец устало выдохнул он.

— Не бойся, эсин. Мы будем сражаться достойно. Если защитники падут, они падут с честью.

— Кому нужна будет эта честь, — пробурчал Луганг, — если они падут...

С дальней башни раздался тревожный зов, тут же подхваченный другими; громкий гул сигнала к обороне пронёсся над городом, и тут же эхом отозвался другой — пронзительный клич идшарского рога, возвещающий о начале боя.

— Оставайся внутри, эсин! — быстро выкрикнул Энхеду, срываясь с места и помчавшись по лестнице наверх. Уже оттуда, с площадки башни, донёсся зычный приказ: — Стрелки! Луки наготове!..

Сеть кривых улиц, крыши домов и дворов, деревья с раскидистой кроной, увитые лозами арки и навесы — всё то, что так любили жители Энарана и чем восхищались гости города-сада, сейчас пылко проклиналось лучниками. Идшарцы не шли ровным строем, ожидая стрел; рассыпавшись по городу, воины Эллашира мелькали на редких открытых пространствах, тут же скрываясь в тени или сноровисто ныряя за стены и ограды.

— Стрелки Арка! — закричал один из воинов стражи, указывая рукой чуть в сторону, на малую торговую площадь. В темноте всё же можно было разглядеть, как там выстроились ряды вражеских лучников.

— Погасите огни! Гасите все огни! — закричал байру Энхеду, надеясь, что мрак скроет защитников города от прицела врагов.

— Байру! Ворота Ирутара! — раздалось воззвание от подножия главной башни.

— Байру, ворота Адуаны!.. — тут же воскликнул кто-то с другой стороны. — Вижу

таран!

Байру Энхеду метнулся по лестнице вниз, спускаясь к ждавшим приказов копейщикам и мечникам. Обращаясь к сотникам, он велел:

— Рин, к воротам Адуаны. Копья наготове. Дамиар и Тоар, к воротам Ирутара! Лучники! Не дайте подвести таран!.. Нэвос, за мной, к храму!..

Хеда, мать воинственного бога Эллашира, считалась у дарфийцев покровительницей мести. Посвящённый ей холодный синеватый металл — небесное железо — считали символом справедливого возмездия. Оружием из железа исполняли смертные приговоры; души убитых железным клинком не требовали отмщения, всегда находя мир и покой в тёмных землях царства Эллашира. С железным копьём мечтал пойти в бой Асахир, и мучительная боль в плече не остановила бы его, если бы не ослабевшая хватка. По совету Азмара, своего друга и сотника, Асахир вооружился несколькими метательными дротиками, дополнив ими висевший на поясе меч.

Асахир вёл самый большой из отрядов — тысячное войско воинов, вооруженных мечами и сулицами. Смертоносной волной нахлынули они на западные пригороды Энарана, стремительно приближаясь к воротам. После двух залпов лучников из Арка, заставлявших стрелков на стенах прятаться за зубцами после каждого выстрела, к стенам рванулись мечники и копьеносцы, тащившие лестницы и металлические крюки с канатами. Верх стены тут же ощерился выставленными вперёд копьями. Но это недолго защищало от приступа. Метательные копья идшарцев, сбивая высунувшихся в неудачный момент стрелков, рушили строй энанцев. А как только первым воинам Идшара удалось перерубить древки копий и спрыгнуть на врагов, лучники и копейщики, стерегшие стены, отвлеклись на более близкую опасность. Байру Асахир, увидев начавшееся на стенах побоище, отдал приказ пробивать ворота.

Стражи города ожидали увидеть давно привычные тараны в виде огромного обитого кожей бревна с тяжёлым бронзовым наконечником, похожим на наконечник огромного копья. Такие орудия тащили в руках воины, не имея возможности отбиваться и просто старающиеся быстрее промчаться под ливнем стрел и с разбегу ударить по створкам. Но кроме двух отрядов с такими орудиями в город катились страшные изобретения уроженцев далёкой Арады — тараны-черепахи.

Своеобразная повозка с закреплёнными стропилами и балкой, к которой на толстых канатах был прикреплён обычный таран-бревно, покрытая сверху подобием шатра из прочных шкур, ещё и укреплённых костяными и металлическими пластинами. Лучники пытались пробить крышу, защищавшую непривычное устройство и воинов, прятавшихся под навесом, но никак не могли этого сделать.

— Азмар! — велел Асахир, увидев недалеко верного сотника. — Ты и твои воины — к храму.

Сотник кивнул, махнув своему отряду и помчавшись вправо, к возвышавшему над домами простолюдинов высокому храму Аарки — туда, где, по словам пленённого в порту предателя, должен был начинаться ведущий в город тайный ход.

Четвёртый удар черепахи по главным воротам пробил створки, пятый проломил укреплявшие ворота балки. Широкие трещины открыли проход в город, который тут же заполнили воины Энарана. Первый ряд перекрывал проход громоздкими заслонами,

стоявшие же позади щитоносцев копейщики выставили оружие вперёд, защищая проход от атаки.

Части отряда, что ещё не устремилась на стены, Асахир велел оставаться на расстоянии. Скрываясь за домами и деревьями, они быстро перемещались вдоль стен, то и дело высовываясь и отправляя сулицы в стоявших наверху лучников.

Таран ещё раз врезался в ворота и повалил правый щит. Асахир видел, как воины Энарана сбили строй, пытаясь вытащить тех, кого придавило тяжёлой дверью, и счёл задачу тарана выполненной.

— Отвести! — призвал грозный рык Асахира, и воины спешно откатали боевую машину назад. Едва перегораживавшая дорогу черепаха немного приоткрыла путь, в ворота полетели сулицы идшарцев. Несколько энаранских копейщиков упали — кто раненым, кто мёртвым. Поредевшие и расстроенные ряды стражи уже не казались столь опасным препятствием. Асахир сорвался с места, покидая укрывавшую его от зрения стрелков тень высокого забора.

Стрела, пущенная с надвратной башни, пролетела совсем близко и воткнулась в ствол дерева позади Асахира. Воин рассмеялся счастливой судьбе, хранившей его, и с громогласным кличем «Идшар!» рванул к воротам, ведя за собой своих людей. Ещё один залп брошенных вперёд дротиков поразил копьеносцев, оставив лишь несколько человек, и отряд ворвался в Энаран. Судя по доносившемуся шуму и метавшимся на дальней башне лучникам, целившимся в другую сторону, северные ворота тоже были пробиты.

Рог энаранцев протрубил приказ вступать в битву мечникам. Вооружённые лёгкими круглыми щитами и короткими бронзовыми мечами воины ринулись на прорвавшихся идшарцев.

— Ирутар!..

— Эллашир!..

Байру Асахир влетел в ряды защитников одним из первых, взбежав на отломанную половину ворот и спрыгнув с неё быстрым рывком.

— Хеда!.. — громко воззвал он к богине мести, на миг воздев к небу меч.

Один из воинов пал от быстрого, едва заметного росчерка клинка, второго отбросил назад мощный удар щита. В тех, кто уже сражался за стеной, больше не летели ни стрелы, ни дротики — слишком страшно было промахнуться в перемешавшейся толпе и попасть в своих. Сперва лучники старались не дать подойти остальным идшарцам, продолжая стрелять со стен и башен в тех, кто только подбирался ко входу в город. Но, когда часть прорвавшихся в город поднялись на стены, луки пришлось отбросить, сменяя на ножи и кинжалы.

Накал битвы всё сильнее подогревал отчаянно пылавшую кровь сына Эллашира, живого воплощения яростной битвы. Смертоносные удары останавливали всех, кто пытался встать у него на пути, и воины Асахира, вдохновлённые своим непобедимым повелителем, бросались в гущу сражения с такой же безрассудной и дикой отвагой.

— Ирутар! Ирутар!.. — не теряя надежды, продолжали взывать к хранителю города энаранцы, всё ещё сдерживавшие натиск и не пропускавшие идшарцев дальше широкой привратной площади.

У тех, кто прорвался через ворота Адуаны, успех оказался более стремительным. Основная часть защитников скопилась у главного входа, и идшарцы, быстро снеся сопротивление стражей, примчались на помощь товарищам у врат Ирутара. Зажав часть энаранцев меж двух крупных отрядов, воители Идшара поражали врагов, не давая им перестроиться.

Асахир видел, что поражение горожан близко. Войска Энарана медленно, но отступали назад. Охватившая военачальника ярость притупляла боль в плече, и он всё так же неустанно вёл своих людей, не давая врагам и тени надежды.

Битва за Энаран продолжалась в пламенеющем свете утра, и рассветное солнце сегодня казалось ярко-алым. Судья Арнунна видел, что первые отряды идшарских воинов уже подходят ко дворцу. Слышал рог Энхеду, приказывавший защитникам Энарана отступать назад. Чувствовал, что жизни многих, и в том числе его самого, подходят к концу.

Старший сын судьи Харат служил в том отряде, который байру Энхеду сейчас вёл на вылазку к храму. Сперва Арнунна волновался, что Харата отправили на столь опасное задание, но теперь, глядя на сражение внутри стен города, понимал — вероятность быть убитым сейчас одинакова во всех пределах энаранских владений.

Напрасно байру Асахир сказал, что Арнунна слишком стар для войны. Крепко сжимая меч и щит в руках, отвыкших от оружия за годы мирной жизни, но всё ещё не утративших силы, Арнунна достойно встретил прорвавшихся сквозь проломленные ворота врагов.

Их отряд сражался у ворот Адуаны, но силы были слишком неравны — сотня воинов, забывших прошлые битвы или вовсе не знавших сражений, против многих сотен идшарцев, умелых, свирепых и опытных, посвятивших всю жизнь войне. Сотник отряда, в котором нашлось место для Арнунны, не стал ждать, пока враги вырежут всех его людей, и приказал отступать, скрываясь в тени извилистых улиц. Идшарцы не преследовали их, а устремились к своим товарищам, бившимся у других ворот. Так что сейчас Арнунна и его уцелевшие товарищи ждали новых приказов сотника.

Вынужденный, но необходимый отдых прервал донёсшийся со стороны храма Иругара звук, которого точно не ждали услышать в той стороне — глухой, низкий зов идшарского боевого рога.

— Идшарцы в храме! — встрепенулся один из боевых друзей Арнунны. — Вылазка провалилась!

— Там Харат!.. — побледнел Арнунна.

— Может, ещё не поздно помочь! В храм! — приказал сотник.

Сражение уже переместилось к подножию храма. Идшарцы опередили защитников Энарана и раньше воспользовались тайным проходом. Вырвавшись на улицу, они оттесняли энаранцев прочь от святилища.

С другой стороны уже подошли и основные войска — как отступавшие защитники, так и не ослабляющие натиска идшарцы. Друзья и враги давно смешались в одну толпу, и Арнунна на мгновение растерялся, остановившись и не слыша призывов сотника. Однако судье удалось быстро разобраться в происходящем, и он устремился вдоль края широкой улицы. Прорваться вперёд сквозь сбитый строй соратников и разминуться в узких проходах с теми, кто оттаскивал назад раненых, было ненамного проще, чем проложить себе путь через врагов.

Арнунне удалось свернуть в одном из ответвлений улицы и пролезть по верху широкой стены, ограждавшей чей-то двор; новый путь провёл его ровно к небольшой храмовой пристройке-складу. Здесь можно было забраться на невысокую крышу, спуск с которой сходил к главной лестнице святилища.

Чутьё безошибочно подсказало Арнунне, где искать Харата, и взгляд вскоре подтвердил надежду — Харат был жив, он бился рядом с байру Энхеду, забравшись на возвышение меж колонн храма, отбиваясь и не позволяя врагам подойти к военачальнику сбоку.

— Надо отступить! — прокричал Энхеду, медленно перемещаясь к спуску. — К башне!..

Оставшаяся часть его отрядов услышала приказ, как и подбежавший Арнунна. Столкнувшись с одним из идшарцев, он на несколько мгновений потерял Харата из виду, отважно пытаясь справиться с опытным и сильным врагом. Когда соперник пал, убитый мечом судьи, Арнунна вновь растерянно заозирался, ища взглядом сына.

Воины Энарана старались пробиться вдоль правой стороны храмовой колоннады. Харат, прикрывая отход сзади, последним спрыгнул с борта и тут же схлестнулся в бою с одним из идшарских воинов. Арнунна успел увидеть, как меч идшарца скользнул по плечу Харата, а удар края тяжёлого идшарского щита по животу заставил молодого стражника упасть. Меч Харата с лязгом упал на камни храмовой лестницы.

Пытаясь прийти в себя, вновь подняться и ринуться в бой, Харат оперся на вытянутые руки и обречённо старался дотянуться до отлетевшего в сторону меча. Идшарец ещё раз ударил щитом, и молодой воин Энарана окончательно потерял равновесие, рухнув и распластавшись по камням.

— Харат!.. — против воли сорвался с языка Арнунны отчаянный зов.

Арнунна бросился к Харату. Идшарский воин обернулся на крик, и в то же мгновение Арнунна сбил врага на землю, не дав нанести последний удар.

Идшарец сразу же вскочил, ударил Арнунну ногой в колено и сбил его с ног. Пользуясь недолгой растерянностью отвыкшего от боли судьи, идшарец занёс меч. Не отводя взгляда от сверкающих яростью глаз врага, Арнунна ждал смерти.

Но удар остановил чужой, большой и громоздкий, щит. Меч с лязгом ударился о бронзовые пластины, и кто-то хмуро произнёс:

— Оставь, — голос показался Арнунне знакомым, но он не оборачивался, заботясь лишь о жизни Харата. Едва идшарцы продолжили свой путь, судья рванулся к сыну и опустился рядом на колени.

Молодой воин не отзывался, из-под безвольно опущенной головы стекала тонкая тёмная струйка, туника насквозь промокла от крови, но Арнунна жадно ловил слабое дыхание, всё ещё слетавшее с губ сына.

Глава 12. Победа, поражение

Где-то там, вдалеке, за полями и каналами, у подножия касавшихся неба гор Секхмеар, раскинулся бескрайний кедровый лес Эфлиль — сокровище идшарской земли, богатство, которым желали обладать слишком многие, и потому — именно то, что сделало идшарцев неистовыми воителями. Чудо из чудес, зелёный оазис посреди начинавшихся здесь песков дарфийского юга. Необходимость сражаться за драгоценную рощу воспитала первых жителей этих мест в борьбе и соперничестве; их дети и дети их детей с ранних лет крепко держали в руках оружие. Многие века спустя лес стал не столь ценен — брёвна везли по реке сотни и сотни кораблей, привозя древесину из северных городов на побережье и даже из заморской Эрейи. Но потомки первых идшарцев сохранили силу и приумножили её, став несравненными в новых битвах, уже не защищая, а завоёвывая.

Иные окрестности Идшара не казались приветливым краем — даже сейчас, на рассвете, слишком ярко жгло солнце, повисшее в серовато-жёлтом небе, а красноватый песок, всё чаще

сменявший собой сухую землю, казался кровавым. Возведя неприступную крепость подальше от реки, идшарцы обезопасили себя от наводнений, но поддались томительной жаре. На небольших блёклых пастбищах, протянувшихся узкой лентой вдоль побережья, и сухих садах, пересечённых каналами, скрыться было бы сложнее — слишком тяжело удерживать миражи, когда люди так близко. А плодородной земли здесь было слишком мало, и на каждом клочке трудились слишком много крестьян.

Беловолосая ведьма Нифь торопилась, стремительно шагая по раскалённому песку, то и дело оглядываясь по сторонам, словно ожидая увидеть преследователей. Тень горы была ещё так далеко, но Нифь не могла остановиться и отдохнуть. Рассвет... Пришедшие на смену ночным стражам воины почётной службы, стерегшей святыню Идшара, конечно, сразу поднимут тревогу. Её северная внешность уже привлекла в городе пристальное внимание и множество слухов — конечно, сразу скажут, что Ахарт похитила Белая Ведьма...

В деревне на побережье, чуть дальше, её ждала дочь. В городе постоянные дворы, конечно, чище, но Нифь слишком слабо верила в безопасность Идшара. Теперь надо было задержаться, свернув сюда, успеть забрать девочку и уйти прежде, чем подозрительные стражи обратят внимание на слишком спешный уход странной гостьи...

В ворота селения ведьма вошла, уже не скрываясь под пологом тумана. Странное оживление на улице недолго смущало Нифь — оказалось, в деревню прибыл караван, идущий из южной Наиры. Торговцы возвращались домой, в Ризайю, после наирской ярмарки, и охотно предлагали оставшиеся товары деревенским жителям, уже не надеясь получить лучшую цену.

Нифь не отвлекалась на толпившихся вокруг телег селян, торопливо шагая к постоянному двору, пока кто-то не воскликнул:

— Посмотрите только! Каменные цветы, а будто живые...

Нифь резко обернулась и замерла. Давние воспоминания всколыхнулись в душе, и она подошла к повозке, возле которой восторженные жители наперебой восхищались творениями мастера. Люди пропустили её вперёд, и она застыла, глядя на вырезанные из самоцветов фигурки цветов и животных.

— Да, — торговец закивал головой, отвечая на порывы селян. — Это ещё что. Самое простое. Самое красивое продали в городе. Словно сам божественный Локаар управляет его руками! Мастер Энир — великий творец.

— Мастер Энир?.. — повторила Нифь. — Мастер камня Энир?..

— Да-да, — гордо произнёс торговец. — Вы уже о нём слышали?.. Тот самый, вы правы, госпожа. Мне удалось уговорить его сделать несколько вещей на продажу. Это было сложно! Ведь он теперь работает в храме Тааль возле Рометы. Сам эсин Идшара пригласил его украсить святилище! Так что не скупитесь!..

Нифь отошла назад, наклоняя голову. Селение Ромета было совсем рядом. Это задержит её, но спустя столько лет... Она должна увидеть Энира, отца её дочери.

— Не оглядывайся. Не смотри по сторонам.

Энеата послушно опустила голову.

— Ниже, — положив ладонь на рыжеволосую макушку девушки, Азмар слегка подтолкнул, заставляя опустить голову до предела.

Взору теперь открывался лишь маленький участок дороги под ногами. Сотник придерживал Энеату, положив руку на шею и касаясь пальцами затылка. Но многие десятки шагов, проделанные в неведении, смущали Энеату, и она осторожно приподняла подбородок, желая посмотреть на окружающий её город. Лёгкий, но выразительный щелчок пальцев по макушке заставил её тут же отказаться от попытки и вновь вперить взгляд в мостовую.

Зачем сотник вернулся за ней в порт и куда теперь ведёт, не позволяя поднять головы, Энеата не знала. Но спорить не решалась — сил сейчас не было ни что, и девушка предпочла пока быть покорной.

— Почему нельзя? — тихонько буркнула Эне.

— Не болтай.

Вскоре перед взглядом Энеаты возникла стена, украшенная цветными глазурованными плитками, и низ деревянной калитки. Однако Энеата узнала этот дом только тогда, когда Азмар провёл её по двору и, пнув ногой входную дверь, втолкнул девушку в запомнившуюся ей комнату с расшитыми шторами.

— Энеата?.. — раздался растерянный голос судьи Арнунны.

— Из дома не выпускать, не подпускать к окнам, — холодно велел Азмар, подталкивая Энеату вперёд. — Скоро за ней вернусь.

— Эне! Как ты, ты цела?

Эне кивнула. Она наконец решилась поднять голову, только когда за ушедшим Азмаром скрипнула калитка.

— Энеата, прости, что сразу к делу, — встряхнув головой, сказал Арнунна. — Тебе, наверное, самой нужна помощь...

— Нет, я в порядке. Что случилось? Почему меня сюда привели?

— Не знаю... Эне, мой старший сын ранен. Лекарь сказал не надеяться. Он только перевязал рану и сказал, что больше ничем помочь не может. Идём.

Госпожа Таман испуганно обернулась, когда шелохнулась штора, и с опаской воззрилась на вошедшую вслед за Арнунной асу.

— Госпожа Таман, — немного склонив голову, приветствовала Энеата и тут же повернулась к лежавшему на постели Харату.

Рана, несмотря на перевязку, слабо кровоточила, тонкая полоска мокрой ткани на лбу тоже окрасилась красным. Энеата поджала губы, наклоняясь и осторожно поворачивая голову Харата набок.

— Нож, пожалуйста, — произнесла Энеата. — Любой.

Арнунна стремительно метнулся вперёд, снимая с пояса короткий нож и протягивая его Энеате. Та взяла и, пару мгновений посомневавшись, глядя на Харата, робко сказала:

— Вам лучше выйти.

Таман яростно отозвалась:

— Я не отойду от сына!

Энеата поджала губы, но не стала настаивать.

Разрезав ткань тугой перевязи, она сняла её, отбросив в сторону. Услышала, как шумно вздохнула Таман; увидев широкую рану с рваными краями, поняла, почему предыдущий лекарь не советовал надеяться на успех.

Но у Энеаты был дар. Ни на миг не усомнившись в правильности своего решения, Энеата осторожно поднесла ладонь, держа её над раной. Тёплый свет коснулся тела

молодого воина, и рана медленно, но явно начала затягиваться.

— Энеата?.. — растерянно произнёс Арнунна, но Эне не отвлекалась.

Таман вскрикнула и рванулась вперёд; Арнунна удержал её, крепко прижав к себе.

Когда оставшийся след уже не казался опасным, Энеата опустила ладони. Стянув повязку со лба Харата, внимательно осмотрела, изучая ещё одну рану, небольшую, начинавшуюся от виска и идущую к макушке.

— Как давно он без сознания?

Ответа не последовало, и Энеата повернулась к родителям раненого. Таман и Арнунна уставились на неё непонимающими взглядами, полными не то дикого ужаса, не то неестественного благоговения.

— Всё будет хорошо, — смущённо произнесла Энеата, краснея. — Он выживет.

Несколько мгновений никто не решался ни двинуться, ни нарушить тишины. А потом Таман бросилась к Энеате, обнимая девушку и заливая слезами её плечи.

— Так вот что имел в виду байру Асахир... — медленно пробормотал Арнунна.

Энеата виновато улыбнулась, но не позволила смущению сбить её с толку. Она осторожно отодвинулась от Таман, и та села на пол, закрывая лицо руками и продолжая рыдать.

— Как давно он без сознания, господин Арнунна? — настойчиво повторила она. — Это важно.

— С рассвета...

— И в себя не приходил даже ненадолго?

Арнунна помотал головой.

Энеата задумалась, но вскоре добавила:

— Надо ждать, пока очнётся. Извините, что прошу, но... госпожа Таман, у вас нет лишнего платья?

Только сейчас обратив внимание на облик асу, Таман заметила разорванные лохмотья, в которые превратилась когда-то нарядная туника. Позвав служанку, супруга судьи приказала принести для Энеаты воды и чистую одежду.

— Платья Лины будут тебе как раз, — уверила Таман. — Уверена, она не будет против, что я дам их тебе.

— Лина — жена Харата, — пояснил Арнунна. — Она тоже маленькая, как ты. Она.. она сейчас в Ризайе, у своих родителей.

— Эне, — робко спросила Таман. — Ты уверена, что с ним... всё будет хорошо?

— Должно быть, госпожа. Уверена, ваш сын скоро очнётся. Скорее всего, некоторое время будет тошнить. Не бойтесь.

— Благослови тебя все боги всех миров, — Таман попыталась улыбнуться, но у неё вышло плохо.

— У вас есть какие-то запасы лекарств? Я могу взглянуть?

— Идём, я провожу, — предложил Арнунна.

Энеата проследовала за ним.

Чертоги эсина, пышно украшенные мозаиками, росписями и вставками резных картин из драгоценных заморских пород дерева, отчего-то вызывали смутную тоску в душе

военачальника Идшара.

Луганг ждал воли Асахира. Пленный эсин стоял посреди просторного зала дворца, окружённый воинами Идшара, направившими на него острия копий. Но Асахир молчал, оглядывая убранство и размышляя.

Наконец байру заговорил.

— Когда мы пришли в Энаран, как друзья, — начал он, не поворачиваясь и не глядя на знатного пленника. — Ты клялся, эсин, что твоя стража уберёжет моих людей. Я позволил моему брату остановиться в твоём дворце, и мой брат мёртв. Объясни мне, эсин, отчего так случилось?

— Моя судьба решена, байру? — в ответ спросил Луганг.

Асахир, немного помолчав, медленно кивнул. Эсин побеждённого города вздохнул и произнёс, тоже отводя взгляд:

— Тогда нет смысла оправдываться.

— Тогда нет смысла скрывать правду, эсин. Кто убил Кангара?

— Ночной охотник. Наёмник, один из многих, тебе не найти его.

— Глупо мстить клинку. Ты нанял его?

— Я.

— Зачем?..

Луганг не ответил, и Асахир, теряя терпение и напускную холодность, повысил голос:

— Мой брат был достойнейшим из смертных, его любили все, он никому не делал зла, так отчего ты мог пожелать его смерти?!

— Это была ошибка. Жаль, что так получилось. Я знал, что ты покинул дворец, но предупредить охотника уже не мог.

— Значит, умереть должен был я...

— Ты надоел всем пуще жары, байру. Без тебя всё было бы гораздо проще.

— Не помню, что плохого сделал Энарану... до смерти Кангара.

— Уплаченная дань несоизмерима той скромной помощи, что вы оказали в борьбе с северными разбойниками. Совсем. Лишись Идшар своего прославленного военачальника, его запросы стали бы меньше.

— Я пришёл сюда с тремя сотнями, почему нельзя было просто перебить нас всех?

— Потому что люди глупее ослов, — сердито отозвался Луганг. — Половина моих людей всерьёз считают тебя сыном Эллашира, байру, а вторая половина в этом сомневается, но всё же верит. К счастью, хотя бы у Ночных Охотников голова на плечах не для того, чтобы слушать сказки!..

— А ты, эсин, не боишься, что это окажется правдой?

— Нет, — как-то странно улыбнулся Луганг. — Но они поверили бы только после твоей смерти. Вот тогда можно было бы и перебить твоих людей. Жаль, что не удалось.

Азмар, стоявший чуть позади Асахира, шагнул вперёд и протянул военачальнику его копьё. Взвешивая оружие в руке и оттягивая мгновение казни, Асахир обратился к эсину:

— Что ещё скажешь, эсин, пока можешь говорить?

— Всё, что я делал, я делал на благо своего города.

— Ты приговорил свой город. Он захвачен, на нём позор поражения. Твои воины погибли, спасая твою трусливую шкуру. Это ты называешь благом?

— И всё же я был лучшим правителем, чем многие мои предшественники на этой должности. Я ничего не стыжусь.

— Может, Аарка простит тебя за это, — произнёс Асахир, отводя руку с копьём чуть назад. Воины, окружавшие Луганга, расступились.

Глава 13. Богиня и жрица

Храм Астарны располагался в стороне от городов и Великой Реки, высоко в горах Тенмор. Долгий путь к главному святилищу богини вёл по крутым ступеням змеившейся по склонам лестницы, занесённой песком. Внизу, у подножия гор, раскинулась храмовая деревня в пять десятков дворов — крупнее, чем многие свободные селения. Здесь растили ячмень и финики для пива и вина, пасли овец, из шерсти которых жрицы Астарны пряли нити и ткали самые красивые ковры и покрывала во всей Дарфии. Цена одного небольшого куска здешней ткани была сравнима с ценой на дюжину изысканнейших ожерелий из сердолика или три десятка волов. А два раза в год сюда стекались люди со всех дарфийских земель, чтобы отметить на пышном празднике в честь богини, принести жертвоприношения и получить в благодарность немного внимания от прекрасных жриц.

Сюда держала путь Зара, чтобы очередной раз переговорить с верховной жрицей Дивиярой. Ни палящий зной, ни усталость не останавливали колдунью, ждавшую помощи от своей подруги.

Преодолев путь в семь сотен ступеней, Зара вошла в храм. Стражницы не думали останавливать её, при виде беловолосой красавицы лишь склоняясь в поклоне и отворяя двери.

— Где Дивияра? — спросила Зара у одной из стражниц.

— В главном зале, госпожа, — ответила та. — Позвольте проводить вас.

Красноватый свет пламени томными отблесками обрисовывал линии совершенного тела жрицы, напрасно прикрытого прозрачным виссоном, придавал ещё больше таинственности бездонным чёрным глазам, щедро подведённым сурьмой. Тугая коса обручем охватывала голову, украшая её изысканнее, чем это мог бы сделать драгоценный венец; тонкие запястья увешаны тихо звенящими браслетами, массивное золотое ожерелье покоилось на пышной груди, а босые ноги были украшены узорами, нанесёнными травяной краской.

— Ах, божественная, — улыбка коснулась пухлых алых губ, когда Дивияра обернулась на стук двери и увидела вошедшую Зару. — Я тебя не ждала.

— Мне нужна твоя помощь, Диви.

Стражница откланялась и удалилась, закрыв за собой двери. Зара лёгкой походкой прошла через зал, протянула вперёд тонкие бледные руки, обнимая жрицу. Та, ответив на объятие, отшагнула назад и спросила, с любопытством оглядывая гостью:

— Чем я могу тебе помочь, дорогая?

— Ты можешь выбратья?

— Конечно. Хотя мне здесь нравится.

— Я сестру нашла.

— О, — ответила Дивияра, даже не стараясь изобразить заинтересованность. — Какая прелесть.

— Она — Солнце Ахарта, — судя по раздражённому голосу, Зара оскорбилась невнимательностью жрицы.

— О, — в этот раз звук казался куда более прочувствованным. — Это...

— Я не могу до неё добраться! — перебила Зара, и её голос звучал уже совсем зло. — Она где-то там, люди все как один говорят, что её недавно привели туда. Но там толпы воинов! Они мешают мне!

— Дорогая, — мягко произнесла Дивияра. — От меня-то ты чего хочешь? И где это — «там»?

— Там — это в Энароне. От тебя я хочу, чтобы отправилась в Энаран и заставила идшарского военачальника выгнать её подальше. Мне хочется пообщаться с ней наедине. Идти в толпу воителей мне совсем не хочется. Я бы могла попробовать... Но на это надо столько сил, что на Энеату не останется!

— Так, дорогая, подожди. Объясни понятнее. Идшарский военачальник? Энаран? Толпа? Энеата?

— Что непонятного?! Энеату, мою сестру, Солнце Ахарта, держит при себе Асахир, байру Идшара, под Энараном, наверное, всё идшарское войско, а мне надо убить её!

— Зара, дорогая...

— Не называй меня Зарой! Кто-нибудь услышит.

— Ах, простите, светлая Аарка, добрая госпожа Луны! — на этот раз обиделась Диви, и её голос звучал издёвкой.

— Не зли меня.

— Серьёзно, дорогая, ты хочешь, чтобы я отправилась туда и уговорила Хиру передать какую-то девочку тебе лично в руки?

— Но ты же можешь, правда?

— Ох, За... дорогая, ты бы лучше осталась там и просто подождала. Пока я доберусь до Энарана, всё само собой разрешится!..

Зара промолчала, нервно постукивая ногой по каменному полу. Её яростный взгляд заставил Дивияру изрядно испугаться и, виновато улыбнувшись, произнести:

— Но я не против съездить, если тебе этого так хочется. Чего не сделаешь ради подруги. Кроме того, я так давно не видела Хиру...

Прохладная вода приятно обволакивала измученное тело, и подзажившие ссадины уже не отзывались болью на каждое касание; больше всего Энеате хотелось остаться жить в этой кадке с колодезной водой. Но асу помнила об обещании Азмара вскоре вернуться за ней.

Спешно отмывшись от крови и грязи, Энеата пока надела тунику Лины, что дала ей госпожа Таман. Эне не любила быть в долгу и скорее принялась штопать свою одежду. Получалось скверно — дырки были слишком большими, края ткани распустились, да и швея из Энеаты была никакая, а просить помощи у пострадавших хозяев девушка стыдилась.

Когда Эне завершила последний стежок, её туника была похожа на сморщенную кожуру печёного яблока. В отчаянии скомкав ткань и швырнув её в сторону, Энеата ссутулилась, подперев голову руками, и едва сдерживалась, чтобы не расплакаться. Ничего-то у неё не получалось — куда там сражаться, даже просто подлатать тунику не выходило...

Стук в дверь отвлек её от унылых мыслей. Энеата шагнула к выходу, отодвинула задвижку и отшатнулась, увидев, что пришла не служанка, а нахмуренный и явно недовольный Азмар.

— Готова? Идём, — не дожидаясь ответа, он крепко сжал ладонью руку Энеаты повыше локтя, увлекая прочь из помещения.

— Подождите, я...

— Не буду я тебя ждать, — резко отозвался Азмар. — У меня своих дел полно, с тобой ещё возиться.

Энеата хотела сказать что-то ещё, но вовремя поняла, что лучше молча проследовать за сотником.

В этот раз он не настаивал, чтобы Энеата не смотрела вокруг, и девушка внимательно оглядывалась, насколько это было возможно рядом со слишком быстро вышагивающим Азмаром. На город опустился вечер; раньше в это время на улицах зажигали светильники, но сейчас расплывающаяся по пустым мостовым темнота останавливала лишь редкие факелы идшарцев. Даже во дворах было темно — жители, прятавшиеся в своих домах, не решались разводить огня, словно надеялись, что во мраке о них забудут. Может, кто-то и жёг очаг, плотно закрыв ставни и стянув занавески, но Энеата нигде не видела дыма.

А вот во дворце эсина, куда привёл её Азмар, света было предостаточно. Кто-то зажёл все светильники в саду, открытые окна верхних этажей тоже сверкали отблесками пламени; судя по шуму, здесь людей скопилось больше, чем во всём остальном городе.

В просторной комнате расположилось не меньше пяти-шести десятков идшарских воинов, занятых кто чем — кто-то отчищал оружие, кто-то ужинал, кто-то что-то пылко обсуждал с товарищами, а двое и вовсе затеяли драку, на которую никто не обращал ни малейшего внимания.

Сотник Азмар повёл Энеату в сторону от них, к широкой лестнице. Он остановился на последней ступеньке и наконец отпустил Энеату. Девушка чуть повела плечом, уже занывшим от слишком цепкой хватки. Здесь, наверху, было довольно темно — горел лишь один светильник в самом конце коридора.

— Иди туда, — Азмар указал рукой на закрытую синюю дверь чуть поодаль.

— Зачем? — хмуро спросила Энеата.

— Пойди да узнаешь, — фыркнул он.

— А вы...

— Сама иди, не заблудишься.

Азмар стоял и наблюдал за Энеатой, а она несколько мгновений размышляла, не стоит ли остаться тут или вовсе попытаться рвануть обратно к выходу. Девушка не решалась идти и не понимала, чего от неё хотят. Пожалуй, стоило попытаться на миг ослепить Азмара, и тогда...

— И не думай, — широко улыбнулся Азмар, словно прочитал её мысли. — Жрецам Эллашира не впервой разбираться с колдуньями. Лучше не нарывайся.

Энеата посмотрела на сотника с хмурой обидой, поняла, что он пока никуда не уйдёт, и осторожно постучала.

— Откройте, байру, — громко произнёс Азмар.

Дверь скрипнула, и Эне неуверенно шагнула внутрь.

Победа и месть не принесли байру Асахиру счастья. Да он на это и не надеялся. Кангара, доброго друга долгих лет, уже ничто не могло вернуть, и всё же Асахир мечтал

почувствовать себя немного спокойнее, сделал хоть что-то. Он не верил в самом деле, что смерть эсина Луганга и впрямь как-то скажется на загробной жизни бедняги Кангара; не считал, что воззвания к Хеде были больше, чем просто нелепым обычаем. И даже начал понимать, что благодушный Кангар ни за что не захотел бы, чтобы за него мстили.

Мысли становились всё мрачнее с каждым мгновением. Сотник Азмар, последний живой друг Асахира, не выдержал скверного настроения товарища и ушёл, выдумав отговорку о срочных делах. По крайней мере, так решил Асахир. Он остался один в комнате, сосредоточенный на унылых размышлениях — и не первой бутылке сикеры.

Просторная, но не слишком большая комната озарялась лишь одним светильником на дальней стене, но и в полумраке была видна изысканная и богатая отделка — резное дерево разных пород, мозаики из самоцветов, расшитые золотом ткани... На низком столике, украшенном вставками из лазурита и серебра, стоял расписной керамический кувшин и целый набор деревянной посуды, хотя еды было немного — пара персиков, финики, хлеб и кусок мяса, к которым Асахир так и не притронулся.

Неожиданный стук в дверь заставил Асахира насторожиться и схватиться за клинок, но голос Азмара сразу же успокоил. Жаль только, судя по вежливому обращению, Азмар был не один.

Асахир толкнул дверь, впуская гостей. Но вместо Азмара первой в комнату шагнула всё та же надоедливая асу Энеата.

Недовольный взгляд военачальника скользнул по ней и устремился куда-то за спину.

— Азмар! — хрипло рыкнул он. — Что за... вздор?

Но Азмар уже скрылся где-то на первом этаже. Асахир снова воззрился на асу Энеату. Девушка замерла у входа и, кажется, думала убежать, но не решалась.

— Ну заходи, раз пришла, — позволил Асахир.

Асу Энеата явно надеялась, что Асахир наоборот выгонит её подальше; разочарование и испуг открыто читались на её лице. То ли дело было в выпитом хмельном напитке, то ли в дрожащем пламени светильника, то ли в непривычно нарядной тунике, но сегодня Асахир смотрел на Энеату совсем иначе.

А может, сегодня они впервые не были врагами.

— И что ты тут забыла, маленькая асу?

— Простите, господин байру, — неуверенно произнесла она, старательно таращась куда-то вниз. — Ваш сотник велел мне прийти, я...

— Ну да, — не стал дослушивать Асахир. — Велел — и ты пришла. Послушание, необычное для тебя.

Асахир устало вздохнул, прикрыл глаза и запрокинул назад голову. Взъерошил рукой растрёпанные, не смазанные маслом волосы, хотя они и без того торчали во все стороны.

— Азмар меня неверно понял.

— Так я... пойду обратно?

— Подожди. Что там с верховным судьёй? Он жив?

Энеата кивнула.

— А его старший сын?

Энеата снова кивнула.

— Я рад, — искренне сказал Асахир.

Оба немного помолчали, а потом Энеата всё-таки решилась спросить:

— Почему?..

— Что почему?

— Почему вы рады?..

— Потому что верховный судья — отважный человек, а я уважаю отвагу. Его младший сын оказался трусом, и мне жаль было бы лишать судью старшего.

— Нунна — не трус! — не выдержала и всё-таки сердито повторила Энеата. — Сражаться с толпой врагов, даже не имея оружия — глупость, а не отвага!

— Верно, — заметил Асахир. — Стало быть, в тебе ума вообще нет.

— Чары — моё оружие, — как Энеата ни старалась говорить хотя бы вежливо, голос звучал довольно зло.

Асахир усмехнулся, глянув на Энеату исподлобья.

— Да уж. Ну и что мешает мне просто убить тебя? — лениво произнёс он, обращаясь к девушке.

— Не знаю, — холодно ответила Энеата. — Но явно не доброта и милосердие к слабым.

— Слабым? — он приподнялся и уставился на Энеату насмешливым взглядом. — Асу, тебе придётся определиться. Ты не можешь бросаться в бой и при этом требовать, чтобы тебя считали слабой девчонкой. Тут уж что-то одно. Если хочешь, чтобы тебя не трогали — иди домой и молча вари кашу. Если хочешь сражаться — будь готова проиграть и принять всю горечь поражения.

Эне отвернулась, и Асахир вновь опустил голову и сказал:

— Первый раз тебе повезло. Я был ранен, и ты купила себе право на жизнь. Я позволил тебе вернуться домой, я позволил единственному лекарю в моём отряде покинуть воинов и идти помогать тебе. Но спастись однажды тебе оказалось мало, и ты заявила... туда, в порт.

— Я... хотела помочь господину Арнунне...

— Выглядит так, как будто ты просто пришла умереть. Ты собиралась одолеть всё моё войско?

— Я хотела... тихонько... предупредить...

— Но это не было похоже на тихое предупреждение. Ты весьма явно дала знать о своём присутствии. Это был вызов, асу.

— Но я должна была помочь!

— Ты самой себе не можешь помочь, глупая девчонка! Посмотри на себя. Ты изо всех сил пытаешься себя угробить, места живого не осталось, вся ободрана, ходячий труп, — присмотревшись, он добавил: — Ну, хоть кожа вроде зажила.

— Но...

— Я мог просто убить тебя там, в скалах, — не дал перебить себя Асахир. — Я мог убить тебя здесь. Ты могла напороться на разбойников, ты могла встретиться с хищным зверем! Ты думаешь, что помогаешь кому-то, но рано или поздно ты просто подохнешь в поле и накормишь падальщиков! Ты этого добиваешься?

— Лучше умереть, чем знать, что могла что-то сделать и не сделала этого, — тихо произнесла Эне.

Во взгляде Асахира скользнуло что-то, подозрительно похожее на уважение, однако он ответил холодно:

— Мёртвый никому помочь не может.

— Но я же помогла Нунне... — растерянно пробормотала Энеата, почему-то отчаянно стремясь оправдаться.

— Его семья всё равно оказалась невиновной, им ничего не грозило.

— Но я же не знала!

— Ты слишком нагло вмешалась в мои дела. Ты переоценила свои силы или моё милосердие?

— Я... — она опустила взгляд. — Я думала, что смогу справиться с вами, байру. Это была ошибка, я знаю.

Асахир промолчал. Энеате стало не по себе от его резко похолодевшего взгляда, она отвела взгляд. Так и стояла, замерев, думая, что выглядит безгранично глупо, но не решаясь даже шевельнуться, не то что сойти с места.

— Справиться? Так ты что же, думала тогда меня убить? — мягко спросил он.

Энеата промолчала. Асахир только сейчас понял, что колдовское вмешательство Энеаты там, в порту, было не отвлечением и не предупреждением, а покушением на жизни самого Асахира и его товарищей.

Вопреки здравому смыслу, всё это Асахира развеселило. От его неожиданного громкого смеха Энеата невольно отшатнулась в сторону, и получилось ещё забавнее.

— Немногие мужчины обладают такой отвагой, — с ухмылкой произнёс Асахир. — Но даже домашний скот в тысячу раз умнее.

Энеата посмотрела на него исподлобья, испуганно, но и немного сердито.

— Слушай меня внимательно, маленькая асу, — он снова посерьёзnel. — Будь в тебе хоть капля ума, после нашей встречи в скалах ты бы не покидала своего дома, не то что города. У моего милосердия весьма скромные границы. Я щажу тебя в последний раз. И впредь ты будешь тихо сидеть дома, даже если понадобится спасти хоть весь мир. А если ты ещё раз встанешь у меня на пути, твои внутренности будут висеть на знамёнах, а голова отправится в подарок твоему отцу. Тебе всё ясно?

Энеата, испугавшись, рванулась к выходу, но Асахир вдруг остановил её, позвав:

— Стой, асу!..

Энеата остановилась у шторы, обернувшись и с опаской глядя на военачальника. Асахир снова рассмеялся и, указав на место подле себя, сказал тоном, странно похожим на вежливое предложение, а не приказ:

— Остайся.

Энеата с опасениями и сомнениями поглядывала на байру, пытаясь найти причину его неожиданной разговорчивости и доброты. Присмотревшись к чашке на столике, Энеата чуть потянула носом воздух и, похоже, учуяла запах вина. Ещё сильнее испугавшись, она попятилась назад и произнесла:

— Я... Пойду, господин байру...

— Нет! — в этот раз это точно был приказ. — Да не бойся. Это было предупреждение. Пока что... пока ты не пытаешься влезть в драку, пальцем не трону. Иди сюда. Садись.

Девушка покорно прошагала к столику. Асахир, не двигаясь с места, протянул в сторону руку и подкинул к Энеате небольшую подушку. Асу устроилась на ней, но явно чувствовала себя предельно неуютно.

Асахир не отводил взгляда, насмешливо и снисходительно наблюдая.

— Нет, так дело не пойдёт, — он пододвинулся к столу, наполнил чашку вином из кувшина и протянул её Энеате: — Пей.

Энеата предпочла согласиться, принимая чашку, но не торопясь делать глоток.

— Верховный судья всё ещё хочет твоей свадьбы с его сыном? — вдруг поинтересовался

военачальник.

— Что?.. — удивившись неожиданному вопросу, Энеата не сразу поняла, о чём её спрашивают. — Я не знаю.

— А ты сама?

— Так решили наши родители, — отозвалась Энеата.

— И ты, конечно, такая послушная дочь, что всё выполняешь.

— Я худшая в мире дочь, но тут я не вижу смысла противоречить. Чтобы просто показать норов?

— Да, норов у тебя довольно отвратный. И тебя вполне устраивает твой жених?

— А почему нет? Он нравится мне, мы подружились. Он добрый и красивый.

— Впервые слышу, чтобы красота была ценна, когда речь идёт о мужчине, — буркнул Асахир.

— Она ценна для всех.

— Никогда не считал так.

— Конечно, у мужчин есть, чем восполнить отсутствие красоты — сила, слава, власть. У женщин возможностей меньше.

— У женщин — рассудительность и благочестие, — возразил Асахир. — Которые не менее ценны, чем сила мужчины. И, пожалуй, куда более редки.

— Это пустые слова, господин байру. Я никогда не давала поводов обвинять меня в легкомыслии, но толпа из женихов перед моим домом не стоит. Несмотря на значительное приданое. А вот будь я красивой, даже вы, байру, обращались бы со мной получше, — поджала губы Энеата.

Асахир обернулся и посмотрел на Энеату с удивлением, даже забыв привычно прищурить глаза:

— Какой слепец сказал тебе, что ты не красива?..

Энеата на миг замерла, затем нервно дёрнулась, прижав к губам чашку и делая вид, что очень сосредоточенно пьёт.

— Краснеешь, — заметил Асахир. — Уже ярче персика.

— Я... — Энеата вскочила, резко поставив опустошённую чашку на сиденье рядом с собой, чуть не разбив её. — Можно я пойду, господин байру?

Асахир пожал плечами и, немного подумав, кивнул. Энеата умчалась так быстро, словно её сдуло ветром.

Глава 14. Право на честь

Низкий каменный столик, две скамейки, немного глиняной посуды большой сундук и застеленное шерстяным покрывалом ложе в углу — бедная тесная комната, представлявшая взгляду Нифи, не прельщала обстановкой. Их старый дом в Эрейе, откуда они бежали в поисках лучшей жизни, был уж точно богаче, чем эта лачуга. Но Энира, похоже, скромность жилища мало смущала.

За двенадцать лет он совсем не изменился. Всё то же благородное и до сих пор молодое лицо с задумчивым и каким-то отрешённым взглядом глаз цвета неба, только вот в русых волосах рановато появились серебристые пряди.

Нифь неподвижно стояла в дверях, не зная, что сказать, не понимая, что чувствует. Сколько лет её мучил гнев и жажда расплаты, сколько злобных проклятий она произнесла в ночной тиши, вспоминая смертельную обиду, как страстно и пылко желала мести... А

теперь колдунья смотрела на стоявшего перед ней Энира и не могла вспомнить причинённого ей зла. Убитая когда-то давно любовь воскресала, холодное сердце таяло, и глаза против воли вновь смотрели на старого возлюбленного с нежной страстью.

— Я знал, что мы ещё увидимся, — устало произнёс он.

— Ты в белом, — отозвалась Нифь, оглядывая траурную тунику Энира. — Что за горе постигло тебя?

— Я овдовел.

— Сожалею.

— Я думал, ты вернёшься в Эрейю.

— Я решила остаться.

— Как ты жила здесь?

— Плохо.

Тяжелое молчание повисло надолго. Казалось, время застыло, пока Энир и Нифь, отведя взгляды и уставившись себе под ноги, размышляли, что ещё сказать. Но тишину вдруг разрушил громкий детский возглас, раздавшийся из другой комнаты:

— Па! Па-а!

Энир быстро взглянул на Нифь, виновато улыбнулся и произнёс:

— Дочка.

— А...

Энир скрылся за дверью, затем возвратился, внося на руках светловолосую малышку. Нифь подняла взгляд, разглядывая ребёнка, и столкнулась с любопытным и доверчивым взором ярко-синих круглых глаз.

— Энеата, моя дочка, — произнёс Энир, почему-то не решаясь посмотреть на Нифь. — Ата, поздоровайся.

Девочка помахала ручкой, а Нифь холодно кивнула в ответ.

— Я женился шесть лет назад, — опустил Энеату и усадив на скамейку, рассказал Энир. — Но я... видимо, я родился, чтобы приносить людям горе. Не знаю, что на меня нашло, но я бросил и эту семью. Сбежал в Идшар... оставив её там... Не знаю, что со мной. Я любил её. Но...

Нифь побледнела и закрыла глаза, вспоминая давным-давно произнесённое проклятие. Новая любовь Энира всё-таки разделила судьбу брошенной ведьмы. Нифь пошатнулась, но успела сесть на скамью и прислониться спиной к стене.

— Потом словно очнулся... Вернулся домой. Но Лайна умерла. Оставила мне Энеату. В том доме я жить не мог, продал его и переехал с Атой сюда. Работаю вот... Эсин Идшара как-то увидел мои камни, оценил. Теперь отделяваю дворцы и храмы, в общем, всё хорошо... — Энир выдохнул, вьерошил волосы ладонью и отчаянно тоскливо добавил: — Всё хорошо... А ты? Как ты жила эти годы?

— Бродила по городам и деревням. Люди здесь не любят ведьм ещё сильнее, чем в Эрейе.

— Прости...

— Я простила. Но с Зарой ты, наверное, нескоро подружишься.

— С Зарой?..

— Я попросила её подождать там... На ярмарке. Пока посмотрит товары. Не думаю, что она захочет сразу с тобой говорить... Но я смогу убедить её... Зара — моя дочь... наша дочь.

— Дочь?.. Моя дочь?..

Нифь кивнула.

— Праматерь Иорита!.. Но... почему ты не сказала?! Нифь! Я бы ни за что не ушёл, если бы знал...

— Потому и не сказала, — ответила Нифь. — Я не хотела... чтобы так...

Разговор прервал громкий испуганный зов с улицы, тут же сменившийся отчаянным стуком в дверь.

Энир рванулся ко входу. Едва он отворил дверь, внутрь дома юркнула девочка-подросток, пролетев мимо Энира и метнувшись к Нифи.

— Мама, жрецы! Они знают, что ты здесь! Бежим!..

— Дочь?.. — остоленело глядя на беловолосую девочку, как две капли воды похожую на Нифь, выдохнул Энир.

Только здесь, пройдя на вершину холма и взглядевшись вдаль, Нунна задумался, как ему искать Энеату. Над башней порта, как и над заставой, развевались тёмные знамёна Идшара. Тишина заставляла Нунну чувствовать беспокойство. Просто идти вперёд и спрашивать всех встречных, не видели ли они худую девушку с глазами цвета неба, казалось затеей не вполне разумной — скорее всего, идшарцы просто пристрелят путника издалека, не вникая, кто он и куда идёт. Впрочем, выбора Нунна не видел, и обещание не бросать Энеату при каких бы то ни было обстоятельствах, данное Хурсану и Рамзашу, перевесило страх.

Надеясь, что широкий плащ скрывает ножны меча на поясе — к своему глубокому разочарованию, дома у Энеаты Нунна не нашёл своего оружия, и взял с собой новое, купленное в Эрисуме — Нунна зашагал по пыльной дороге, надеясь дойти живым до первого человека и попытаться победить того силой слова.

Вопреки всем опасениям и сомнениям, лучники, которых Нунна ясно видел на верхней площадке башни порта, проводили его взглядами, но даже не подняли луков. Похоже, одинокий путник не казался портовому гарнизону угрозой. Лишь когда Нунна подошёл к первому дому на десяток шагов, к нему вышли воины Идшара, держа наготове мечи.

— Куда прёшься? — совсем недоброжелательно спросил один из них.

— Милости Эллашира, воины, — сдерживаясь и не отвечая на грубость, приветствовал Нунна и слегка склонил голову. — Я иду с миром. Моя невеста пропала в этих краях, и я ищу её.

— И что?

— Я... — подбирая слова, медленно произнёс Нунна. — Я хотел спросить... не видели ли вы её. Она маленькая, на голову ниже меня, очень худая...

— Ты сам-то кто и откуда? Из Арка?

— Я? Я... Исен из Эрисума. Моя невеста из Арка... она ушла из города несколько дней назад... она лекарь. Но её повозку нашли пустой. На аркской заставе, здесь, на этой дороге. Её зовут асу Энеата. У неё голубые глаза...

— Голубоглазая асу? Слушай, — как-то сочувственно и даже немного смущённо сказал один из воинов. — Тут один из наших говорил про неё... Она жива. Но её забрал себе байру Асахир. Домой иди, парень.

Нунне казалось, будто он чувствует, как бледнеет.

— Домой иди, — повторил идшарец, разворачиваясь и направляясь назад.

— Подожди, — вслед уже уходящему воину вдруг решительно произнёс Нунна. — Я соврал... Я Нунна из Энарана, сын верховного судьи Арнунны. Байру Асахир... хотел видеть меня, под Халетом, в Закатных скалах, но я бежал. Теперь я хочу его видеть.

— Парень, — повернулся к нему воин. — Да ты полный дурак, что ли?..

Дорога, ведущая в город, поля вокруг него и прежде шумные предместья были совершенно пусты. Вид разбитых ворот, которые никто не собирался чинить, вызывал в душе худшие терзания; Нунна ждал, что в пределах городских стен всё изменится, но и там улицы были пустынные, разве что новая стража из идшарских воинов иногда нарушала покой. Все ставни в домах были плотно закрыты, несмотря на прохладное ясное утро; как бы Нунна ни пытался присмотреться и увидеть хотя бы одного жителя, он не мог.

Идшарский воин, за которым вышагивал Нунна, уже привёл юношу к основанию главного святилища в самом сердце города, а Нунна всё не решался хотя бы спросить, что же его ждёт. Однако, когда они свернули в сторону родной улицы Нунны, юноша не удержался и задал вопрос:

— Так это... Куда идём?

— Байру велел отвести тебя к твоим.

Нунна растерянно замер, остановившись на пару мгновений и чуть отстав от торопливо идущего идшарца. Тот обернулся и сказал шагать быстрее; Нунна тут же набрал скорость и догнал его, задав ещё один вопрос:

— А моя невеста?

— Шагай!..

Калитка двора была закрыта, но не заперта; идшарец толкнул её, жестом велел Нунне зайти и ушёл прочь. Переступить порог дома после разлуки и стольких треволнений было и сладостно, и страшно; Нунна помедлил, прежде чем решился наконец постучать и тут же войти.

— Нунна! — воскликнула Энеата, вскочила с места и, метнувшись, замерла, желая броситься вошедшему на шею, но отчаянно стыдясь этого порыва.

Нунна разрешил её сомнения, сам протянув руки и заключив подругу в объятия. Энеата хотела, чтобы это мгновение длилось хотя бы вечность, но Нунна сразу же отодвинулся, озабоченный какими-то своими мыслями и не замечая восторга в глазах Эне.

Путешествие отметило Нунну пылью на спутавшихся тёмно-каштановых кудрях, растрепавшихся вокруг смуглого лица пушистым покрывалом; ещё более загорелой, чем прежде, казалась кожа, и по-прежнему тёплый и лучистый взгляд теперь казался странно серьёзным. Таким Нунна виделся Энеате старше и ещё красивее; теперь он казался героем из сказок о путешественниках, прошедших половину земли.

Энеата обожала слушать эти истории с детства. Девушка всегда представляла, что однажды и она сорвётся с места и уйдёт из родного дома, взяв с собой лишь кинжал да бурдюк с водой. Как-то раз она рассказала о своём желании Хурсану. Тот рассмеялся, заметив, что девочке нужно мечтать не о путешествии, а вошедшем в её дом красавце-путнике. И теперь Энеате думалось, что Хурсан был прав, а Нунна казался тем самым забредшим из дальних краёв странником.

— Эне, ты здесь? — удивлённо и обрадованно произнёс Нунна. — Мне сказали, что... не важно. А... а где родители?..

Штору, скрывающую проход в одну из комнат, чуть не сорвала влетевшая сюда Таман,

прибежавшая на громкий возглас Энеаты.

— Нунна!.. Боги!.. Живой!.. — она бросилась в объятия сына, не сдержав потока счастливых слёз. — Сынок! Живой!..

— Ма-ам, — неловко протянул Нунна, безуспешно пытаясь вырваться. — Ты что!.. Мам! Успокойся! Отец и Харат... Как они?

— Все живы и почти здоровы, — счастливо улыбаясь сквозь слёзы и разглядывая вернувшегося путника блаженным взглядом, ответила Таман.

— О... — только и сказал Нунна.

Энеата смущённо стояла в стороне, не зная, удалиться и оставить их одних или остаться; спустя ещё пару мгновений в комнате появился Арнунна, и, бросив на него короткий взгляд, Энеата решила на всякий случай остаться.

В глазах верховного энананского судьи не было и подобия того счастья, которым сияла Таман. Его взор утопал в боли и сомнениях. Нунна, метнувшийся было к нему, замер.

— Отец?.. — как-то виновато и робко произнёс Нунна.

Слишком долго висела совершенная тишина, пока Арнунна наконец не попросил тихо и грустно:

— Таман, выйди. Энеата... как хочешь.

Нунна стоял изваянием, не понимая, что с отцом. Глава семейства смотрел на вернувшегося сына так, будто вовсе и не желал его видеть. Таман ушла, оставив его без поддержки; не выдержав вопрошающего взгляда Нунны, судья отвернулся, уставившись в окно.

— Это правда, что ты оставил Энеату одну и бежал? — поджав губы, с трудом, словно слова причиняли ему нестерпимую боль, произнёс Арнунна.

— Я... — Нунна не нашёлся, что ответить. — Но...

— Значит, это правда... — горестно сказал судья. — Мой сын — трус...

— Я не трус! — возмутился Нунна. — Она сказала, что сможет уйти... Она сама сказала мне идти!

— Господин Арнунна!.. — безуспешно попыталась встрять Эне.

— Ты бросил её.

— Я растерялся! Я никогда не видел ничего подобного, я не понял, что произошло, я просто...

Арнунна промолчал.

— Отец!.. — отчаянно воззвал Нунна.

— Господин Арнунна!.. — опять попробовала Энеата, но её снова не слушали.

— Никогда не думал, что мне придётся стыдиться моих детей, — тихо произнёс судья, не глядя на Нунну. — Я стоял и слушал из уст великого воина, что мой сын — трус.

— Отец!

— Я не мог и подумать, что когда-нибудь переживу такой позор.

— Отец! Я не струсил! Я просто не знал, что делать!..

Арнунна молча посмотрел на него, задержав взор на пару мгновений, затем так же без слов вышел прочь.

— Отец!.. — выкрикнул вслед Нунна, но ответа так и не последовало.

Нунна гневно обернулся к Энеате:

— Зачем ты ему рассказала?!

— Это не я! — возразила Энеата. — Ему байру Асахир сказал!

— Всё из-за тебя!..

— Я пыталась ему объяснить! Нунна!

— Зачем тебе надо было лезть?! Ну и убили бы меня там, ну и хорошо бы! А теперь мне что делать?!

— Нунна!.. Успокойся, пожалуйста!..

— Успокоиться?! После того, как родной отец сказал, что стыдится меня?!

— Он сгоряча! Увидишь, он сейчас успокоится и поймёт, что зря тебя обидел.

Нунна резко развернулся, ударив сжатым кулаком в стену, затем прижался лбом к арке окна и замолчал.

— Нунна... — осторожно позвала Энеата.

Он не отзывался, но звук сбитого тяжелого дыхания не давал усомниться, что Нунна успокаиваться вовсе не собирается.

— Энеата, — наконец процедил он, не поворачиваясь, сбросив сумку на пол. — Я принёс тебе письмо. Иди и прочти его. Это важно.

— Ты был в Карауде? Как дедушка Хурсан?

Нунна не отвечал, и Энеата, подняв с пола сумку, ушла в другую комнату, решив оставить юношу, пока тот не успокоится.

— О чём вы говорили? — встрепенулась Таман.

— Да так, — ответил тот и попросил: — Мам, я очень есть хочу. Можешь...

— Да-да, конечно, как же не догадалась, — не дала договорить Таман, срываясь с места и спешно направляясь на кухню.

Нунна подождал, пока Таман скроется за шторами, и обратился к сидевшей в уголке и пытавшейся найти в сумке письмо Энеате:

— Эне... Ты не сердись, — голос юноши звучал виновато и смущённо. — Я не должен был... Извини, я...

— Нунна, — не дала договорить Энеата, поднимая взгляд. — Где письмо-то?

Нунна прошагал вперёд, взял из рук Эне сумку и, немного покопавшись в тряпичном мешке, вытащил на свет свернутый в рулон кусок пергамента.

— На пергаменте? — удивилась Энеата.

— Ага, — Нунна разорвал нитки, державшие письмо, и протянул его Энеате. — Слушай... Мне нужна твоя помощь. Фазмире нужна. Её заколдовали. Она не просыпается.

— О, — испуганно воскликнула Энеата, поднося ладонь ко рту.

— Она жива, но не просыпается. Ты ведь сможешь помочь ей?

— Я постараюсь... Но я только завтра отправлюсь в Арк. Так мне сказали.

Девушка воззрилась на непривычно длинный текст, плотно покрывший пергамент мелкими значками, и лицо её менялось, пока она читала, от вопрошающе-удивлённого до испуганно-восторженного. Нунна ждал, когда Энеата дочитает, и переминался с ноги на ногу, думая, что у асу могут возникнуть вопросы.

Наконец Энеата опустила руку с письмом и застыла, уставившись невидящим взглядом в противоположную стену. Помолчав недолго, она растерянно произнесла, обращаясь к юноше:

— Нунна... он пишет, что я должна с ней сражаться... Сражаться? Я? Я не могу! Да ещё и с родной сестрой! И почему дедушка всегда скрывал, что всё обо мне знает... И о ней?

— Ты справишься. Она даже меня убить не смогла. Но ты, он сказал, можешь не только защищаться...

— Но я хочу только защищаться! Ни за что не стану нападать!

— Не верится, что вы сёстры, — задумчиво произнёс Нунна, глядя на Энеату. — Как будто вас роднит только это колдовство...

Энеата тоже не отвечала, сосредоточенно пытаясь ещё раз перечитать письмо и понять ещё что-нибудь.

— Ты милая и добрая, — продолжал Нунна. — А она злая и коварная. И внешне совсем не похожи. Разве что у вас обеих светлые глаза, но всё равно — и они тоже совсем разные. Да, ничего общего. Она такая высокая и статная, красивая...

Вдруг подумав о том, что сказал, Нунна обернулся и посмотрел на побледневшую Энеату.

— Я не хотел сказать, что ты некрасивая, — спешно попытался исправить ситуацию Нунна. — Просто пытался описать её, вовсе не...

— Хотел, — ответила Энеата. Голос её звучал спокойно и равнодушно, но скрыть боль и горечь во взгляде она не смогла. — И сказал.

— Эне! — Нунна протянул руку и ласково коснулся ладони Энеаты. — Ты славная, Эне, правда. Добрая и храбрая. Мало кому достаётся такой чудесный друг, как ты!

Энеата молча посмотрела на него и вновь отвела взгляд. Ей вдруг вспомнилось, как удивился Асахир тому, что Эне не считает себя красивой. И то, каким взглядом он смотрел на неё в тот вечер.

— Слушай, Эне, — хмуро произнёс Нунна. — Пожалуйста, пообещай мне кое-что.

— Да?

— Обещай, что больше не будешь вмешиваться ни во что, что касается только меня. И не пытайся меня спасать. Что бы ни было, просто дай мне самому разобраться. Пожалуйста.

— Но вдруг...

— Нет! Эне! Обещай. Я прошу тебя.

— Ну хорошо, — нехотя согласилась Энеата. — Обещаю! Не буду вмешиваться. Если, конечно, ты сам не попросишь помочь!

Нунна грустно улыбнулся и подался вперёд, вдруг притянув Энеату к себе и положив руки ей на плечи.

— Ты умница, — шепнул он, качнулся и легонько коснулся губами щеки девушки. — Прощай, Энеата.

— Что?.. — растерянно произнесла асу, а Нунна уже спешно выходил из комнаты.

Когда Энеата сообразила, Нунна уже пересекал двор и приближался к калитке. Бегом рванувшись за ним, Эне попыталась остановить его.

— Нунна! Выходить нельзя, там очень опасно!

— Ты тоже считаешь меня трусом, Эне?

— Нет! Конечно, нет! Я же знаю, как всё было! Иди назад, в дом, пожалуйста! Ты же... Ты же есть хотел!

— Мне жить-то не хочется, не то что есть. Эне, ты обещала. Не нарушай слова.

— Куда ты?..

— Возвращать честь. Не мешай мне, или я буду ненавидеть тебя.

— Нунна, не надо, ты не понимаешь!..

— Это ты не понимаешь, — возразил Нунна. — Отец всегда гордился мной. А я... Ох Не мешай мне, Эне.

Энеата опустила голову. Нунна вышел, хлопнув калиткой.

Глава 15. Пёс Эадиву

Девочка-подросток смотрела на него холодно и как-то равнодушно. Нифь, беголо переведя взгляд с дочери на Энира, коротко сказала, обращаясь к нему:

— Не сейчас...

Тот быстро кивнул, выглянул в окно, оглядывая улицу.

— Идём. Я знаю, где можно укрыться, — торопливо произнёс Энир, подхватывая на руки маленькую Ату.

— Ты её с собой возьмёшь? — покосилась на малышку Нифь.

— Одну не оставлю, — уверенно сказал Энир. — Она прятаться не умеет. Идём, живее.

Он пробежал через маленький домик к выходу на задний двор. Нифь, сжав ладонь Зары, следовала за ним; они пересекли сад, а у высокой и гладкой каменной стенки, подпиравшей склон горы. Энир остановился.

— Здесь тупик! — зло выкрикнула Зара. — И...

— Он мастер камня, Зара, — как-то многозначительно произнесла Нифь.

На глазах изумлённой Зары часть стены обрушилась — тихо, совершенно бесшумно. Энир кивком указал на открывшийся за стеной узкий проход, ведущий в непроглядное пространство пещеры.

— Не растерял таланта, — улыбнулась Нифь, опираясь на его плечо и перешагивая через обломки.

— Что за бред!.. — фыркнула Зара. — С тем же успехом мы могли просто забиться под стол...

Едва Энир переступил камни, следуя за Нифью и Зарой, осколки начали собираться вместе, возвращаясь на свои места. Через несколько мгновений ограждение сада было точно таким же, как до их перехода, а пещера погрузилась в полный мрак.

Нифь подняла ладонь, зажигая свет на кончиках пальцев.

— Что это? — тихо спросила она.

— Просто пещера. Другого выхода нет, но они не станут ждать нас слишком долго, — прошептал в ответ Энир, осторожно опуская Энеату на камни.

Девочка встала и отряхнула короткое льняное платье, сохраняя на лице самое серьёзное выражения. Нифь грустно усмехнулась, разглядывая малышку.

— Она славная, да? — искренне произнесла Нифь, с удивлением осознавая, что вовсе не ревнует.

Энир виновато улыбнулся, потрепав Эне по волосам. Но дальнейший разговор затих — за толстой стеной глухо, но всё же слышны стали чужие голоса и шаги.

Подземелья святилища Астарны, сухие, пыльные, украшенные знаками непривычной и незнакомой Заре письменности, в свете факела казались только мрачнее. Глаза Луны Ахарта прекрасно видели в темноте, лучше, чем в яркий полдень; но следом за колдуньей вышагивала, ворча на грязь на подоле шёлковой юбки, Дивияра, не обладавшая подобным даром.

— Это плохая идея, дорогая Зара, — не уставала напоминать Диви. Зара, как и прежде, только презрительно кривилась на эти слова. — Эадиву никому не покоряется.

— Мне покорится, — спокойно уверила подругу Зара. — Или умрёт.

— Слушай, его несколько поколений жриц до меня пытались утробить, так ему хоть бы что...

— Расслабься, Диви. Ты просто покажешь мне, как пройти, и уйдёшь.

— Ага, а если ты его выпустишь, он разнесёт всё, куда бы я ни ушла, достаточно далеко сбежать не успею, — рассердилась жрица Астарны.

Зара звонко рассмеялась.

Дарфийские предания называли призрак древнего чудовища, пленённого века назад, именем Эадиву. В переводе с языка жившего здесь прежде дарфийцев племени это означало всего лишь «чёрный пёс», хотя в придуманных о нём историях старались подобрать множество куда более ярких описаний.

Дивияра приводила сюда Зару давно, когда колдунья была в храме впервые, и уже показывала ей комнату с запертым Эадиву. В плену прозрачных и сверкающих золотистым светом чародейских цепей волшебный пёс совсем не выглядел настолько уж опасным. Он был похож на обычную мохнатую чёрную собаку, разве что размером был со льва. Изображавшие его в росписях и рисунках ввали — не было у Эадиву ни лишних голов, ни рогов, ни скорпионьего хвоста, пасть его не кровоточила и хребет вовсе не покрывали пластины брони. Единственным, что давало поверить в колдовскую природу запертого в подземелье святилища Эадиву, была полная невозможность его потрогать. Пёс всё-таки был призраком. Протянутая рука проходила насквозь, и пёс грозно скалился, но не мог укусить дерзких жриц, отважившихся к нему приближаться; однако Зара, проведя достаточно времени в хранилищах храмов и городов, знала, как вернуть Эадиву к истинной жизни.

Комнату с Эадиву отгораживала от проходов тяжёлая дверь, окованная бронзой и золотом; Дивияра, вздохнув, отодвинула засов и толкнула створу, открывая Заре путь к пленённому зверю.

— Я подожду тебя наверху, — произнесла Диви. — Не выношу твоего колдовства.

— Собирайся там побыстрее. Не все платья бери, — усмехнулась Зара.

— Много ты понимаешь, — обиженно бросила напоследок Диви.

Зара улыбнулась, провожая подругу взглядом. Когда та скрылась за поворотом, темноту подземелья нарушали лишь поблескивавшие собственным светом цепи, державшие в углу небольшой комнаты пса.

— Здравствуй, пёс, — Зара подошла к нему вплотную, опустилась на корточки и протянула руку, собираясь погладить.

Тот зарычал, напрасно скаля зубы, не сумевшие бы никого укусить; но в этот раз тонкая бледная рука гостьи не прошла насквозь, а коснулась загривка, легонько потрепала шерсть, ставшую для неё осязаемой. Пёс замер, рычание стихло; Зара рассмеялась.

— Эадиву, — нараспев произнесла она, вплетая в голос чары. — Ты был создан первым повелителем Ахарта. Покорись новой госпоже. Я верну тебе плоть и чары, я сниму эти цепи. Я выпущу тебя в мир и защищу от солнца.

Пёс снова зарычал, пытаясь отодвинуться от гладившей его ладони. Но цепи крепко держали его, не давая пошевелиться.

— Воплощение чар, — продолжала говорить Зара. — Чар, подвластных теперь мне.

Зара поднялась, отошла к двери, вновь развернулась к лежащему на истёртых камнях псу. Протянула вперёд руки. Слепительная вспышка серебристого света наполнила комнату на долю мгновения; цепи, державшие Эадиву, разбились на сверкающие осколки, вскоре погасшие и растворившиеся во вновь воцарившейся темноте. Эадиву бросился вперёд, грозно

рыча и скаля пасть, но уже начавшийся прыжок остановил взмах руки Зары, отшвырнувший существо к стене.

Зара качнулась, подняла руки в странном жесте, расчертила в пыльном воздухе светящийся узор. Новая, ослепительно белая, цепь обвила шею зверя, и он замер, не шевелясь.

— Хм, — задумчиво протянула Зара. — Не пойму... Получилось?..

Зара едва заметно качнула рукой, и колдовской ошейник сжался. Эадиву жалобно заскулил, припадая к земле и отчаянно мотая головой.

— Получилось... — счастливо произнесла колдунья.

В полдень байру Асахир ещё спал, впервые за много лет пропустив рассвет. След от раны на плече отчаянно ныл, и вчера военачальник, тщетно пытаясь загасить боль вином, не спал почти до утра.

— Хиру, я б и сам его прибил, но подумал, что тебе будет забавно услышать, — войдя в комнату, сказал сотник Азмар. — Тот парень, сын Арнунны, всё не уймётся. Пристал к страже, требует с тобой встретиться. Привести или там прирезать?

Асахир нехотя разлепил сонные глаза и, приподнимаясь и садясь, зевнул, взглянул на Азмара и спросил:

— А? Ещё разок — что-что?

— Сын Арнунны, младший, что ты велел домой отвести, домой, похоже, не хочет. Привести его тебе или там прирезать?

Асахир вздохнул, ероша волосы.

— Ну приведи.

Азмар кивнул и удалился.

Асахир успел переодеться и умыться, пока Азмар ходил за задержанным на улице Нунной. Когда двое воинов втащили юношу в комнату и швырнули на пол, Асахир стоял у окна, разглядывая сад во внутреннем дворе. Следом за ними вошёл Азмар, скользнув в угол и замерев там неприметной тенью. Обернувшись к вошедшим, байру кратко спросил:

— Ну?

— Байру, — Нунна поднялся, встав на ноги и приветственно наклонив голову. — Простите, что беспокою вас...

— Быстрее давай.

— Я прошу права на поединок. Меня обвинили в трусости из-за того, что я избежал встречи с вами там, в скалах. Я пришёл всё исправить.

— Ты что, думаешь, что сможешь победить? — поинтересовался Асахир.

— Нет.

— Я уже дал тебе возможность жить. Рассчитывать на милосердие второй раз — наглость.

— Большая честь — погибнуть от руки великого воина, — тихо ответил Нунна.

Асахиру, похоже, понравился ответ. Он слегка скривил губы в ухмылке, щурясь и с интересом разглядывая юношу.

— Ясно. Ну ладно, — согласился байру. — Азмар, дай мальчишке меч.

— А щит можно? — попросил Нунна, принимая из рук сотника оружие.

Асахир надменно усмехнулся:

— Идшарский щит ты даже не поднимешь. Да и не поможет.

Нунна вздохнул, покрепче сжал рукоять тяжёлого меча, готовясь к бою. Асахир тоже достал клинок и подошёл к Нунне на расстояние трёх шагов.

— Отец знает, что ты здесь? — спокойно спросил Асахир.

Нунна замотал головой, опуская взгляд. Отец бы, конечно, запретил сюда идти... Лишь бы только Энеата не рассказала ему и матери.

Похоже, Асахир ждал нападения, не собираясь атаковать первым. Военачальник стоял, держа меч опущенным, острием к полу; но Нунна видел, что взгляд байру внимательно следит за каждым движением юноши.

Нунна поднял меч, занося его для удара.

— Можно начинать? — зачем-то спросил Нунна.

Вместо ответа Асахир неожиданно быстро взмахнул мечом, и Нунна успел заметить это движение лишь в последний момент, закрываясь от удара выставленным вперёд клинком. Однако удар был столь силён, что Нунна отлетел назад, потеряв равновесие и падая на спину. От следующего выпада он спасся, откатившись по полу в сторону.

— Поднимайся, — равнодушно произнёс Асахир, не замахиываясь вновь.

Нунна вскочил, помедлил, сжимая рукоять и не решаясь нападать. Асахир стоял совершенно неподвижно, и ожидание, похоже, ничуть не волновало его. Собравшись с духом, Нунна рванул вперёд. Первый удар Асахир отбил, не двигаясь с места; от второго пришлось уклониться, и Нунна, пролетев мимо цели, пошатнулся.

— Глупый мальчишка, — всё так же спокойно, тихо и хмуро сказал Асахир.

Нунна не собирался отвечать — его дыхание уже сбилось, пока не столько от напряжения, сколько от волнения и страха, но он вновь ринулся в атаку. Сжав рукоять двумя руками, он собирался нанести удар снизу, широко размахнувшись длинным мечом. Но выпад не достиг цели — байру Асахир был слишком ловок и удивительно быстр для такого крупного телосложения. Он, похоже, ещё во время размаха Нунны понял, куда будет нанесён удар, и легко отбил его.

Меч выпал из руки Нунны, с лязгом упав на каменный пол. Юноша рванулся, подхватывая его и вновь отчаянно бросаясь на военачальника.

Дышать становилось тяжело. А Асахир, похоже, просто стоял и ждал ударов, легко отбивая их один за другим.

— Хиру, — протянул Азмар. — Ну прекрати, а...

Асахир рассмеялся, перекрывая новый выпад Нунны.

— Хватит! — не выдержав, выкрикнул Нунна, наконец поняв, что военачальник просто издевается над ним.

Ответом послужил неожиданный удар Асахира. Нунна еле успел выставить меч, защищаясь от удара, но чуть не убил себя собственным клинком, едва справившись с мощностью атаки и кое-как удержав оружие.

Нунна качнулся в сторону, думая, что военачальник собирается ударить мечом; но тот пнул соперника ногой в колено. Нунна пошатнулся, но устоял на ногах. Неудачный разворот при следующем движении — и Асахир, резко наклонившись вперёд, ударил Нунну кулаком по носу. Нунна отшатнулся, опустил меч и попятился к стене; поднёс ладонь к лицу, стирая потекшую кровь. Пока Нунна растерялся, Асахир успел ещё раз ударить рукой, на этот раз попав по подбородку, и хорошенько пнуть, заставив Нунну упасть назад.

Нунна стукнулся спиной о стену и не сдержал тихий возглас, на долю мгновения закрыв

глаза. В глазах потемнело, и сквозь зазвеневший в ушах шум Нунна услышал смех Азмара.

— Хоть какое-то развлечение в этой дыре, — протянул сотник.

Асахир ему не отвечал. Встряхнув головой и вновь рванувшись в атаку, Нунна снова и снова нападал, а Асахир всё так же легко отбивал выпады, сопровождая их новыми тяжёлыми ударами кулака; вскоре Нунна оставил попытки нападения, пытаясь лишь уворачиваться и избегать хотя бы части атак.

Нунна задыхался. Боль выводила из себя, хотелось лишь, чтобы всё скорее прекратилось, пусть даже кончилось смертью — лишь бы уже отдохнуть. Наконец он не смог больше бороться с собственным измученным телом и упал, не в силах подняться.

— Вставай! — зло приказал Асахир, направляя на него меч. — Бейся до конца!

— Да добей ты его уже, — предложил смилостивиться Азмар. — Он не встанет.

Но Нунна встал. Пошатываясь, не видя почти ничего сквозь темноту и мутный красноватый туман в глазах, не чувствуя руки, кажется, сломанной; шмыгая кровоточащим носом, не в силах поднять оружие, но не собираясь просто сдаваться. Первый же удар свалил его обратно, но Нунна вновь поднялся.

— Защищайся!.. — прорычал Асахир, просто толкая Нунну на пол.

Нунна старался встать, опираясь на почти не подчинявшиеся руки, но не мог совладать с ними.

— Бейся, трус! — рявкнул военачальник.

Снова встал. Снова удар. Попытка увернуться от нового замаха Асахира не увенчалась успехом, но в этот раз военачальнику понадобилось несколько выпадов, чтобы ещё раз свалить соперника.

— Вставай! — ещё раз потребовал Асахир.

Но Нунна не мог. Он еле дышал, уже не пытаясь бороться с охватившей всё тело болью.

Асахир убрал меч в ножны, ещё раз глянул на избитого Нунну и холодно произнёс:

— Доволен? Получил, что хотел?..

Глава 16. Новый эсин

— Тебе не стоило вот так бросать всё, — уныло произнесла Нифь. — Ведь вряд ли они решились бы тебя тронуть, если ты работаешь на их эсина?

Пронизывающий мокрый ветер не проходил сквозь невысокую земляную стену, вставшую между укрывшимися в зарослях странными путниками и берегом Великой Реки, но холодный вечерний воздух вовсе не обещал уюта. Земля ещё хранила остатки дневного тепла, но и она стремительно остывала, грозя морозной ночью.

Энир сидел на земле в одной тунике, обернув в свой плащ и покрывало маленькую Эне, которую держал на коленях; крепко прижимая спящую дочь, он надеялся хоть немного согреть её. Нифь опустила рядом, прижимаясь к плечу мастера камня. Зара неподвижно стояла в стороне, сложив тонкие руки на груди и сосредоточенно вглядываясь в тёмные дали.

На вопрос Нифи Энир ответил тихо:

— Я не могу я бросить вас второй раз.

Немного подождав, он добавил:

— Нам нужен костёр, Нифь... холодает. Ата замёрзнет.

Колдунья медленно покачала головой, виновато говоря:

— Увидят. Сразу увидят.

Тягостное молчание висело несколько слишком долгих мгновений, пока Энир, на миг замерев, вдруг наклонился и коснулся губами лба малышки Энеаты.

— Нифь, я разведу костёр, — как-то потерянно сказал мастер камня. — Прости, но...

— Ты дурак? — вдруг вмешалась Зара, резко оборачиваясь. — Тьма Хеды! Мам, на кой ты потащила с нами эту обузу?!

Нифь опустила взгляд, отстраняясь от Энира. Вздохнув, она сказала:

— Подожди... сейчас я зажгу. Вот только...

Протянув ладонь, она коснулась щеки Энеаты, другой рукой вычерчивая руну на земле.

— Что ты делаешь? — нахмурился Энир.

— Дарю ей силу.

Время тянулось слишком долго, выводя Зару из себя. Она торопилась скорее прибыть в Энаран, но обоз еле двигался; нагруженные телеги, запряжённые неторопливыми, утомлёнными жарой быками; сонно восседавшие стражи и рабы явно не понимали нервного ожидания Зары.

— Поторопи же их! — требовала колдунья у жрицы, сидевшей рядом в повозке.

— А как? Они не могут идти быстрее. Успокойся, дорогая, — лениво отозвалась Дивияра. — Через день уже будем в энаранских землях.

— Долго!

— Я развлеку тебя сказочкой. Видишь вот те руины, на склоне холма вдалеке? Там когда-то был город, но от него мало что осталось. Люди говорят, что всех его жителей убил один крик Эадиву. Глупость. Присмотрись, божественная — эти стены разрушены не временем. Их пробили тараном. Город разграбили захватчики, дураку ясно. Это было очень давно, ещё до того, как появились многие из городов Великой Реки. Это просто старая, старая сказка, дорогая Аарка.

— Но ведь Эадиву — не сказка? — отозвалась Зара.

— Слушай, если одна оказывается правдой, то это не повод сразу поверить во все остальные! Послушай, дорогая Аарка, я бы...

— А я чувствую там жизнь, — удивлённо произнесла Зара, вглядываясь в темнеющие развалины.

— Разбойники часто... м... гнездятся там. Видимо, и сейчас. Но у нас достаточно стражи, они не сунутся к нам.

— Диви, ты же не думаешь, что меня пугают разбойники? Ох. Эти быки еле ползут, — ловко соскочив с телеги, Зара-Аарка качнулась, подняла руки в странном жесте, расчертила в прямом вечернем воздухе светящийся узор.

— Нет-нет! — возмутилась Дивияра. — Ты испортишь моих животных!..

— Улучшу, — хихикнула Зара, дочерчивая последний знак. — Теперь они не почувствуют усталости. Вот и всё. Не подведи меня, жрица. Вперёд!..

Быки помчались бегом, словно их что-то гнало, и Дивияра только успела плюхнуться на дно повозки и вцепиться в её край, чтобы не упасть. Зара рассмеялась вслед, дождалась, пока обоз скроется вдалеке, и, развернувшись, зашагала к руинам в скалах.

Солнце давно скрылось за горами, но теперь и бордовые отсветы заката угасали. Зара

шагала в темноте, ничуть не смущаясь и не боясь — глаза Луны Ахарта видели во мраке яснее, чем среди дня. Туман поднимался от земли там, где ступала нога колдуньи, отпугивая от неё всё живое — ни один хищный зверь или ядовитая гадина не посмела бы даже приблизиться, чуя опасность, исходившую от одинокой путницы. Даже тучи гнуса, вившиеся над каналами, разлетелись прочь, спасаясь от Зары.

Голоса ночных птиц и стрекотание насекомых умолкли, поддались расплывавшемуся по долине страху. Зара стремительно шла к разрушенным когда-то домам, и едва колдунья ступила на занесённые песком и пылью остатки древней мостовой, над пустынной округой пронёсся пронзительный зов:

— Эадиву!..

В ответ раздался громогласный рык, накрывший все окрестности, расшугавший ночную тишину. Птицы в испуге срывались с места, вспархивая из зарослей кустарника, со всех ног мчались прочь антилопы, казалось, даже сухой западный ветер, дувший прежде, стих. Зара смеялась. Туман вокруг неё клубился непроглядным белым маревом, холод сковывал лежавшую перед горами равнину.

Призрачный пёс, появившийся у ног Зары, зарычал, приветствуя новую хозяйку. Она улыбнулась, теребя чёрную шерсть на загривке, и ласково произнесла:

— Посмотрим, врут ли сказки о твоей силе, пёсик. Пойдём, поищем врагов...

Скользнувшего за калитку Таллиса Энеата приветствовала радостным вскриком.

— Лис! — она тут же рванулась к нему. — Какое счастье видеть тебя!

— Эне, — Таллис махнул рукой. — Извини, что не приходил раньше. Я знал, то ты тут, но ведь работы невпроворот. Вот наконец нашёл время и...

— Погоди, — перебила Энеата. — Мне нужна помощь, скорее...

Постоянно сбиваясь и путая слова, Эне всё-таки сумела быстро передать идшарскому лекарю суть происходящего с её женихом. Тот замотал головой, возражая против просьбы Энеаты что-либо сделать.

— Во-первых, раз уж обещала не лезть, то и не лезь, — заметил он. — Во-вторых, я сделать ничего не могу. Могу пойти и узнать, как оно там всё разрешилось — не больше. Возражать против приказов байру я не собираюсь, как и вступать в чужие разборки.

Энеата обиженно поджала губы.

— Ты же не можешь просто не обращать внимания, правда? Ты же не будешь ждать, пока Нунну убьют?

— Слушай, я лекарь при войске уже второй год, я только и делаю, что жду, пока кого-нибудь убьют, — отмахнулся Таллис. — Твой жених пошёл отстаивать право на честь — благородное решение, зачем мешать ему?

— Глупая честь, — буркнула Энеата. — Самая нелепая причина смерти.

Таллис попытался подбадривающе улыбнуться, но получилось довольно неуместно. Энеата вздохнула, теребя письмо, что так и не выпустила из рук.

— Что это у тебя? — заинтересовался свёрнутым пергаментом Таллис.

— Письмо от дедушки Хурсана, — ответила Энеата. — Представляешь, у меня правда есть сестра!

— О, — осторожно ответил Таллис, пока не понимая, как лучше отозваться на это

известие.

— Я думала, что со мной что-то не то, — призналась Энеата. — Я была так уверена, что у меня есть сестра, я видела её во снах, слишком настоящих, я чувствовала, когда ей больно... Я ощущала её так чётко. Я думала, что схожу с ума! Но она действительно есть, и дедушка описывает её именно такой, какой она виделась мне... Значит, я всё-таки не сумасшедшая...

Таллис ответил протяжным «э-ээ», не найдясь, что ответить.

— Не знаю, что делать. Дедушка Хурсан пишет, что она ищет меня и захочет убить, — Энеата вздохнула. — Пишет, что я справлюсь с ней. Не хочу я с ней справляться! Я хочу домой, спать...

— Что вообще за бред? Зачем сестре тебя убивать? — не понял Таллис.

— Ты понимаешь арадский язык?

— Конечно! Я же сам наполовину арадец, — обиделся Таллис.

— Тогда на, прочти, — протянула ему письмо Энеата.

Юный лекарь пробежался взглядом по пергаменту и, вытаращившись, испуганно произнёс:

— Эне!.. Это же очень серьёзно!

— Ну да, — пожалала плечами Энеата. — Только я всё равно не знаю, что могу с этим сделать. Буду ждать.

— Нет, надо что-то решать. Тут же ясно написано, что она становится всё сильнее, а ты — нет. Эне! Идём со мной, живо!

— Куда?!

— К байру.

— Но он обещал убить меня! Я тут буду сидеть.

— Нет, я тебя одну не оставлю. Ты не понимаешь, что тебе грозит опасность? Идём, не спорь!

— Зачем?!

— Тебя надо охранять! Нельзя тебя сейчас бросать!

— Но байру...

— В Идшаре уже были беды из-за одного воплощения Ахарта, так что байру всё поймёт. Да не упирайся же!..

Он сжал её ладонь и потянул прочь со двора судьи.

Разум угас слишком быстро. Когда Нунна пришёл в себя, вокруг уже была тишина. Разбитое тело отчаянно ныло, каждое движение отзывалось еле терпимой болью; юноша с трудом разлепил веки. Левый глаз заплыл и совершенно не хотел открываться, запястье, неестественно выгнутое и опухшее, не слушалось. В крови было испачкано всё: волосы, лицо, одежда юноши, каменный пол дворца... И всё-таки чувство дикой радости, вдруг посетившее Нунну, скрашивало невыносимость ощущений и притупляло боль — он был жив, в этом не было ни малейших сомнений, жив, хотя успел сто раз попрощаться с миром.

Жив!.. Эта мысль заставляла дышать, несмотря на колкую тяжесть в груди, бороться с усталостью, пытаться хотя бы сесть. Кое-как опираясь на руку, не столь сильно пострадавшую, он смог приподнять туловище и опереться плечом на стену, оглядывая

комнату.

Ни души. Его бросили, более не считая достойным внимания, самостоятельно выкарабкиваться к жизни; но Нунна был даже рад, что никого здесь не видит. Отчаянно хотелось просто пожалеть себя, застонать, облегчая мучения — удовольствия, ставшие бы недоступными при чьём-либо присутствии. Но долго сокрушаться и предаваться страданиям было бессмысленно, и Нунна попытался отправиться на поиски помощи.

Ему удалось, опираясь на стену и почти что проползая вдоль неё, пробраться к выходу и переступить порог. Открывшаяся взору долгая лестница, ведущая вниз, показалась непреодолимым препятствием. Нунна съехал на пол, потеряв надежду добраться до кого-нибудь, кто мог бы помочь.

— Потом! — донёсся строгий возглас откуда-то снизу. — Повелитель занят, Таллис, и велел не беспокоить.

— А господин Азмар? — вопрос, судя по высокому голосу, задавал совсем ещё юноша.

— Он в левом крыле, обедает.

— Проводи нас к нему!

— Это плохая мысль, Таллис, — раздался неуверенный и полный опасений голосок Энеаты, больше похожий на странно громкий шёпот. — Пойдём назад!.. Я его очень боюсь...

Энеата!.. Нунна хотел выкрикнуть её имя, но язык не слушался, как и пересохшее горло. Хриплый вздох, слетевший с губ вместо воззвания, не был бы слышен даже в двух шагах от юноши.

— Не бойся, Эне, — отвечал тот, кого юная асу называла Таллисом. — Идём-идём.

Затихающий стук шагов убил надежду на помощь. Нарастающий шум в ушах и громкое биение сердца, отдающееся где-то в висках, не давали услышать воцарившейся во дворце тишины. Нунна закрыл глаза, стараясь успокоить дыхание. Юноша не понимал, прошло ли мгновение или несколько часов, прежде чем молчание нарушил удивлённый голос:

— Ты здесь?.. Как добрался?..

Нунна распахнул карие глаза. Над ним склонился байру Асахир, с интересом разглядывавший юношу. Военачальник Идшара перевёл взгляд с Нунны на угол комнаты, где бросил поражённого соперника перед уходом.

— Хм. Приличное расстояние, — оценил Асахир. — Ты крепче, чем кажешься!.. Встал или дополз? М? Говорить можешь?

Нунна еле заметно качнул головой в сторону, не найдя в себе сил произнести ни звука.

— Смог встать? — задал точный вопрос Асахир.

Юноша кивнул и тут же зажмурился, прикусив язык, еле вытерпев боль от слишком резкого движения.

Ненадолго повисло молчание. А потом байру сказал:

— Ты искупил вину и вернул честь, придя сюда. Я сожалею, что считал тебя трусом. Хочешь встать в ряды вестников Эллашира?

Нунна воззрился на Асахира с удивлением и восторгом, не смея верить в услышанное. Поняв, что Асахир не собирается шутить, он снова кивнул, на этот раз не обращая внимания на боль.

— Что ж. Вставай, — Асахир протянул Нунне руку.

Тот не шевельнулся, недоверчиво и неприязненно глядя на байру, но почти сразу передумал, хватаясь здоровой рукой за запястье военачальника. Асахир потянул, помогая

Нунне встать и придерживая его.

В просторном и богато украшенном зале дворца собрался совет Энарана. Главы самых знатных и богатых семейств города-сада, старшие жрецы храма Ирутара и, конечно, военачальник победителей Асахир, появившийся позже всех в сопровождении своей стражи и нескольких сотников. Многие были удивлены, не увидев рядом с байру сотника Азмара, всегда следовавшего за военачальником тенью.

— Идшар не ждёт полной покорности от Энарана, — произнёс Асахир, едва пересекая порог зала и проходя внутри круга выстроившихся представителей совета. — Но я хочу быть уверен, что новый эсин не предаст дружбу с Идшаром так же легко, как прежний. Я оставляю жителям Энарана право выбрать себе правителя, но покину совет лишь после того, как избранник принесёт клятву верности Идшару.

— Должность эсина всегда передавалась в Энароне по наследству ближайшим родственникам предшествующего правителя, — отозвался кто-то из старейшин.

— Какая жалость, — мягко сказал Асахир, — но это невозможно.

— Стало быть, наш выбор всё же ограничен, вопреки вашим словам, байру? — поинтересовался один из жрецов.

— Нет, — не смутился Асахир. — Боюсь, у Луганга просто не осталось живых родственников мужского пола.

Повисло молчание, лишь нескоро неуверенно нарушенное кем-то из присутствующих:

— Что ж, предлагаю выбрать из достойных сановников. Они знакомы с делами Энарана и смогут продолжить решать уже назревшие вопросы.

— Нет, выбрать стоит из жрецов, — возразил другой. — Эсин представляет город перед Ирутаром, он его верховный жрец, а значит, и выбирать его стоит из жречества.

Асахир вздохнул, готовясь к долгому ожиданию.

Вернувшийся с совета Асахир не казался довольным — хоть ухмылка не сходила с его тонких губ, прищур зелёных глаз скорее можно было назвать усталым. Хмурое выражение лица байру смутило вышедшего навстречу сотника Азмара, и тот, непонимающе поглядев на повелителя, спросил:

— Ну, чего?

Асахир не ответил, проходя в комнату и подхватывая со столика кувшин и чашку. Наклонив сосуд и поняв, что тот пуст, байру издал звук, похожий не то на свист, не то шумный вздох.

— Я принесу, — вызвался Азмар, на несколько мгновений скрывшийся из виду.

Асахир ждал его, разглядывая сквозь распахнутое окно деревья во внутреннем дворе дворца. Азмар вернулся вскоре, принеся в руках два кувшина.

— Ты, похоже, не особо доволен, — осторожно начал Азмар. — Кого выбрали?

— Арнунну.

— Судью? Так это же хорошо. Его легко будет держать в узде — у него дети.

— Да... — протянул Асахир, усаживаясь и наливая себе вина. — Возмездие совершено, город покорён и будет служить воле моего повелителя...

— Радуйся.

— Кангар всё равно не вернётся.

— Мы сами скоро придём к нему, Хиру. Не о чем грустить.

— Угу... — отозвался Асахир. — Слушай, куда запропал Таллис? Я искал его перед советом, но не нашёл. Пришлось звать лекаря из Доррановой сотни.

— Он сидит в левом крыле и, кстати, жаждет с тобой поговорить. Он притащил сюда маленькую асу.

— Как, опять? Вы что все, сговорились?

— Тут такое дело... В общем, эта девчонка — не просто колдунья, хотя и такое бывает не слишком часто. Тут говорят, что она — воплощение Ахарта.

— Что-что? — не понял Асахир.

— Помнишь, учитель рассказывал, как убили ведьму под Идшаром, в селении храма Тааль?

— Я не очень вслушивался, — честно признался Асахир. — Все эти ваши колдовские штучки меня мало волновали.

— Да, жрецом тебе стать не суждено, — кивнул сотник. — Суть в том, что у той ведьмы было две дочери, и они унаследовали дар Ахарта, великого древнего артефакта. Одна, как считалось, погибла сама, случайно подпалив всё вокруг — она была совсем ребёнком и не могла управиться со столь могучей силой. Правда, теперь оказывается, что она жива...

— Покороче можно?

— Нет. Вторую искали и нашли, я был среди охранявших её учеников... Но ей помогли сбежать. Мы не справились с пришедшим за ней колдуном. Ашшара тогда был в храме, не видел... и не мог помочь. И вот теперь оказывается... Энеата. Энеата — та дочь ведьмы. И сестра её тоже жива, только нором у неё покруче, и затеи позлее. У маленькой асу есть письмо, где всё подробно написано... Это любопытно. Я принесу его тебе, подожди.

— И её саму приведи.

Юная асу вошла вслед за Азмаром, не поднимая низко опущенной головы и нервно теребя в руках свиток пергамента. Она уже не казалась такой измученной: обгорелая кожа зажила, сменившись лёгким загаром с пятнами веснушек; губы, по-прежнему искусанные, хотя бы не кровоточили, да и синяков уже не осталось. Гладко зачёсанные и убранные в тугую косу волосы казались намного светлее, чем при первой встрече — вместо чёрных с медным блеском они стали тёмно-рыжими, словно выцвели на солнце. За это насыщенное время Энеате некогда было покрасить волосы, и истинный цвет проявлялся всё ярче.

Вот только новая туника с короткими рукавами совсем не скрывала худобы, да и ярко-синяя ткань только подчёркивала бледность Энеаты.

— Письмо, — вместо приветствия произнёс Асахир, сидевший на скамье возле столика.

Энеата прошагала вперёд, по-прежнему не поднимая взгляда, и протянула пергамент военачальнику.

— Оно на арадском, господин байру, — произнесла она.

Асахир, хмыкнув, отозвался:

— Я не спрашивал об этом, маленькая асу.

— Простите.

При всей нарочитой вежливости это слово прозвучало насмешкой, но Асахир не обратил внимания. Развернув свиток, он молча углубился в чтение.

«Моя милая Эне!

Я прошу твоего прощения. Я много лет скрывал от тебя правду о твоём происхождении.

Прости. Я верил, что этим уберегу тебя от прошлого и будущего, подарю тебе обычную, счастливую и беззаботную человеческую жизнь. Я ошибался, и теперь тебе грозит опасность. Я не научил тебя ничему, надеясь, что это тебе не понадобится. Вина гложет меня за ошибку, но я смею надеяться на твоё понимание и прощение.

Я не знаю, успеем ли мы свидеться прежде, чем кто-то из нас встретится с Зарой, и пишу это письмо, чтобы постараться хоть как-то предупредить тебя. И рассказать всё, что должен был рассказать уже давным-давно.

У тебя есть сестра. Её зовут Зара, но она любит называть себя Ааркой, богиней луны. Вы — два воплощения Ахарта, Солнце и Луна, дарующий источник и поглощающая бездна. Помнишь, я рассказывал тебе об этом артефакте? Вспомни всё, что сможешь, проверь свитки и таблички с любыми упоминаниями Ахарта. Это может помочь.

Когда жрецы Эллашира убили вашу мать, вы с Зарой смогли бежать. Но, видимо, где-то разошлись. Её я нашёл в деревне недалеко от Идшара... и попытался убить. Мне жаль, что всё получилось так, но я должен был это сделать! Должен был и не смог. Она обманула меня, она жива. И она опасна, Эне.

Я знаю, ты милая и доверчивая девочка, но прошу тебя не быть наивной. Зара захочет убить тебя, потому что лишь так она получит всю силу Ахарта и станет его совершенным воплощением. Такой, как была ваша мать — сильной, опасной...

Тебя я нашёл возле храма Тааль. Ты была совсем ещё малышкой. Я увидел тебя и понял, что ты должна жить. Я не позволил жрецам принести тебя в жертву, и забрал с собой. Ты стала мне совсем родной, моя маленькая девочка, моя доченька. Я надеялся, что всё зло позади.

Но потом Рамзаш рассказал мне о бедах их деревни; я, приехав, обнаружил Зару, живую, здоровую и полную коварных замыслов. Она сильна, Эне, и опасна. Ты не должна ей верить. Не должна её недооценивать. Знаю, ты никогда не хотела никому причинять вреда, но боюсь, что тебе придётся. Зара несёт зло, и с каждым разом она всё сильнее. Она зачаровывает всё живое, вытягивая силы — растения, животных, людей. Чем слабее окружающие, тем сильнее она. Ты же — бесконечный источник. Чем больше сил ты черпаешь, тем больше получаешь. Пользуйся этим. Не давай ей зачаровать себя, вспомни всё, чему я тебя учил!

Помни главное, Эне: сила Ахарта — проклятие, а не дар. Оно разрушает. Оно покоряет обладателя своей воле.

Если ты когда-нибудь сможешь найти сам Ахарт — уничтожь его! Это очистит всех, кто к нему прикоснулся.

Ты должна сражаться, должна остановить её. Но береги себя, прошу, береги себя ради меня. Ты — единственное, что я оставлю после себя в этом мире. Не покидай людных мест, и пусть Нунна не оставляет тебя. Я взял с него обещание о тебе позаботиться.

Зара становится сильнее со временем. Ты — нет. Чем раньше она найдёт тебя, тем лучше для тебя.

Не сражайся ночью. Рассвет на твоей стороне.

Береги себя, прошу! Ради меня.

Храни тебя Великий Свет.

С любовью и горьким чувством вины,

Вечно твой Хурсан»

Дочитав, Асахир не спешил отводить взгляда от пергамента или что-то говорить. Он продолжал задумчиво смотреть на начертанные буквы, о чём-то задумавшись. Наконец Азмар, не выдержав, спросил:

— Ну?..

— А ты сам что думаешь? — поинтересовался Асахир, глядя на сотника исподлобья.

— Силу Ахарта получает тот, кто убил предыдущего её обладателя... Насколько я знаю. Так, асу?..

Голос Азмара напрасно звучал непринуждённо и довольно дружелюбно — Энеата сразу поняла, что он хочет сказать. Но, похоже, от неё ждали ответа, и она тихо произнесла, ещё ниже опуская голову и осознавая, к чему ведёт сотник:

— Да...

— Собственно, вы знаете, о чём я думаю, повелитель.

— Знаю, — кивнул Асахир. — Но и ты знаешь, о чем думаю я, Азмар.

Недолгое молчание почти сразу прервал робкий вопрос Энеаты:

— А... а что вы думаете?..

Ей никто не ответил, но она решилась спросить ещё:

— Господин байру, могу я узнать... что с Нунной? С сыном господина верховного судьи... Он рвался сюда, и...

— Сын верховного судьи стал немного повыше саном, — сообщил Асахир. — Он теперь сын эсина.

Энеата приподняла голову и глянула на байру снизу-вверх, сверкнув небесно-голубыми глазами:

— Но он жив, правда?..

— Да, — Асахир пожал плечами, почему-то отводя взгляд в сторону.

— О!.. — сорвалось с губ Энеаты радостное восклицание.

Беседа троих была прервана появлением ещё одного человека — один из идшарских воинов вошёл и, поклонившись, сообщил, что новый эсин Энарана просит возможности поговорить с байру.

— Пусть подождёт, — ответил Асахир. — Я скоро приду.

Воин вышел, и Асахир, вновь обернувшись к девушке, спросил:

— Сюда-то ты зачем пришла?

— Таллис привёл, — смутилась Эне.

— Зачем?

— Он сказал, что непременно нужно, чтобы вы знали о письме. Я говорила ему, что это плохая затея, но не убедила...

— Любопытно, на что он надеялся.

Энеата промолчала. Асахир же, повернувшись, пристально разглядывал её. Лечение, ванна и новая одежда придали юной девушке немного более приличный вид.

Она казалась слишком уж странной. Светлые глаза с рыжеватыми ресницами были крупными, почти огромными, но совершенно круглыми, так непохожими на миндалевидные глаза красавиц Дарфии, подобных львицам и пантерам. Эне же было проще представить маленьким котёнком, едва открывшим ещё незрячие синие глаза; она вся была какая-то нескладная, неловкая, незащитная, несмотря на оказавшийся в ней великий дар. Для дарфиек верхом совершенства всегда считался прямой нос с едва заметной горбинкой, с почти не выраженной переносицей; вздёрнутый кверху носик Эне казался слишком

вопиющим отклонением от общепринятых ожиданий, как и маленький, с пухлыми губами, рот. И даже сейчас, куда более загорелой, чем при первой встрече, Энеата всё равно была бледнее любой другой девушки. Да рассыпанные по всему лицу веснушки... И всё же Асахиру становилось не по себе, когда он смотрел на юную асу. Что-то было в этом небесном взгляде, что пробуждало смутные, неясные, но опасно горячие чувства.

— Азмар, — произнёс Асахир, и в его голосе звучали смущение и просьба, а не жёсткий приказ, как обычно. — Будь добр, сходи к Римуру, распорядись собирать отряд для Энарана.

Сотник пожал плечами, затем кивнул и вышел, напоследок бросив на Энеату недовольный взгляд. Девушка же, так до сих пор и не решаясь поднять головы, молчала и ждала.

Глава 17. Имена

— Ты видишь?

— Чувствую. Они близко.

Они смотрелись так нелепо в окружении занесённых песком камней и иссушенных солнцем и горячими ветрами останками деревьев — светловолосые и бледнокожие потомки жителей бесконечно далёких северных краёв, так и не сумевшие стать своими для знойной и неприветливой дарфийской земли.

— Ты принёс мне много горя, Энир, — тихо произнесла беловолосая колдунья. — Но я больше не держу зла. Прости и ты.

— Прости, — эхом отозвался мужчина.

— Зара, родная, — обняв дочь, обратилась к ней Нифь, — слушайся отца...

— Он мне не отец. Если ты уйдёшь, я тут же убью его, — холодно процедила девочка.

— Не время злиться, Зара! Энир не сможет задержать идшарцев. Я — смогу. Просто бегите. Я догоню вас в Лоте. Посмотри на меня, Зара! Пообещай, что будешь хорошей девочкой!

— Ладно уж, — отворачиваясь и пряча взгляд, ответила Зара. — Ты только... догони нас... обязательно...

— Обязательно.

Лучи рассветного солнца сползали с горных вершин на склоны. Где-то в сумраке раздался зов идшарского рога.

— Энир!.. Уводи их!..

Пыль поднялась от земли непроглядной стеной, скрывая Энира и девочек от взглядов преследователей.

Услышав бречание колотушки, вольноотпущенник Амар со всех ног рванулся к воротам. Он надеялся, что увидит Нунну, возвратившегося вместе с юной госпожой Энеатой. Отодвинув засов и толкнув створку, он остолбенело замер, обрадовавшись и испугавшись одновременно: на улице, опираясь на посох, стоял асу Хурсан, на вид постаревший лет на десять. Остриженная борода была теперь совершенно белой, исчезли и последние проблески чёрных волос на затылке, да глаза смотрели устало и тяжело, словно в них угас тот огонь, что прежде придавал старику бодрый и немного лукавый вид.

— Господин Хурсан!.. — воскликнул Амар.

— Амар! Где Эне? — тут же спросил Хурсан, страшась услышать ответ.

— Не знаю, господин, — виновато опустив взгляд, ответил слуга. — Идёмте в дом, вы

устали с дороги. Я приготовлю воду и обед...

— Как не знаешь?!

— Господин Нунна ушёл искать её. Она куда-то ушла. Сказала, что к больному... Но...

Хурсан прошагал во двор; Амар, закрыв за ним калитку, начал предельно кратко пересказывать события прошедших с отъезда Хурсана дней.

Когда вольноотпущенник дошёл до случившегося с Фазмирой, асу Хурсан тут же словно очнулся от своих мыслей, потребовав скорее отвести его к спящей девушке.

Она так и оставалась совершенно неподвижно лежать на постели в отведённой ей комнате; за недолгий срок своего сна Фазмира стала казаться истощённой и бледной, но всё же она тихо и ровно дышала, и Хурсан вздохнул с облегчением. Едва старик коснулся рукой лба девушки, та открыла глаза, сперва сонно щуря их, затем испуганно распахнув.

— Вы кто? — спешно спросила она.

— Госпожа Фазмира, это асу Хурсан, — вмешался вольноотпущенник, стоявший за спиной Хурсана. — Всё в порядке.

— О, господин Хурсан, — Фазмира, похоже, немного смутилась. — Я рада наконец познакомиться с вами. Отец столько о вас говорил. Хорошего, конечно.

— Здравствуй, Фазмира, — отозвался Хурсан. — Но давай сразу к делу. Что случилось?

— Эм... Чего только не случилось! С тех пор, как мы вышли из Энарана...

— Ты спишь уже много дней колдовским сном, — перебил Хурсан. — Кто-то чужой приходил в дом.

— А-а-а... — протянула Фазмира, потирая глаза и силясь припомнить. — Что-то смутно как-то всё в памяти...

— Амар, иди, нужна еда и вода, — отправил вольноотпущенника Хурсан.

Когда слуга скрылся в другой комнате, Мира села на кровати, потягиваясь, и произнесла:

— Девушка. Странная такая. Я сначала удивилась, ведь она была чем-то очень похожа на Эне. Наверное, из-за глаз — такие светлые, как вода. А потом она сказала, что её прислал Нунна, и... О! Господин Хурсан! Вы не знаете, где Нунна?!

— Нет, — покачал головой Хурсан. — Амар сказал, что твой брат приходил, застал тебя уже заколдованной и отправился искать Энеату. Где он сейчас, мы не знаем.

— Ох, — вздохнула Фазмира. — В общем, я пригласила её в дом. Предложила ей еды, она поужинала со мной, а потом спросила, может ли она посидеть и подождать возвращения Энеаты. Я сказала, что в записке Эне сказала, что ушла надолго, на несколько дней... Она попросила посмотреть письмо. Я отказала, а она стала требовать. Я сказала ей уйти, а потом... потом стало так страшно и жутко... как будто я тону в песке, таком холодном...

Мира поёжилась, а Хурсан подбадривающе улыбнулся ей.

— Ничего, — уверил он. — С тобой сейчас всё в порядке. А я найду и Эне, и твоего брата, и эту девушку.

...Хурсан спорил с упорно нежелавшим отпускать его Амаром, изредка косясь на сидевшую в углу и зевающую Фазмиру.

— Вы же даже не знаете, где искать её, господин! — не собирался сдаваться вольноотпущенник.

— Я легко найду её с помощью чар, — сердился Хурсан. — Я же чувствую её. Надо только хотя бы немного поближе подойти.

— А если вы встретитесь с этой колдуньей?

— Она не убила меня раз, не убьёт и второй, — пробурчал старик, всё-таки вытянув из рук Амара свою дорожную сумку.

— А меня она почему не убила? — вмешалась Фазмира. — Если она такая сильная и злая, то почему я только заснула?

— Зара не имеет собственной силы, кроме дара отнимать. Те, кто спят, питают её — не так сильно, но зато постоянно, — пояснил асу Хурсан. — Что ж, я пошёл. Пусть пребудет с вами благодать Великого Света.

— Да хранят вас все боги всех миров, — отозвалась Фазмира.

— Берегите здоровье, господин, — кратко и обиженно произнёс Амар. — Уж поди не мальчик.

Асу Хурсан тепло улыбнулся и вышел, зашагав к городским воротам.

Пожилой знахарь отправился искать Энеату иным путём, нежели Нунна. Он не стал идти вдоль берега Великой Реки, проходя от заставы до заставы; Хурсан выбрал срединную дорогу, ведущую через поля и деревеньки. Получался небольшой крюк, но зато такой поход обещал быть безопаснее и свободнее — как от заповоливших побережье идшарцев, так и от возможности встретить Зару, преследовавшую ту же цель.

Раннее утро добрее к путникам, чем знойный полдень, и Хурсан не слишком устал, добираясь до канала, разделявшего земли Энарана и Арка. Остановившись на отдых в тени разросшихся у воды пальм и кустов, он призвал на помощь чары, проговаривая имя Энеаты и надеясь на отзыв.

Но звучащее имя потерялось в пустоте. Вместо ответа Хурсан услышал тихий шелест ветра, почему-то повеявшего не с той стороны, и этот порыв принёс нежный голос:

— Зря ты её ищешь. Не найдёшь.

Старик Хурсан обречённо вздохнул, поднимаясь и оглядываясь в тщетной попытке увидеть Зару.

— Ты тоже не найдешь, — устало произнёс он.

— Нет, я уже нашла, — возразила Зара.

— Тебе всё равно не хватит сил. Сколько тебе понадобится, чтобы справиться с солнцем?

— Один Эадиву!..

Асу Хурсан замер, растерянно озираясь.

— Не может быть...

— Пёсик, смотри, он нам не верит, — рассмеялась Зара. — Покажись!..

Прямо перед Хурсаном вдруг возникли из ниоткуда очертания огромной собаки, призрачные, нечёткие, словно сплетённые из тумана. Пёс оскалил пасть, рыча, а затем бросился вперёд — так быстро, что Хурсан не успел ни сотворить защиты, ни отшатнуться от рывка.

Эне повернулась ко входу и уставилась на вошедшего байру Асахира. Тот только коротко взглянул в сторону юной асу, не удостоив её приветствия. Хотя военачальник, насколько Эне поняла, уходил только отдать несколько распоряжений и проверить, чем занимаются его воины, расположившиеся вне дворца, он всё равно был во всеоружии: боевое облачение с металлическими пластинами, меч и несколько ножей, сумка на плече, тяжёлое копьё за спиной. Разве что свой огромный щит Асахир оставлял здесь, в углу.

Прошагав через комнату, Асахир остановился возле щита и положил рядом с ним копьё

и сумку, наконец избавившись хоть от этой ноши. Вытащив стопку писем, он принялся читать их, не обращая на Эне ни малейшего внимания.

Поняв, что Асахир не торопится завязать беседу, Энеата начала разговор сама.

— Господин байру?..

— М? — отвлекся Асахир.

— Вам не тяжело всё время таскать с собой столько оружия, господин байру? — бесстрастный голос Энеаты умело скрыл насмешку, и Асахир ответил спокойно и кратко, вновь возвращаясь к чтению:

— Нет.

— Зачем везти меня в Идшар, если можно убить прямо здесь? — от того, как прозвучал этот вопрос, Энеате ужасно захотелось пожалеть себя и расплакаться, но она легко сдержала неуместный порыв.

Асахир вздохнул и отложил письма, недовольно воззрившись на Эне.

— Я разве не сказал, что не собираюсь тебя убивать?

— Нет.

— А. Забыл.

— Но почему? Почему нет?

— А надо?

— Ведь господин Азмар сказал, что сила... передастся убийце. Разве не выгодно... Ну...

Военачальник Идшара усмехнулся, глядя на смущённую Энеату. Немного помолчав, он показала рукой на своё копьё и произнёс:

— Посмотри. Это прекрасное оружие, но им надо уметь пользоваться. Если я отдам своё копьё пахарю, он не станет воином. Ты хоть и немного, насколько я понял, но всё же справляешься. Справится ли Азмар, я не знаю.

— Азмар?..

Асахир промолчал, глядя на Эне и не понимая суть её вопроса.

— Почему Азмар?

— Он любит всякое такое. Чародейское.

— А вы сами разве не хотели бы...

— Нет, — рассмеявшись, перебил её Асахир, не дав договорить. — Славу можно сыскать только в честном бою. Я верен мечу и копьё. Всегда считал колдовство делом слабаков и трусов. Не обижайся.

— Я не обижусь. Но получается, что вы оскорбили господина Азмара, господин байру. Раз он склоняется к чарам.

Энеата не отвечала, и Асахир возвратился к изучению писем. Бегло проглядев их, он отложил стопку на пол и произнёс:

— Я пойду ужинать. Ты со мной?

— Я бы хотела отправиться есть в дом господина Арнунны.

— Господин Арнунна сам скоро переедет сюда. И вообще у него теперь много дел. Не до тебя.

— Я хочу увидеться с Нунной. Можно?

— Зачем?

— Убедиться, что с ним всё в порядке!

— С ним не всё в порядке.

— Но вы сказали....

— Жить будет, ничего страшного. Он дома, ушёл с отцом.

— А где я буду жить?

— Азмар обещал распорядиться насчёт комнаты.

— А в Идшаре?

— В моём доме.

— У вас свой дом?

Асахир посмотрел на неё, как на круглую дуру.

— Конечно, — протянул он.

— Мне просто всегда казалось, что Идшар — это такая огромная казарма, — смущённо отведя взгляд, сказала Энеата.

— Идшар — очень красивый город. В нём тоже цветут сады. Тебе там понравится.

— Мне надо хотя бы написать письмо дедушке Хурсану. Он будет волноваться обо мне...

— Хорошо, — кивнул Асахир. — Иди, найди кого-нибудь из слуг, пусть дадут тебе необходимое. Я отправлю в Арк своего гонца, он отнесёт послание. Это уверит твоего наставника в твоей безопасности?

— Наверное. Спасибо, господин байру, — Энеата улыбнулась, поднимая взгляд и встречаясь со взглядом Асахира.

Тот улыбнулся в ответ, и это была именно улыбка, а не привычная холодная усмешка.

— Послушай, маленькая асу, — мягко произнёс он. — Меня зовут Асахир. Вовсе нет нужды каждый раз говорить это «господин байру».

— А меня зовут Энеатой, — отозвалась девушка.

— Я помню.

— Но зовёте «асу». Да ещё и маленькой. Это звучит немного обидно.

Асахир развёл руками и произнёс:

— Хорошо. Энеата.

— Асахир.

Это прозвучало странно и нелепо. Энеата смутилась, отводя взгляд и чувствуя, что у неё краснеют щеки.

— Иди. Ищи слуг, — голос Асахира снова похолодел. — Как напишешь, приноси.

Энеата кивнула и вышла.

Нунна нервно постукивал пальцами по скамье, ожидая хоть чьего-нибудь возвращения. Отец ушёл во дворец, готовясь к своей новой судьбе, высокой и почётной, но слишком ответственной и тревожной; мать оставалась с Нунной, пока не убедилась, что следы побоев не опасны, а теперь отправилась следить за слугами и рабами, занятым многочисленными новыми поручениями; раненый брат спал, и будить его Нунна не собирался. Тоскливо глядя в окно, выходящее на улицу, сын нового эсина надеялся оценить происходящее в городе.

Нунну тревожила судьба Энеаты. Как следствие, он беспокоился и о оставшейся в Арке Фазмире — если Энеату больше не собирались отпускать домой, то пробудить сестру от колдовского сна было некому...

Жутко раздражало ощущение беспомощности от сломанной руки; перевязь, что сделал во дворце идшарский лекарь, заставляла Нунну чувствовать себя бесполезным калекой. Хоть идшарец и сказал, что кости срастутся, очень быстро вернув Нунне возможность встать в

воинский строй, унылые раздумья не покидали юношу.

Хмурый молодой лекарь-идшарец, которому было поручено позаботиться о Нунне, сказал, что знаком с Эне. Он обещал попозже зайти и сообщить всё, что ему известно о девушке. Однако уже темнело, а лекарь так и не приходил.

Байру Асахир сказал, что идшарцы ещё пробудут в Энарane самое малое неделю. Знамёна воинственного Эллашира всё ещё висели на башне, которую Нунна видел из окна. Город понемногу приходил в себя; жители, далёкие от воинского искусства или власти, по-прежнему не решались покинуть огороженных дворов, но по улицам уже проходили энанские стражи, которым позволили вернуться к их службе сразу после того, как их командиры присягнули на верность Идшару.

Слуги Арнунны уже занялись переселением господ в новое жилище, хотя самого судью это не радовало — новый эсин Энарана был привязан к дому, в котором провёл много счастливых лет, и даже дворец не казался ему достойной заменой. Однако отказаться от исполнения воли города Арнунна не мог, ведомый долгом.

Нунна же, напротив, был счастлив предложению Асахира отправиться в Идшар, несмотря на уплаченную цену. Славный военачальник давно был кумиром юноши, и возможность служить в его войске казалась огромной честью даже после краткой вражды Энарана и Идшара. Впрочем, такие же странные всетерпимые узы связывали, похоже, и остальных воинов — сквозь окно Нунна наблюдал, как один из энанских стражей спокойно разговаривал с идшарцем, не ожидая угрозы и не желая расквитаться за поражение. Недавние враги словно забыли о вчерашнем дне — догорели последние горестные костры, ветер унёс дым и пепел, и люди были готовы жить дальше. Вера Дарфии обещала щедрое вознаграждение павшим в честном бою, и потому даже потерявшие родных не жаждали возмездия и новой битвы.

Хотя рабы уже перенесли многое из вещей и припасов во дворец, теперь принадлежащий Арнунне, семейство бывшего судьи оставалось в этом доме — слишком рано было тревожить ещё совсем слабого Харата. Шум и суета в доме и дворе несколько отвлекали Нунну от раздумий, а ближе к полуночи наконец появился идшарский лекарь, ничуть не смущаясь неприлично позднего времени.

— О! — обрадованно воскликнул Нунна, порываясь встать при виде вошедшего юнца, но тот резким жестом посоветовал ему оставаться на месте. — Как Энеата?

Кучерявый лекарь мотнул головой и отозвался:

— Мой повелитель велел передать, что любая попытка встречи с госпожой асу будет пресечена.

— Чего-чего?

— Чего, — недовольно передразнил лекарь. — Постарайся от Эне держаться подальше. Так понятнее?

— Тьма Хеды! — возмутился Нунна. — Какого? Она моя невеста!

Лекарь холодно и бездушно-церемонно произнёс заученные слова принятого обычаям объявления:

— Асу Энеата, дочь Хурсана из Арка, перед богами и людьми, отныне и впредь до совершения святого обряда свадьбы — невеста моего повелителя...

Азмар, как и всегда, скользнул в комнату тенью, бесшумно и тихо. Но Асахир его,

конечно, заметил, хотя и сидел спиной к двери, старательно вычерчивая на свежей глине узоры слов.

— Ты был там, где меня нашёл Ашшара, — вдруг начал военачальник, обращаясь к вошедшему другу. — Тебе известно, кто я по праву рождения. Я знаю, тебя держит клятва, ты не можешь рассказать, но... я помню её, Азмар, закрываю глаза и вижу этот взгляд. Детский, давний, но именно этот! Я не могу ошибаться. Прошу тебя, как друга, ответь хоть на один вопрос: Энеата не сестра мне?..

Азмар усмехнулся и ответил:

— Нет, вы не родственники.

Асахир наконец повернулся к сотнику. Тот подмигнул, улыбаясь хитро и лукаво.

— Что ты хотел сказать? — спросил Асахир.

— Новости принёс, — Азмар уселся под окном и взял с тарелки персик, тут же его надкусывая. — Во-первых, новый э...

— Прожуй, — недовольно перебил Асахир, но Азмар, отмахнувшись и продолжая увлеченно жевать, сообщил:

— Новый эсин просит помощи. Ему, мол, страшно мешают разбойники на одной из дорог, энанцы их полгода поймать не могли, и старый эсин совсем перестал о них беспокоиться, раз уж не ловятся... А Арнунна хочет возродить дорогу через горы.

— И много нужно?

— Я бы отправил десятку наших в поддержку — разбойников энанские стрелки будут лучше гонять, чем наши мечники. Им нужно только руководство опытных ребят.

Асахир кивнул.

— Давай. Из сотни Эвара возьми, они в этом поднаторели.

— Хорошо. Второе — к нам спешит Дивияра.

Асахир замер, резко обернулся к Азмару и уставился на него сердито и недовольно.

— На меня-то что глядишь? — развёл руками Азмар. — Я не знаю, что за мухи там её куснули. Никто её не звал.

— Посланник?

— Неа. Она сама уже у стен города. Эсин встречает её.

— Она знает, что я здесь?

— Ну и глупый же вопрос, Хиру!

Военачальник Идшара опустил голову, ероша чёрные волосы. Ответив на слова друга только тяжёлым вздохом, он с силой сжал в руке приготовленное письмо, и тонкая глина рассыпалась.

— Арсак не поймёт твоего нежелания убить Солнце Ахарта, — вкрадчиво произнёс Азмар. — А что касается Луны...

— Я отправил Римиара узнать всё возможное.

— А... А мне не сказал.

— Ну, извини. Я думал, ты и так всё узнаёшь быстрее, чем это случается...

Разговор прервало появление в дверях Энеаты, с какой-то нервной улыбкой на лице тербившей в тонких руках приготовленное письмо.

Глава 18. Беда в Иртассе

Для жителей деревни Иртассы этот год, определённо, не задался, как и для многих соседних селений. Сначала небывалое нашествие грызунов уничтожило почти все запасы

ячменя и полбы с прошлого урожая; потом налетела прожорливая саранча, загубив новые поля. Оставались только финиковые пальмы, и жители с жадным нетерпением следили за незрелыми плодами; почти всех коз пришлось забить из-за съеденной саранчой травы и отсутствия другой пищи. Торговля пряностями, всегда приносившая деревне больше всего дохода, спасла бы положение, но слишком опасными стали пути в окрестных землях — идущие обозы грабили с завидной частотой, а эсин Энарана не отвечал на многочисленные мольбы земледельцев, то и дело посылавших в город просителей. Зато не забывал направлять сюда сборщиков налогов.

А когда началась вражда с Идшаром, в войско города забрали всех и без того немногочисленных воителей, оберегавших деревню. Жители стали бояться ночи, надеясь лишь, что разбойники не узнают об оставшихся без защиты селениях.

Когда утром старосте деревни сообщили о найденном в окрестностях убитом страннике, он не удивился. Близость гор, где укрывались разбойники, давно уже делала эти места небезопасными. Скорее казалось странным то, что кто-то вообще пошёл в эту сторону. В сумке незадачливого путника сельчане нашли лекарскую табличку, подтверждавшую пройденное испытание и право носить титул асу, и так узнали, что убитый был врачом Хурсаном из Арка; но староста запретил кому-либо покидать пределы Ирасских полей, чтобы отнести весть семье покойного в Арк. Лишний раз рисковать своими людьми староста не желал.

Отправленный недавно в город очередной проситель, скорее всего, не принесёт ответа — если ему и удастся добраться живым до Энарана, эсин снова не обратит внимания на беды отдалённых деревень... Староста хотел отправить гонца и в расположенный подальше в горах храм Астарны и его окрестные селения, но путь туда лежал по слишком пугающим местам, и никто из жителей не согласился пойти. Будь в деревне воины... Но для земледельца встреча с разбойниками не оставляла никаких возможностей для спасения.

Однако вечер сего дня принёс неожиданно хорошие вести: посланный в Энаран человек возвратился, и возвратился не один. С ним пришли уцелевшие после битвы воины, жившие в Ирассе, отряд городских энаранских стражей-лучников и, что удивляло деревенских жителей больше всего, два десятка идшарских воинов.

Новости, рассказанные нежданно гостями, одновременно радовали и смущали сельчан. Новый избранный эсин, похоже, больше внимания уделял просьбам жителей. Однако то, что он принёс клятву верности Идшару, напрягало, как и известие о увеличившемся размере дани. Появившийся в сердцах людей страх при виде чужих воителей несколько ослаб, когда стало ясно, что идшарцы не собираются вести себя, как завоеватели. Служители Эллашира ничуть не смутились и не рассердились, когда староста сообщил о бедах деревни и невозможности приветствовать их пиром или даже просто достойной пищей. Воины Идшара не потребовали себе и жилья, молча расставив на площади посреди деревни свои шатры.

Вопреки всем опасениям, оставшийся вечер прошёл почти в тишине. Предводитель идшарского отряда расспросил старосту деревни обо всём, что было известно о разбойниках; получив ответы на вопросы, он удалился к своим товарищам, и до утра никто, похоже, не собирался беспокоить жителей, хотя те всё равно предпочли отсиживаться в запертых домах.

Утром воины ушли в сторону гор. Но один из них, одетый и вооружённый куда легче своих соратников, задержался и расспрашивал высунувшихся из домов земледельцев совсем о другом.

Староста с изумлением услышал, что странный идшарец ищет не разбойников, не друзей и не врагов — по словам оставшегося воина, он искал ни много ни мало богиню. Ещё в большее изумление повергло то, что один из жителей вдруг сообщил, что видел её, когда вышел на охоту ранним утром.

— Что ж ты никому не сказал? — возмутился староста.

Земледелец развёл руками:

— А кто бы поверил? Дураком бы ещё прозвали, да и вся вера.

Но идшарец, похоже, сомневаться и не думал, с предельно серьёзным выражением лица попросив селянина подробно описать увиденное.

— Было ещё довольно темно, только-только рассветало. Увидел её вдалеке, только очертания. Вся белая. Белые волосы, белое платье, и кожа такая светлая, будто светящаяся. Она танцевала, и вокруг неё бегала и прыгала большая собака. Очень большая собака. Потом поднялся туман и скрыл их обоих. Ну, а я подумал, подумал, да и пошёл домой — к Хеде охоту, когда такое. В общем, за каналом это было, недалеко от того места, где потом нашли старика, — сказал житель, а идшарец перебил:

— Какого старика?

— Заблудшего лекаря из Арка. Не знаем, как он тут оказался... разбойники, видать, убили. Раны вроде как от ножей. Хотя на звериные похожи, но что за зверь бы укусил разок и убежал... Мы не отправили известие в Арк, хоть это и не хорошо... Но дороги опасны.

— При нём была лекарская табличка?

— Да. Асу Хурсан из Арка, — сообщил староста.

Идшарцу это имя явно о чём-то говорило.

— Вы его ещё не сожгли? Я могу осмотреть тело?..

...Руины города в скалах казались странным видением, призраком, сошедшим с древних фресок; окутывавший стены туман посреди ясного дня вселял сомнения даже в сердца не ведавших страха идшарцев. Неестественная тишина, повисшая над равниной и крутыми склонами, превращала явь в сон; не слышалось ни голосов птиц, ни стрекотания насекомых, ни криков животных. Ветер утих, не касаясь таинственного тумана, не лезли в глаза назойливые мухи, не копошились под ногами жуки... Отряд воинов приближался к руинам, и тяжёлая духота всё явственнее сменялась чуждым холодом. Предводитель идшарцев пожалел, что жрец не пошёл вместе с ними.

Разведчики, несколько часов перед этим наблюдавшие за руинами, не увидели ни одного человека в окрестностях. Но над остывшим кострищем болтался котелок со сгоревшей кашей, видимо, брошенной без присмотра незадачливым поваром; чуть поодаль кто-то бросил стопку ячменных лепешек на каменный бортик колодца. Большую часть скрывали от взгляда строения и уступы скал; не дождавшись проявлений жизни, идшарский командир велел выступить и осмотреть всё вблизи.

В руинах действительно не было ни единого живого человека — но именно, что только живого.

Кто-то уже добрался до разбойников, расселившихся в старом городище. Внутри полуразрушенных домов, посреди улиц, в тени новых навесов — только в первые несколько мгновений в городе командир отметил полтора десятка до жути растерзанных тел. Разбойники, казалось, не справились с каким-то диким зверем, уничтожившим всё живое на своём пути, включая скот — у дальних домов лежали трупы загрызенных волов и коз, а, судя

по покрывшим улицу перьям, до появления бешеной твари здесь водились и куры.

— Постарайтесь найти кого-то живого! — приказал идшарец, обращаясь и к своим согражданам, и к энаранским стрелкам. — Мы должны узнать, что случилось!..

Услышав стук дворовой калитки, Фазмира отбросила в сторону свою вышивку и сорвалась с места. Открыв дверь дома, она растерянно замерла — во двор вошли трое незнакомцев в идшарском облачении. Один из них говорил с отворившим калитку управляющим Амаром, двое других молча стояли рядом.

Увидев высунувшуюся из дома Фазмиру, Амар резким жестом попытался указать ей вернуться; но успевший обратить на неё внимание идшарский воин повернулся к ней и громко спросил:

— Госпожа Фазмира, дочь Арнунны из Энарана?

Фазмира несколько мгновений промолчала, судорожно покусывая губы и обдумывая ответ. Она уже открыла было рот, чтобы назваться служанкой, как учила её Энеата, но воин продолжил, доставая из поясной сумки и протягивая вперёд глиняную табличку:

— Я принёс письмо от господина Арнунны.

Амар и Мира переглянулись, и Мира, несмотря на мотающего головой вольноотпущенника, зашагала вперёд, сказав:

— Да, я Фазмира. Дайте.

Посланник согнулся в почтительном поклоне, отдавая девушке письмо. Наблюдая, как Фазмира читает, идшарец сказал:

— Волею городского совета и с позволения моего повелителя Арнунна избран новым эсином Энарана. Госпожа Фазмира должна возвратиться в свой город.

Мира, дочитав, задумалась, переводя взгляд с письма на посланника и обратно. Глина была отмечена печатью их рода, да и краткие фразы без единого лишнего слова явно были составлены Арнунной — он всегда писал письма именно так, чётко и сухо. Сообщив, что оба брата Фазмиры живы и сейчас дома, а его самого избрали эсином, Арнунна велел Мире возвращаться с посланником в город. Но Фазмиру слишком смущало то, что за ней прислали не слуг Арнунны и не энаранских стражей, а идшарцев, совсем не похожих на подходящих сопровождающих. Тот, что говорил с ними, похоже, был гонцом, но два других — точно воины, увешанные оружием и украшенные шрамами.

— Почему господин Арнунна не прислал своих людей встретить дочь? — спросил Амар, обращаясь не то к странному гостю, не то к Фазмире, не то к самому себе.

— Пути в город ещё закрыты, — спокойно ответил идшарский посланник. — Жители Энарана не могут покинуть его.

— Тогда и госпоже Фазмире лучше остаться здесь, пока всё не вернётся к прежнему, — побурчал вольноотпущенник.

— К прежнему ничто не возвращается, — справедливо заметил идшарец. — Мне сказали, что госпожа Фазмира нуждается в помощи госпожи Энеаты, которая сейчас в Энаране, и потому поторопили меня. Я рад, что госпожа Фазмира пришла в себя, но не вижу в этом причин для изменения задумок эсина Арнунны и моего повелителя.

— Энеата в Энаране? — обрадовалась Фазмира. — Она в порядке?

— В порядке?.. — не то повторил, не то переспросил гонец. — Госпожа Энеата обручилась с моим повелителем... Да, думаю, это можно назвать порядком.

Фазмира с размаху прижала ладони к щекам:

— Вот это да!.. — выдохнула она. — Амар, ты слышал? Эне... Нет, погодите, Эне помолвлена с моим братом!

— Мне об этом ничего не известно, госпожа. Но о помолвке госпожи Энеаты с байру Асахиром объявил один из его сотников, и сомнений в этом нет.

— А асу Хурсан не приходил в Энаран?

— Мне ничего об этом неизвестно. Позвольте вас поторопить — мы должны как можно скорее вернуться в Энаран, госпожа, постарайтесь собраться до полудня.

Фазмира кивнула. Посланник вместе с сопровождавшими его воинами удалился.

Путешествовать в одиночку — не лучшая затея даже вблизи берега Великой Реки, где по мощным дорогам постоянно ходят купеческие обозы, всюду деревни и заставы со стражниками, а дикие звери держатся поодаль, лишь изредка пытаюсь забрести на возделанные поля и зеленеющие пастбища. Здесь, в стороне от главных торговых путей, меж разбросанных далеко друг от друга селений, дорога часто попросту исчезала, растворяясь в земле и песке; редкие деревья и островки кустарников, сухие и измученные вдали от проходящих каналов, всё же могли быть укрытием и для опасных зверей, и для лихого люда. Но петлявший меж обломков скал странник шагал в гордом одиночестве, зная обо всех опасностях здешних краёв; он шёл торопливо, озираясь по сторонам и внимательно вглядываясь в тёмные пятна камней и кустов вдали, но назвать его испуганным было трудно. На немолодом смуглом лице, отмеченном тонким белым шрамом на щеке, читалась спокойная уверенность в избранном пути.

Странник был облачён в тунику с длинной кожаной жилеткой и широкие штаны, как идшарские воины, но из оружия виднелся лишь короткий кривой кинжал, покоившийся в расшитых ножнах. Цветные узоры на коже, покрывавшие ладони и плечи, могли бы легко выдать в нём старшего жреца Эллашира, но их скрывали длинные и широкие льняные рукава.

Сведения и новости, что вызнал жрец, посланный Асахиром на поиски некой ведьмы Зары, уже казались ему достаточно весомыми, но возвращаться к байру с этим уловом он не торопился — жрецу надлежало проверить одну из догадок, посетивших его.

Военачальник посылал жреца в Арк; однако он решил идти не вдоль берега, а через Иртассу, чтобы первую часть пути пройти с отрядом воинов. Как оказалось, судьба благоволила этому решению, и следы ведьмы, которую искал жрец, вели именно сюда.

Расспросив людей и осмотрев в деревне тело погибшего странника, жрец отправился следом за своим отрядом в скалы; догнав товарищей уже в руинах древнего селения, идшарец сравнил раны лекаря и разбойников. Староста деревни ошибался, назвав отметины раной от ножей; жрец ни на мгновение не усомнился, что все эти люди были убиты слишком большими клыками хищного зверя. Но что за зверь, даже если представить возможным существование столь крупного существа, мог оказаться настолько ловок и силен, что четыре десятка наводящих ужас на окрестности разбойников не могли противостоять ему? А больше всего смущали ожоги, оставшиеся на телах вокруг ран. Ведь не мог же зверь таскать с собой факел. Если только раскалённые пятна не оставляли сами зубы существа...

Как ни старался жрец найти следы на земле, он ничего не видел. А вот один из воинов отряда смог заметить странную вещь — два огромных тёмных пятна на траве, на расстоянии друг от друга, слишком большие для кострища, слишком ровные для пожара. Подойдя ближе,

жрец понял, что издалека выглядевшие как погорелые пятна оказались сгнившими. Гнилая трава и ещё иссохшая земля под нею напомнили жрецу древние предания, которые он слушал от учителя вполуха.

Пламя. Гниль. Гибельные клыки.

Эадиву.

Жрец, приказав воинам как можно скорее передать известия байру, отправился в сторону святилища Астарны, чтобы убедиться: Эадиву в подземельях храма нет.

Глава 19. Пантера и котёнок

Огонь в ночи, охвативший крытые повозки, поджёг сухую траву и подобрался к стоящей чуть в стороне телеге. Темноволосый мальчишка, что выглядел куда старше своих двенадцати лет, подбежал к остаткам ограбленного каравана, надеясь найти здесь немного еды, пока не всё сторело. Однако от сосредоточенного копания в содержимом телеги его отвлекли краткий всхлип и шебуршание, раздавшиеся откуда-то снизу.

— Э, ты кто? — спросил мальчик-подросток, наклоняясь и заглядывая под повозку.

Маленькая девочка, едва ли лет четырёх, забилась в дальний угол, прижимаясь хрупкой спинкой к колесу.

— Вылезай! — предложил мальчик.

Она вытаращила на него голубые глаза, отчаянно хлопая светлыми ресницами, и молчала, не издавая ни звука.

— Вылезай, говорю!

Она замотала головкой, тряся распустившимися рыжими волосами и ещё сильнее пятясь назад, словно надеясь просочиться сквозь колесо. Мальчик, распрямившись и ещё раз оглядев окрестности, вновь наклонился и сказал:

— Вот сейчас уйду, и останешься тут одна!

Не дождавшись ответа, он толкнул повозку, опрокидывая её назад, словно она была сделана из тростника или соломы. Шагнув вперёд и, подхватив девочку под руки, поднял, оттащил на безопасное расстояние и поставил на ноги.

— Я — Дарий, сын Аталины, — решил представиться он. — А ты кто? Зовут тебя как?

Девочка пожала плечами.

— Что ещё за глупости? Имя своё не знаешь?

Тоскливый взгляд крохи заставил мальчика не настаивать на ответе.

— Ну ладно. Тогда я буду звать тебя... Ну, например, Атаис. Хорошо?

Она кивнула.

— Есть хочешь? У меня немного есть тут... Вот, держи, — он достал из мешочка и протянул ей сухарь. — Жуй.

Девочка, посомневавшись, всё-таки резко протянула ручки и схватила еду, спешно прижимая ко рту и отгрызая кусочек, словно боясь, что подросток передумает.

Дивияра, верховная жрица Астарны, вышагивала по раскалённой земле, мысленно проклиная свою подругу. Упряжные животные, как и обещала колдунья, забыли об усталости, в нахлынувшем ужасе безудержно устремившись вперёд; это кончилось даже хуже, чем Диви ожидала. Одна из повозок опрокинулась, когда не чуявший ног бык споткнулся и упал; к счастью, сидевшие на ней жрицы отделались синяками и ссадинами, но

бедное животное уже не встало, как и ещё трое быков, не сумевших вовремя почувствовать смертельную усталость и остановиться.

В ближайшей деревне жрицам, конечно, помогли, но новых быков не дали. В Энаран посланникам Астарны предстояло войти пешком, как нищенкам, и Дивияру это совсем не радовало. Отдохнув с дороги и вызнав у жителей местные новости, Диви велела своим спутникам и слугам продолжать путь.

Усталость и недовольство портили её прекрасное лицо, и без того утомлённое жаркой дорогой, да и пыль оседала на шёлковых одеждах, превращая воплощение богини в обычную измученную странницу.

Когда Энаран раскинулся перед взглядом Дивияры, она велела остановиться. Вперёд отправили трёх стражниц, приказав им принести идшарцам весть о прибытии верховной жрицы. Растянув навес и устроившись в ожидании, жрицы и слуги отдыхали, а Дивияра размышляла о грядущей встрече с военачальником.

Когда-то жрица могла бы поручиться головой, что грозный байру послушно исполнит любую её просьбу и всякое пожелание. Но сейчас... Диви расчёсывала волосы смазанной маслом расчёской, пытаясь вернуть им блеск, и задумчиво перебирала все возможные слова для разговора с Асахиром. В деревне ей не сказали ничего о девушке с голубыми глазами; похоже, слухи о ней ещё не расползлись, а значит, вряд ли она возымела какую-то власть или сделала что-то, что можно было бы ожидать от Солнца Ахарта.

Дивияра вздохнула. Задание Зары ей совсем не нравилось, да и отношения со старой подругой последнее время больше напрягали, чем веселили. Если раньше Диви было лестно столь близко общаться с той, кого другие считают богиней, то теперь возрастающее стремление Зары к ещё большей силе стало казаться опасным. Особенно её затея с Эадиву — Дивияра не сомневалась, что чудовище покорится воле колдуньи, но не верила, что кто-либо сможет управлять самой Зарой. А Луна Ахарта была слишком уж вспыльчива для обладательницы столь разрушительного дара.

Размышления прервало появление вдалеке стражей, высланных встречать посланниц Астарны. Прищурившись, Дивияра с удивлением поняла, что к ним приближаются воины в цветах Энарана, а не Идшара. Однако, когда стражники подошли ближе, ничто в облике Дивияры не выдавало её изумления или смущения.

— Эсин Энарана приветствует слуг Астарны и её земную наместницу, — поклонившись, сказал первый из стражей. — Да хранит вас благодать богини и милость всех богов.

— Астарна улыбается цветущему городу, — отозвалась Дивияра, не в силах сдержать довольной улыбки при виде восторга в глазах встречающих воинов. — Мы отправились в Энаран волею богини и ждём прославленного гостеприимства.

— Эсин ждёт вас, госпожа.

Дивияра и её спутницы проследовали за стражами, ведущими к городу, хмуро размышляя и пытаясь понять, отчего захваченный идшарцами город приветствует её от лица побеждённого эсина. Бегло оглядев виднеющиеся башни, она отметила взглядом идшарские знамёна, всё ещё украшавшие их; ещё сильнее нахмурившись, Диви шагала, надеясь вскоре во всём разобраться.

— Великая госпожа Дивияра, верховная жрица Астарны, ныне прибывшая в Энаран,

желает видеть вас, байру, — с поклоном сообщил слуга эсина, входя в комнату.

— Передай ей, что... — грубо начал было Асахир, но вовремя подошедший Азмар остановил его, сказав:

— Не горячитесь, повелитель. Астарне не понравится, если её жрицу не будут уважать.

— ...Что я скоро приду, — очень резко сменил тон Асахир.

— Госпожа жрица ждёт вас в храме Ирутара, — слуга ещё раз поклонился и вышел.

Асахир, обернувшись к другу, спросил:

— Ну и зачем ты встрял?

— Не лучше ли узнать, зачем Диви принесло сюда? — пожал плечами Азмар. — Пусть сперва скажет, вдруг что интересное.

— Не хочу её видеть.

— Да брось, брат! Надо узнать, чего она хочет. Неспроста она сюда пришла.

— Пойдёшь со мной.

— Разумеется.

— Эвар, Холл и Эрин — тоже. Сходи за ними. И...

— Хиру! — рассмеялся Азмар. — Четверых сопровождающих вполне достаточно.

— Я хочу, чтобы ты привёл Энеату.

— Ты хочешь их познакомить? Ха!

Асахир кивнул, усмехнувшись какой-то своей мысли.

Военачальник Идшара, облачённый в подобающую для важной встречи одежду из дорогих тканей, вышагивал впереди, четверо его сотников в не менее торжественных нарядах следовали за ним — вопреки обычаю, не сложив оружие у входа в храм. Энеата семенила последней, отчаянно старась догнать воинов и не понимая, зачем вообще она здесь нужна. Спешно прошагав сквозь главный зал храма, на удивление пустынный, они остановились у одной из арок, ведущей во внутренние комнаты святилища. Асахир обернулся и подождал, пока Энеата подойдёт и встанет рядом с Азмаром.

— Вы подружитесь, — обращаясь к явно нервничавшей девушке, холодно сказал Асахир.

Воин отодвинул штору, первой пропуская асу внутрь просторной полутёмной залы, освещенной огнём жертвенника и несколькими факелами. Едва взглянув на молодую жрицу, стоявшую у расписанной текстами заклинаний стены, Энеата поняла, что Асахир ошибся — нет, они не подружатся, даже если проведут вечность наедине друг с другом.

Дивияра была слишком хороша — нестерпимо, безумно, невозможно красива. От одного взгляда на жрицу у Энеаты перехватило дух. Изображённая на стене позади Дивияры повелительница страстей Астарна, казалось, должна бы исчезнуть от стыда и зависти — служительница стократ превосходила свою богиню. Всё в Дивияре было совершенно — ни единой неверной черты, ни лишней складки на облачении, ни пылинки на пышных волосах. Украшения и драгоценности казались её естественной частью, каждый жест был плавлен и грациозен, а взгляд чёрных глаз, казалось, завораживал. Энеату мучило любопытство, приказывавшее посмотреть на выражение лица Асахира, но она не могла отвести взора от прекрасной женщины.

— Хиру, — лёгкая улыбка коснулась пухлых алых губ.

Энеата чуть не подавилась собственным языком, услышав это. Девушке прежде не

приходило в голову, что военачальника Идшара кто-то додумается назвать коротким именем. А вот других присутствующих это, похоже, ни капли не смущало.

Красавица томно опустила взор, прикрыла глаза роскошным опахалом густых ресниц и плавным, царственным жестом протянула руки навстречу байру, не прося, но требуя объятий.

Асахир шагнул вперёд и склонил голову в почтительном приветствии, но не коснулся Дивияры, не обращая внимания на её порыв.

— Ты скучал? — и голос её звучал, словно музыка. Энеата могла поклясться, что не слышала и пения, подобного её словам; и даже мурлыканье храмовых кошек казалось менее нежным и таинственным.

Энеату, похоже, жрица замечать не собиралась. Решив, что ей здесь делать нечего, Энеата потихоньку попятилась к выходу. Однако ускользнуть не удалось — природная неуклюжесть обернулась помехой, и Эне случайно зацепила плечом Азмара, привлекая его внимание.

Сотник легонько придержал Эне за локоть, явно стараясь, чтобы этот жест остался незамеченным. Энеата недовольно посмотрела на него, и тут наконец удостоилась обращения Дивияры:

— Рада видеть и твоих сотников, — она слегка кивнула, а затем добавила, переводя взгляд на Энеату и щуя дивные глаза в презрительной усмешке: — И несколько удивлена, что на встречу с дочерьми Астарны идшарцы позволяют себе привести прислугу.

Только услышав надменные слова Дивияры, Энеата вспомнила, что даже не надела украшений и не уложила волосы в сколько-нибудь подобающую причёску. Многие переживания прошедших дней полностью вытеснили из головы асу заботы о внешности, и девушка с горечью признала, что и в самом деле подозрительно похожа на нищенку. По крайней мере, не приняли за рабыню...

— Придержи язык, Диви, — спокойно отозвался Асахир. — Ты разговариваешь с наречённой идшарского военачальника.

— Ах, — протянула жрица и щелкнула языком. — Прошу прощения, госпожа, за свою неучтивость.

— Ничего, — процедила Энеата.

— Как неловко вышло. Мне просто не могло прийти в голову, что подобный вид допустим для хоть сколько-то благородной девушки, даже если она пришла на рынок, а не на встречу с важными гостями. Ах! Мне так неудобно за эту ошибку. Не увидела в вас знатной особы.

— Не извиняйтесь, добрая госпожа, — повторила Энеата. — Я понимаю — сложно увидеть хоть что-то сквозь столь густой туман сурьмы.

Приветственная улыбка не сошла с лица Дивияры, но вспыхнувший яростный огонь в её взгляде Энеата не могла не заметить. И, как бы ни хотелось Энеате считать себя невозмутимой и доброй, этот проблеск неприязни порадовал её куда больше, чем девушка сама могла предположить.

— Зачем ты звала, Диви? — перебил Асахир.

— Ты торопишься?

— Я не люблю терять время.

— Терять время?.. — повторила Диви, переводя взгляд на Асахира. — Хм...

— Итак?

— Я гощу в этом городе третий день, а ты даже не зашёл поздороваться. Конечно, вежливость — это не твоё, но я надеялась, что ты не поленишься встретить старого друга. Пришедшего издалека ради встречи.

— Зачем тебя принесло в Энаран?

— Я надеялась на дружескую встречу, а не на торжественный приём, — Диви обиженно надула и без того пухлые губы. — До храма дошли вести о твоей беде. Я отправилась к тебе, едва услышала о гибели бедного Кангара.

Асахир нахмурился и опустил взгляд.

— Но ты, похоже, не нуждаешься ни в утешении, ни в сочувствии. Привёл сюда целую толпу... словно ожидал деловых переговоров.

— Я ожидал деловых переговоров, — в голосе Асахира начала скользить плохо сдерживаемая ярость. — В противном случае мне нечего здесь делать.

— Прощай, — спокойно ответила Дивияра. — Не смею задерживать.

Асахир поднял взор и замер, несколько мгновений подозрительно глядя на ничуть не смущавшуюся этого прищуря Дивияру. Не дождавшись других слов, военачальник резко развернулся и устремился к выходу. Сотники вышли следом, а Энеата, оказавшаяся последней, застыла на пороге, услышав зов жрицы:

— Подожди, девочка.

Юная асу обернулась, посмотрела на Диви ничего не выражавшим взглядом.

— Как твоё имя? — ласково и дружелюбно спросила Дивияра.

— Энеата.

— Ты, похоже, нездешняя.

— Я родом из Эрейи, госпожа.

Дальнейшему разговору не дал состояться Азмар, возвратившийся за Энеатой и уведший её под руку прочь из святилища.

...В первый день Энеате даже понравилось пребывание во дворце. Она проспала почти целые сутки, устроившись на мягкой постели в выделенной ей комнате, наконец наслаждаясь отдыхом и теплом жилища. Во второй день покой стал наскучивать, хотя присланная к Энеате служанка принесла несколько книг — перевязанных шёлковой лентой стопок рукописных табличек — из хранилища дворца; в день третий, возвратившись в комнату после похода с военачальником к жрице, юная целительница была вне себя от злости.

Она и сама не понимала, что именно вызвало в ней такой приступ ярости. Произнесённое оскорбление и презрение жрицы? Но Энеата часто выслушивала о себе не самые лестные слова, и давно свыклась с мыслью, что подобное отношение к ней естественно и никогда не изменится. Зависть к неземной красоте Дивияры? Но Энеата никогда не стремилась прельщать или очаровывать, и до чужой красоты ей прежде не было дела — напротив, она всегда с радостным восторгом любовалась красивыми людьми, и не думая огорчаться. Возвратившись во дворец в сопровождении Азмара — Асахир и трое других воинов ушли слишком быстро, не подождав, и девушка не смогла их догнать — Энеата отправила служанку за едой и устроилась на широкой скамье, поджав ноги и сжимая в руках книгу, сосредоточиться на чтении которой, впрочем, не смогла.

Вскоре служанка вернулась с едой. А сразу же за ней в комнату вошёл Азмар, резким

жестом повелевший служанке удалиться, что та незамедлительно и сделала.

— Господин Азмар, — склонившись над столом и подперев щеку рукой, недовольно произнесла Энеата. — Не рада вас видеть.

— Взаимно, госпожа асу, — насмешливо отозвался Азмар. — Но что делать — приказ есть приказ, а мне приказано прийти и убедиться, что ты на месте и в порядке.

— Вот я, — сообщила Энеата. — Дело сделано?

Азмар, не обращая внимания на странную дерзость девушки, прошагал и сел рядом, без всякого спроса стащив лепешку с тарелки перед Энеатой. Ответив лукавой ухмылкой на возмущённый взгляд Энеаты, Азмар сказал:

— Радуйся, юная асу, и благодари богов, что не родилась мужчиной. Был бы с тобой разговор короткий...

— Хвала богам, — не менее насмешливо, чем Азмар, произнесла Энеата, и тот рассмеялся.

— Ладно, — разломив лепёшку и вернув половину на тарелку, Азмар спросил: — Чтс ты знаешь об Ахарте?

Энеата пожала плечами, взяла в руки оставшуюся часть лепёшки и нехотя ответила:

— Ахарт — кинжал, в котором могущественный колдун древности заключил свою силу, чтобы она перестала передаваться по наследству. Он спрятал его, как думал, надёжно, но много лет спустя кто-то нашёл и натворил много всякой ерунды. Поэтому другие колдуны убили его и Ахарт снова перепрятали. Судя по письму дедушки, совсем недавно его снова нашли. Ну, и ещё знаю, что я — его Солнце, то есть, половина его силы. Вроде бы всё.

— Немного, немного, — ответил Азмар. — Послушай, что расскажу тебе я. Ахарт не потерялся со времени второго владельца. Его спрятали жрецы Эллашира, это наша реликвия, мы хранили его многие сотни лет в Идшаре. Двенадцать или... — он ненадолго призадумался, затем уверенно произнёс: — Двенадцать лет назад хранилище реликвии обокрали. Некая ведьма Нифь умудрилась вытащить Ахарт. То, что я расскажу тебе дальше, должно остаться только между нами.

— М... Хорошо.

— Мой учитель, старший жрец Ашшара, взял нас, своих учеников, и отправился в погоню. Как оказалось, следовали за Нифью не только мы — ещё один желающий заполучить силу Ахарта тоже мешался под ногами... Мы нашли её. Не сразу, но нашли. Не если сам кинжал Ахарта забрать было не сложно, то вот правило возвращения силы что-то не сработало. Ашшара убил её, но сила Ахарта к нему не перешла и не возвратилась в артефакт. Она перешла к её дочерям — колдунья успела позаботиться обо всём... Мы не знали, как разрушить чары, и потому самым простым, казалось, решением было убить и дочерей. Но тут всё оказалось сложнее...

Азмар откусил лепёшку и с задумчивым видом принялся её пережёвывать, а у Энеаты от его рассказа пропало всякое желание насытиться.

— Дальше? — потребовала она.

Азмар еле заметно усмехнулся. Несколько мгновений он не отвечал, решив всё-таки сначала доесть, а потом сообщил:

— Одна из них, старшая, не справилась с привалившим счастьем. Дар был слишком огромен, чтобы вот так сходу научиться им пользоваться, тем более — ребёнку. Там сгорело всё... Всё, на многие шаги кругом. Мы решили, что и она сама погибла. Оставалась вторая. У той нашёлся защитник, юный парнишка. Но слишком юный... Девчонку забрали — Ашшара

хотел попытаться вернуть силу Ахарта в сам Ахарт, и потому убить её надлежало только этим кинжалом... Вот только он непредусмотрительно задержался, оставив её с двумя младшими учениками... В общем, и тут не задалось. Девчонка сбежала.

Энеата промолчала, а Азмар, с нескрываемым любопытством оглядывая её, сказал:

— Ты-то, конечно, была ещё совсем маленькой, не помнишь.

Ответа не последовало. Азмар продолжал:

— В общем, Ахарт мы возвратили в хранилище, а толку в нём...

— Если убить кинжалом Ахарта, то сила возвратится в него? — медленно произнесла

Энеата.

Азмар кивнул.

— Так вот почему вы хотите везти меня в Идшар, а не убиваете здесь? Чтобы починить свою реликвию?..

Азмар хмыкнул и сказал:

— А я тебя сначала и не узнал. Уж больно мелкая была тогда. И ты была... намного светлее. Волосы сами так потемнели или ты их красила?

— Отвечайте на мой вопрос, пожалуйста.

— Не думаю, — Азмар пожал плечами. — Я бы хотел. В конце концов, это мой долг, как жреца. Я ведь сотником стал недавно... До того служил при храме старшим жрецом. Но это неважно. Асахир не позволит тебя убить.

— Почему вы так думаете?

— Потому что он прямо так и сказал, — усмехнулся сотник.

— Так значит, я дочь колдуньи, — ещё немного помолчав, произнесла Энеата.

— Скорее всего.

— Как её звали?

— Нифь.

— Нифь... — тихим эхом отозвалась Энеата. — Это так красиво.

— Оставленные в хранилище Ахарта тела стражников были не очень красивыми, — поджав губы, ответил Азмар. — Твоя мать не отличалась ни добротой, ни милосердием.

— Вы её убили, — Эне отвернулась, глядя в окно. — Жрецы Эллашира. И вы были там, господин Азмар.

— Мне жаль, девочка, — сотник нахмурился. — Но прежде она убила многих. Она шла к силе, а этот путь коварен и чреват бедой. Люди часто винят жрецов Эллашира в жестокости, но в несправедливости нас укорять не стоит.

— А я и сестра? Мы тоже кому-то успели навредить тогда? Мы были детьми.

— Сестра — да. Ты же... Вряд ли, конечно, но тебя и не убили. В преданиях сказано, что для возвращения силы кровь воплощения должна покрыть острие Ахарта. Про смерть ничего не сказано. Может быть, пары капель достаточно... Ашшара бы сперва попробовал так. Он вовсе не был жестоким. Его, как и всех нас, вёл долг, асу, только долг.

Азмар поднялся, несколько мгновений постоял, глядя на молчавшую Энеату. Девушка уткнула взгляд начавших краснеть глаз в пол. Не дождавшись слов, он развернулся, но остановился уже в арке, когда Энеата спросила:

— Почему дедушка Хурсан пишет, что сестра хочет меня убить?

— Потому что это, скорее всего, правда.

— Но... Зачем?

— Сила, Эне, манит и влечёт всех. Ты либо обладаешь силой, либо становишься её

жертвой. Твоя сестра предпочитает владеть. Это легко понять.

— Но ведь мы сёстры... Мы могли бы...

— Даже не пытайся! — резко приказал Азмар. — Если попытаешься с ней подружиться, умрёшь и подаришь нам слишком сильного врага.

— А с чего вообще все взяли, что она — враг? Разве она что-то такое сделала?

— У тебя есть причины не доверять твоему наставнику?

Энеата мотнула головой.

— Вот и верь.

— Можно ещё вопрос?

— Попробуй.

— Мне сообщат, когда что-нибудь станет известно? О моей сестре...

— Я сообщу всё, что тебе следует знать. Не меньше.

Подумав, он добавил:

— И не больше.

Сотник вышел. Едва его шаги стихли, Энеата вскочила из-за стола и бросилась к своим немногочисленным вещам. Выхватив из сумки возле постели письмо Хурсана, она жадно впиалась взглядом в начертанные клинья слов.

Глава 20. Тайна жрицы

К деревушке Зата-Ур они пришли поздним вечером, когда край солнца уже коснулся земли. Дарий, держа спящую кроху на руках, остановился, взглядом выбирая дом, к которому мог бы подойти за помощью. Жители уже покинули улицу, мучительный запах горячей еды разносился по всему селению, щекоча ноздри оголодавшему мальчишке; наконец один из жителей вышел, по всей видимости, чтобы запереть на ночь ворота окружавшей деревню стены. Дарий окликнул его, и тот, поначалу испуганно дернувшись, отозвался:

— Кто такие? Чего надо?

— Приютите на ночь, господин, — даже не самому чуткому человеку было ясно по этому дрожащему голосу, что гордому мальчишке с огромным трудом давались попытки смиренной просьбы. — Я нашёл эту девочку у горящего обоза недалеко отсюда. Похоже, на её семью напали разбойники.

Атаис зашевелилась и открыла осовелые глаза, проснувшись от слишком громкого голоса Дария. Подняв глаза на державшего её мальчика и увидев, что тот смотрит в другую сторону, она повернулась, следуя за его взглядом, и уставилась на незнакомого жителя круглыми светлыми глазами.

Тот несколько мгновений молчал, разглядывая незваных пришельцев. Наконец смутные опасения уступили жалости, и он, задвигая засов на воротах, махнул рукой в сторону одного из домов:

— Я живу вон там. Пойдёмте.

— Заберите девочку. Я пойду дальше.

— Ночью? Брось, парень, я же вижу, что ты на ногах еле стоишь.

Дарий отвёл взгляд и коротко кивнул, стыдливо краснея.

Учебные поединки очередной раз вывели Асахира из себя. Хоть прошедшее время и притупило боль в плече, забываться рана не спешила. Отчаянно нывшая от каждого

движения рука, хоть и не мешала воителю управляться с оружием с прежней ловкостью, настроение портила изрядно.

В комнату, в которой он ночевал в этом раз, военачальник Идшара возвратился в самом скверном духе, и так резко потребовал от слуг приготовить воды, что те умчались бегом. Устало опустившись на пол, он растянулся на каменном полу, закрыв глаза. Скользнувшая над опущенными веками тень заставила его резко распахнуть их, резким движением рванувшись к рукояти клинка.

— Тихо, — отшатнувшись, обиделся Азмар, склонившийся над другом. — Это я. Гонец из Иртассы примчался. Зову?

Асахир кивнул и сел. Молодой воин шагнул в комнату сквозь узорчатую арку и, низко склонившись, сообщил:

— Повелитель, разбойники убиты. Их лагерь пуст.

— Славно, — одобрительно отозвался байру, но посланник, закусив губу и нахмурившись, ответил:

— Это не наша заслуга, повелитель. Они уже были мертвы, когда мы их нашли. Жрец Римиар просил передать вам, — гонец подошёл и протянул Асахиму глиняное письмо и деревянную лекарскую табличку. — Он отправился искать дальше. Отряд возвращается в Энаран, меня отправили вперёд.

Асахир помолчал, читая сообщение.

— Понятно, — наконец сказал он и посмотрел на ожидавшего приказов гонца. — Иди, отдыхай.

Тот снова поклонился и вышел, а Азмар приблизился и протянул руку, намереваясь тоже ознакомиться с посланием. Асахир не возражал, отдав письмо сотнику.

— Эадиву?! — ошеломлённо пробормотал Азмар, пробежавшись взглядом по строчкам и возвращая письмо байру. — А... Разве он не заперт бесплотным духом в подземельях Астарны?..

— Отправляйся за Дивиярой, — прорычал в ответ Асахир. — Приведи её побыстрее.

Азмар задержался, решив уточнить:

— А если...

— Да хоть за косу тащи, но чтобы она была здесь! — рявкнул военачальник, перебивая.

Азмара словно сдуло ветром. Асахир, оставшись в одиночестве, снова проглядел отчёт Римиара. Жрец писал обо всех своих открытиях и домыслах; закончив доклад о убитых разбойниках и погибшем асу Хурсане, явно павших от одного и того же создания, Римиар обещал проверить подземелья святилища Астарны, после чего собирался отправиться всё-таки в Арк.

Байру Асахир задумался о новых вестях. Он никогда не интересовался сказками или волшебными преданиями, но не слышать в Идшаре историй о битвах героев с чудовищами было невозможно. То, что люди говорили об Эадиву, невольно заставляло бы усомниться в правдивости рассказа, но Асахир своими глазами видел призрак пса, запертый чародейскими оковами в подземелье храма. Последняя из древних тварей, когда-то населявших мир, искоренённых могучими воителями и колдунами прежних времён, как совершенное зло... Лишь Эадиву, мрачную тень далёких столетий, не удалось уничтожить ни чарами, ни клинком. Зачарованный сосудом Ахарта, чёрный пёс лишился плоти и крови, а с ними — и возможности быть убитым.

Но если кто-то освободил призрак Эадиву и возвратил его к жизни, то уж верховная

жрица Астарны, вместе с должностью принимавшая и ключи от его темницы, должна об этом знать.

Азмар привёл Дивияру так скоро, как смог — похоже, верховная жрица не торопилась отозваться на приглашение, и её появления Асахир успел заждать. Диви вошла в комнату в сопровождении не только Азмара, но и четырёх своих стражниц — как всегда, невыразимо изящная, в платье из ярко-алого шёлка, не скрывавшего, но лишь чётче обрисовывавшего совершенные изгибы тела.

— Деловая встреча, Хиру? — прошелестела она, входя в комнату и останавливаясь перед Асахиром.

Её спутницы выстроились в ряд позади неё, а Азмар прошёл к окну, застыв изваянием и ожидая развития событий.

— Отправь стражниц назад, — сухо отозвался военачальник, не поднимаясь и не приветствуя жрицу.

— Почему я должна? Ты приходил ко мне со свитой, я отвечаю соответственно. Разве ты не ценишь вежливость?

— Или они уйдут, или я убью их.

Дивияра несколько мгновений размышляла, рассматривая собеседника. Видимо, решив, что сейчас лучше не пытаться злить военачальника, она велела стражницам возвратиться в приютившее их святилище Ирутара. Азмар ненадолго вышел следом — убедиться, что ничто не задержит уходящих служанок Астарны.

— Хиру? — мягко позвала Диви.

Повисшая тишина, которую Асахир не спешил нарушать, явно угнетала Дивияру. Как ни старалась жрица сохранять надменный и спокойный вид, она понимала — доброй беседы ждать не стоит. Диви испуганно дёрнулась, оглянувшись на тихо возвратившегося Азмара; байру усмехнулся, видя, что Диви сжала ладони.

— Решила отпустить пёсика не прогулку? — ещё немного помолчав, наконец неторопливо произнёс военачальник.

— В смысле? — голос же звучал ровно и, как всегда, уверенно. — О чём ты?

— О чёрном призраке, томящемся в ваших подземельях, — вместо Асахира ответил Азмар. — О древнем чудовище, вдруг решившем пройтись по новой земле. От скуки, должно быть. Ключ от подземелья ведь всегда при нём, да?

Дивияра обернулась к Азмару, прищурившись, и очень томно и ласково сказала:

— Тебя, сотник, я не спрашивала. Я говорю с твоим повелителем.

Азмар, ухмыльнувшись, отодвинулся назад, прислоняясь спиной к стене и скрестив руки на груди.

— Эадиву, — тихо произнёс байру, — покинул своё узилище с твоего ведома?

Дивияра широко распахнула глаза, всем своим видом выказывая лишь потрясение. Красавица непонимающе смотрела на Асахира, не смущаясь пристального и придирчивого взгляда военачальника, и ошарашенно переспросила:

— Что?..

— Человек, в словах которого я привык не сомневаться, сообщил, что Эадиву на воле. И во плоти.

— Этого не может быть!.. — воскликнула Дивияра, резким движением поднеся ладонь к губам.

— Я должен поверить, что ты ничего об этом не знаешь?

— Хиру! — одновременно нежно и укоряюще отозвалась Дивияра. — Неужели ты думаешь, что... О! Но неужели это правда?!

Воины переглянулись. Азмар пожал плечами, недовольно хмурясь, но ничего не говоря.

После общения с сотником Азмаром появилось только больше вопросов, а данные ответы были слишком расплывчаты и непонятны для Энеаты. Девушка хмурилась, вышагивая из угла в угол по каменному полу просторной комнаты и пытаясь придумать что-нибудь успокаивающее.

Конечно, прямой угрозы в речах Азмара она не услышала. Более того, слова о том, будто Асахир не позволит её убить,несли некоторое утешение; но всё остальное оставалось слишком туманным. Юная асу не понимала затей идшарцев, так и не сумев узнать, действительно ли ей пытаются помочь, или же Асахир и Азмар таят опасность. Ведь если они не собираются убивать Эне, то зачем везти её в Идшар? Неужели в самом деле ради того, чтобы помочь и укрыть? Но в этом нет смысла...

Энеата остановилась у окна, теребя пальцами выбившуюся из косы прядь и нервно покусывая губы. Больше всего на свете хотелось вдруг проснуться в родном доме и узнать, что все приключения ей приснились.

Приставленная к ней служанка ничуть не скрашивала одиночества Энеаты — Тея почти не покидала комнаты, но её присутствие только напрягало Эне. Ещё менее словоохотливая, чем сама Эне, служанка молча вышивала что-то на покрывале, сидя у окна в дальнем конце комнаты, и на неловкие попытки асу выслать её или выйти самой неизменно отвечала, что ей велено не покидать госпожи и приглядывать за ней, не выпуская отсюда.

Всё это выводило Эне из себя. Она переживала о Хурсане, размышляя, где тот может быть и не грозит ли ему беда, и хотела увидеться хотя бы с Нунной, раз будущее её было скрыто непроглядным туманом, и никто не обещал её возвращения к прежней жизни. Только сейчас Энеате пришло в голову, что объявление о её помолвке с байру Асахиром наверняка коснулось и ушей её настоящего жениха. А ведь он вряд ли догадается об истинных причинах. Что если он решит, будто Энеата предала его, польстившись на грозную славу великого военачальника....

Когда не осталось сил терпеть одновременно навязчивого и тихого общества не слишком дружелюбной Теи, девушка отчаялась и решила прибегнуть к чарам.

Как бы ни возражала сразу же проснувшаяся совесть, Энеата зачаровала свою бдительную стражницу, заставив ту погрузиться в сон, и скользнула к арке выхода, скрывая себя колдовским мороком.

Конечно, стража ни за что не выпустила бы её не то что за пределы дворца, но и даже за стены этого крыла, но дар Ахарта надёжно прятал Энеату от любого, даже самого пристального взора.

Однако решение покинуть дворец резко сменилось на иную затею, когда Энеата увидела промелькнувшего в конце длинного коридора Азмара. Сотник явно куда-то торопился. Энеата решила проследить за ним и попытаться вызнать, что же за судьбу готовят ей идшарцы.

Торопливо, но осторожно, стараясь не топтать и не шуметь, девушка проследовала за Азмаром. Увидев, что сотник вошёл в одну из завешенных шторой арок, Энеата воровато огляделась, всё же боясь подойти ближе. Чуть в стороне стояли двое стражей-идшарцев,

внимательно смотревших по сторонам. Энеата, проверяя действенность чар, несколько раз прошагала прямо перед ними. Отойдя обратно, облегённо улыбнулась — они явно её не видели.

Но у неё было не слишком много времени для сомнений — чары, скрывавшие её, пробуждали спящую силу, требуя свободы. Сейчас асу легко сдерживала ещё смутные порывы, но знала, что каждое мгновение приближает миг тяжёлой борьбы с самой собой.

Едва касаясь пола, не издавая ни шороха, она проскользнула к нужной арке. Зайти внутрь она не могла — слишком сложно скрываться, стоя близко к людям, да и шевельнувшаяся занавеска показалась бы подозрительной.

Встав рядом с аркой, Эне прислушалась. Она удивлённо приподняла брови, узнав голос Дивияры. Ещё больше изумили слова, произнесённые прекрасной жрицей:

— Боги! Чтобы я отпустила Эадиву... Хиру, ты же знаешь, что я боюсь его... Эта ужасная зверушка! От него же дрожь по коже. С чего мне вдруг его выпускать?!

Энеата огляделась. Воины, охранявшие проход, отсюда не видны — их скрывал поворот. С другой стороны находился тупик, и выйти отсюда никто не мог; лишаться покрова незримости было рискованно, но асу нуждалась в передышке, боясь под зовом силы потерять самообладание. Избавившись от скрывающего морока, она глубоко вздохнула, успокаиваясь и умиряя чары.

— Удержать Эадиву в темнице — первый долг верховной жрицы. Устройство празднеств и поездки по окрестным городам — не главное дело, не так ли, земная Астарна? — голос Азмара слишком явно выдавал неприязнь к женщине, что удивило Энеату.

— Хиру, уйми своего цепного пса, — холодно произнесла Диви. — Он рычит.

— Где ты хранишь ключ от подземелий? — не обращая внимания на сказанное, спросил байру Асахир.

— Всегда при себе. Ну... почти... Сейчас он у меня где-то в вещах в храме...

Недолгая тишина нарушилась странным вопросом Асахира, произнесённым тихо и совсем неприятно:

— Слышишь?..

— Сейчас улажу, — хмыкнул в ответ Азмар, а в следующую долю мгновения скрывавшая вход занавеска качнулась слишком резко и быстро, и сотник, метнувшись вперёд, схватил не успевшую вернуться в колдовское укрытие Энеату за руку.

— Эй! — Эне попыталась вырвать запястье, слишком сильно сдавленное хваткой идшарца, но тот не собирался её отпускать и сердито спросил:

— Не сидится спокойно?..

— Азмар! — позвал Асахир.

Сотник, недовольно засопев, отпустил руку асу и жестом велел войти в комнату.

Энеата нехотя прошла вперёд и остановилась в паре шагов от входа, осматривая помещение смущённым взглядом и отчаянно надеясь, что не краснеет.

Военачальник сидел на полу, теребя в руках письмо и насмешливо глядя на вошедшую Энеату; жрица Дивияра, как всегда безупречная, сияла своей красотой чуть в стороне от Энеаты, и смотрела на появившуюся асу с той же надменной неприязнью, что и в храме.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовался Асахир, обращаясь к девушке.

— А вы тут что делаете? — предельно спокойно отозвалась Энеата.

— По-моему, твоя невеста ревнива, Хиру, — улыбнулась Дивияра.

Асахир пропустил мимо ушей слова жрицы, отвечая:

— Вернулся гонец от человека, которого я отправил... по твоему делу, Энеата. Кто-то, — он покосился на Дивияру, — умудрился выпустить Эадиву из его векового заточения.

Дивияра возмущённо воскликнула:

— Хиру, не смотри так на меня, я же сказала — я ничего не знаю об этом!..

— Это-то и плохо, Диви. Должна бы знать.

— Но я уехала из святилища, путь здесь не слишком близкий, должно быть, это случилось, когда меня не было!

— Чары надёжно запечатали все двери темниц, — пожал плечами Азмар, вставший за спиной Энеаты. — Открыть дверь можно только этим ключом.

— Значит, кто-то взял его, когда я не видела.

— И Эадиву мимо тебя прошагал, когда ты не видела? — нахмурился Асахир.

— Получается, что так!

— Хорошо, — согласился байру. — Римиар проверит твои слова. Он сейчас, должно быть, уже на полпути от Иртассы к святилищу.

— Римиар отправился туда? — как-то растерянно ответила Дивияра.

Асахир кивнул.

— Хиру, дорогой, если Эадиву и правда сбежал... Ты ведь сможешь мне затолкать его обратно? Всё-таки я жрица Астарны... Люди будут требовать с меня ответа, а что я могу сделать с таким чудовищем?.. Это дело героев, а не слабых женщин...

В её огромных чёрных глазах застыла такая мольба, что даже Энеата смягчилась, забывая о своей неприязни к жрице и испытывая смутное подобие сочувствия. Один Азмар, похоже, остался равнодушен к красавице — он насмешливо хмыкнул, качая головой и хитро улыбаясь какой-то своей мысли.

— Азмар, проводи Диви обратно, — помолчав, приказал Асахир.

— Я не спешу, — улыбнулась Дивияра.

— Я спешу, — хмуро отозвался военачальник.

Дивияра, ничуть не рассердившись, очаровательно улыбнулась напоследок и вышла вслед за сотником. Асахир подождал, пока стихнут шаги, и обратился к Энеате:

— Почему ты покинула свою комнату? Я же сказал сидеть там.

— Можно было догадаться, что это не слишком весело. Развлекаюсь, как могу.

— Римиар не нашёл твою сестру, но нашёл, скажем так, следы её пребывания в местечке Иртасса. Знаешь, где это?

— Земли Энарана, окраина, поля специй, путь от Арка к святилищу Астарны.

— Да. Ребята отправились поохотиться на разбойников, но их опередили. Пустая стоянка, четыре десятка загрызенных разбойников. Римиар... осмотрел раны и считает, что это мог сделать Эадиву. Ты ведь знаешь об Эадиву?

— Конечно... Люди говорят, что его призрак томится в плену под храмов Астарны. Всегда думала, что это сказочка.

— Я его видел, когда гостил в святилище, — задумчиво отозвался Асахир. — В виде тени он не очень-то опасно выглядел. Хотя неприятно... Но Римиар говорит, что во плоти он будет пострашнее.

— Если так, то это ужасно.

— Один раз его уже убивали, значит, вполне можно убить его ещё разок. Будет неплохое развлечение.

— А причём тут моя сестра?

— Один житель Иртассы рассказал, что видел Аарку. Прекрасную белоснежную деву, похожую на туманный призрак... и, самое интересное, видел он её с большой чёрной собакой. И было похоже, что им вполне хорошо вместе.

— Эадиву освободила моя сестра?..

— Получается, так.

— И что вы собираетесь делать?..

— Убить обоих.

— Это единственный выход? Я имею в виду... С Эадиву — само собой, но...

Асахир отмахнулся, и Энеата решила спросить о другом:

— Байру, мне кажется, нам обоим будет гораздо проще, если мы поймём друг друга. Я говорила с господином Азмаром, но он не слишком чётко мне ответил. Зачем мне ехать в Идшар? В этом есть смысл только в одном случае — если вы собираетесь вернуть силу Ахарта в сам Ахарт. Но Азмар уверял, что вы не хотите меня убивать.

— Не хочу. Я считал, что в Идшаре безопаснее всего. Конечно, Азмар говорит, что даже святилище Эллашира было ограблено... Но я бы надёжно тебя спрятал. Долго оставаться в Энароне нельзя — воины начинают скучать, а это может плохо кончиться. Для Энарона, конечно. Как только вернётся отряд, отправленный в Иртассу, войско Идшара отправится домой... И ты пойдёшь с ними.

— А как же... как же Эадиву и Зара?

— Я останусь. Наберу несколько надёжных ребят и отправлюсь искать эту парочку. Азмар присмотрит за тобой, с ним ты будешь в безопасности. И от своей сестры... и вообще.

— Но зачем вообще думать о моей безопасности? Гораздо проще... отдать силу Азмару. А уж он и сам за себя постоять может.

— Я не хочу твоей смерти, маленькая асу. Мне нравится видеть тебя живой.

Несколько мгновений они молча сверлили друг друга взглядами, пока Энеата не выдержала и не отвела взора, опустив глаза долу. А Асахир, продолжая пристально смотреть на неё, вдруг сказал:

— У твоего опекуна есть ещё родственники?

— Здесь — я одна. Его семья жила в Араде, он один уехал в Дарфию давным-давно. Но у него много друзей. Господин Арнунна, например. Они очень дружны. Вот породнятся, когда мы с Нунной поженимся.

Асахир поджал губы, нахмурившись, но произнёс так же спокойно:

— Ты ведь бывала в Идшаре?

— В детстве, но я ничего не помню. Дедушка Хурсан говорит, что там нашёл меня, в идшарских землях. Он служил при эсине Хамите, обучал тамошних лекарей. Но найдя меня, сразу переехал в Арк... — задумавшись, Энеата добавила: — Почему вы спрашиваете?

— Неважно. Как ты прокралась мимо стражи?

Вместо ответа Энеата на пару мгновений застыла, призывая чары, вновь скрывшие её.

— М, — хмыкнул Асахир, и исчезнувшая из виду Энеата вновь появилась. — Неплохо. И часто ты так делаешь?

— Предельно редко. Если я призываю силу... Она пробуждается и зовёт меня. Её очень трудно снова усмирить... Однажды я так подпалила наш сад. Еле потушили, было страшно.

— В таком случае, просто не делай так больше.

— Я и не делаю без необходимости!

— И какая сейчас была необходимость?

— Какая? — возмутилась Энеата. — А вы что, серьёзно думали, я буду просто сидеть в комнате тихой мышкой и покорно ждать, что вы тут придумаете?

— Я имел в виду, прямо сейчас, а не тогда... — пожал плечами Асахир. — Но, вообще-то, да.

— Нет уж! Я буду делать всё, что пожелаю. В конце концов, пока у меня есть дар, вы не можете меня просто заставить вас слушаться.

— Ещё как могу, — отмахнулся Асахир. — Но да ладно. Ходи, где хочешь. Я распоряджусь, чтобы тебя пропускали. Только не увлекайся.

— А можно... можно я схожу повидаться с Нунной?

— Ты же «будешь делать всё, то пожелаешь» — так зачем спрашиваешь?

Недоверчиво посмотрев на собеседника, девушка растерянно произнесла:

— М... Ну ладно. Я пойду.

Взгляд ярко-зелёных глаз не выражал ничего. Энеата развернулась и торопливо зашагала по коридору.

Глава 21. Ярость Солнца

— Ты ей сказал? — нахмурился Азмар, заходя в комнату.

Асахир опустил меч, которым до прихода сотника выписывал узоры в воздухе.

— Что? — спросил военачальник.

— О смерти её наставника.

— Как-нибудь потом.

— Слабак, — махнул рукой сотник.

— Ты что-нибудь узнал?

— Куда там. Ходят стайкой, никого не выцепить. Да и что они могут знать? Надо бы хорошенько прижать саму Диви. Если как следует расспросить, то даже такая змея начнёт говорить правду.

— Перестань.

— Послушай лучше, что я скажу. У нас есть безупречная приманка, а ты рвёшься идти по еле заметному следу. Отправь Энеату домой, в Арк. Ведьма захочет перехватить её по пути. Вот и всё дело!

— А если она успеет убить асу?

— Она не успеет быстро разобраться с новой силой. Это не придаст ей опасности. Скорее даже наоборот, сделает уязвимой.

— Азмар, я не хочу смерти Энеаты. Она не виновата, что ей достался этот дар...

— Та-ак... Понятно, — протянул Азмар. — Поня-ятно...

— Что тебе понятно? — рассердился Асахир. — Как только вернётся отряд из Иртассы, отдашь приказ собираться. Возьмёшь Энеату и отвезёшь её в Идшар.

— Это...

— Это приказ! — рявкнул военачальник.

— Не будь ты моим повелителем, я б эту дурь из твоей головы выбил, — буркнул себе под нос Азмар.

— Успокойся. Я просто прогуляюсь недолго, убью ведьму и вернусь.

— Если... М... То есть, когда ты убьёшь ведьму, сила Луны Ахарта будет твоей. И что ты с ней будешь делать? Насколько я понял со слов Энеаты, этой силой не только пользоваться непросто, но и сдержать её тоже стоит усилий...

— Твоё занудство...

— Моё занудство не раз спасало не только твою жизнь, но и честь! — прошипел Азмар, сердясь на товарища. — Не хочешь слушать меня как друга, послушай как старшего! Не хочешь рисковать ею — пожалуйста, достаточно просто пустить слух о том, что она поедет. Не обязательно ехать в самом деле! Пока она будет здесь — здесь, не на пути в Идшар! — спокойно сидеть во дворце под охраной энаранских стражей, ведьма будет искать её на аркской дороге. Там, где её будем искать мы.

— Азмар, я не хочу, чтобы ты шёл со мной.

— Зато я хочу. Я бы посоветовал тебе взять и Энеату — всё-таки девочка несёт Ахарт, и вполне может помочь. Но я уже понял, то ты пропал. Честное слово, Хиру, лучше б ты опять сдался Дивияре!

Асахир не ответил и не изменился в лице, бессмысленно теребя в руках ножны меча.

Воины Идшара пропускали её без вопросов, лишь приветствуя кивками, да жестами указывая дорогу, когда она спрашивала, где может найти эсина Арнунну или членов его семьи. Стражники Энарана проявляли куда меньше гостеприимства, то и дело перекрывая ей путь и требуя многочисленных ответов. Энеата терпеливо объясняла, кто она и почему желает видеть эсина или его сына; наконец, когда Энеата очередной раз повторила стоявшим у ворот служакам свою речь, она услышала в ответ, что эсин ушёл к северным воротам приветствовать возвращающуюся из Арка дочь.

Энеата даже не дослушала, тут же сорвавшись с места и побежав к выходу из дворца, чтобы скорее встретить Фазмиру. Но умчалась асу не далеко — семейство нового эсина, за исключением пока что остававшегося в доме Харата, уже вернулось в пределы дворца.

Когда Энеата выскочила к широкой лестнице главного входа, Фазмира, первой увидевшая её, тут же громко воскликнула и рванулась на шею подружке. Мира едва не сбила Энеату с ног в слишком ярком порыве.

— Эне! Хвала богам, и ты тоже в порядке!

— И ты тоже, — радостно и в то же время немного удивлённо отозвалась Энеата. — Нунна сказал, что...

— Со мной уже всё отлично! Асу Хурсан разбудил меня. Сказал, что ничего страшного. Кстати, как он? Он ведь уже прибыл?

— Эм... Нет. А должен был? Он был в Арке?

— Он вышел из Арка в Энаран раньше меня! Я думала, уже давно здесь. Разве нет?

Энеата с сомнением посмотрела на девушку, затем перевела взгляд на Арнунну. У того, похоже, от слов Фазмиры испортилось настроение — он перестал счастливо улыбаться, тут же нахмурившись и о чём-то призадумавшись.

— Мира, а Хурсан точно сказал, что идёт именно в Энаран? — спросил Арнунна у дочери.

Та уверенно кивнула.

— Хм... Здесь путь короткий... Заблудиться негде... — подняв взгляд на Эне, Арнунна тут же торопливо произнёс: — Наверное, по пути кто-то из крестьян попросил о помощи. Ты же знаешь своего опекуна, никому не может отказать. Идите в комнаты, слуги вас проводят. Я пойду, прикажу кому-нибудь пройти по ближайшим посёлкам и поискать Хурсана. Заодно спрашиваю идшарцев — может, они что знают.

Таман увела Фазмиру вслед за слугами вглубь дворца, Нунна, поотстав от них, подошёл

к Энеате и тепло произнёс:

— Не волнуйся. Наверняка отец прав. Ты как?

— Ты вот, похоже, не очень, — оглядывая юношу и укоризненно качая головой, ответила Энеата. — Что это ещё такое?

— А, — Нунна отмахнулся здоровой рукой. — Живой, главное. Жена Харата тоже приехала утром, слышала?

— Нет. Как здорово!

Помолчав, Нунна добавил:

— Меня тут подлечил идшарский лекарь, такой... молодой парень, мне ровесник. С чудным именем, арадец, наверное...

— Таллис?

— Ага. Я так понимаю, вы с ним хорошо знакомы?

— Ну так.

— Он сказал, что ты обручилась с байру Асахиром. Я сначала думал, что он шутит, а наутро об этом говорил весь город. Это... правда?

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что рядом никого нет, Энеата едва заметно мотнула головой.

— А почему тогда...

— Байру не хочет, чтобы все знали, что я — Солнце Ахарта. Чтобы никто не задавал мне лишних вопросов... — Энеата огляделась ещё раз. — Я так рада, что Мира в порядке. И ты жив.

— Ага, — улыбнулся Нунна. — Только это... Таллис сказал, что мне не стоит с тобой видеться...

— Я спрашивала байру, он разрешил. Не бойся.

— Я не боюсь, — обиделся Нунна. — Разве что за тебя. Нет, правда! Так, пойдём с всеми. Фазмира умоется с дороги, и пойдём все вместе есть. Семья наконец в сборе, это отличный повод для праздника.

Энеата вздохнула.

— Семейного праздника. Я не хочу вам мешать.

— Брось! Ты почти член семьи. И ты, и твой опекун много сделали для нас. Все будут рады, если ты посидишь с нами. Особенно, если байру Асахир не против.

Асу пожала плечами.

Пока слуги накрывали резные деревянные столики, Фазмира, не умолкая, болтала со счастливой Таман. Бледный и до сих пор слабый Харат, всё-таки вставший с постели и присоединившийся к семейному торжеству, молча обнимал прижавшуюся к его плечу супругу Лину.

Нунна же остановился возле дверей, рядом с задумавшейся Энеатой. Все ждали возвращения главы семейства, чтобы начать трапезу.

Арнунна возвратился раньше, чем его ждали, и гораздо более хмурым.

— О, — увидев его, встрепелась Таман. — Мы думали, ты немного дольше... стол ещё даже не накрыт...

— Не успел никуда уйти. В коридоре столкнулся с идшарским вестником, как раз ищущим меня, — Арнунна тяжело вздохнул, повернувшись к Энеате, но не решаясь поднять на неё взгляд. Протянув асу руку со сжатыми в ней дощечкой и небольшим письмом, он

коротко произнёс: — Вот.

Энеата приняла кусочки глины и дерева и перевернула деревянную табличку. Увидев вырезаную на лицевой стороне надпись, застыла, не готовая понять этого знака.

— Идшарцы нашли. Хурсан мёртв, — хрипло, словно ему перестало хватать воздуха, произнёс Арнунна. — Мужайся, Эне.

Девушка попятилась назад и остановилась у стены, прижалась спиной к холодному камню. Мир вокруг исчез. Эне молча сжимала в руках дощечку и ещё не прочитанное глиняное письмо, не обращая никакого внимания на сорвавшуюся с места и повисшую у неё на шее Фазмиру, быстро лопочущую какие-то утешающие слова. Всё растворилось в пустоте, остались темнота и одиночество; слуги и друзья напрасно продолжали что-то говорить — девушка не видела и не слышала никого из них.

Кто-то потряс её за плечо, пытаясь вызвать к действительности. Встряхнув головой, она заставила себя выслушать и понять слова:

— Эне? — с заботой в голосе произнёс Нунна. — Эне, как ты?

— А? Я... я пойду. Извините, — невнятно отозвалась асу, поворачиваясь и шагнув к двери.

— Посидеть с тобой, Эне? — спросил Нунна.

— Нет, спасибо. Я пойду... Не надо, — отрешённо ответила Энеата.

Она неверным шагом направилась прочь из зала. Словно во сне, прошла через коридор и спустилась к выходу; там она остановилась посреди комнаты, не зная, что делать дальше. Вспомнив о непрочитанном письме, поднесла исчерченную корявыми буквами глину к глазам.

Письмо назначалось не Эне и не Арнунне; быстро пробежав взглядом первую часть текста, она остановилась на словах, относящихся к гибели странника в Иртассе.

Эадиву и ведьма, ведущая его.

Значит, всё правда. Описание погибшего путника, что было в письме, было точным описанием её любимого наставника. Увы, в известие приходилось верить.

Только сейчас поняв, что произошло, осознав всю суть ужасного известия, Энеата опустилась на пол, уронила голову на поджатые колени и обхватила её ладонями. Всё лишилось смысла. Мир терял краски. Её и без того маленькая семья исчезла. Хурсан погиб.

Воля, столько лет сдерживавшая дремавшую в душе девушки силу Ахарта, растворилась в горе. Просторный зал захлестнула волна нестерпимо яркого сияния.

Дивияра недовольно приняла флакончик с душистым маслом, пытаясь найти в немного терпком аромате изъяны. Верховную жрицу Астарны раздражало всё в этот неудачный день: окружавшие её рыжеватые стены со слишком высоко расположенными узкими окнами, откуда никак нельзя было посмотреть во двор; младшие жрицы, утром неровно подкрасившие ей глаза — Диви не выносила никаких несовершенств, и ей пришлось потратить время, чтобы смыть сурьму и травяную пудру и заново нанести краску на веки; пролитое на платье вино; ссора между её стражницей и жрецом Ирутара, обернувшаяся синяком на лице последнего; Дивияре пришлось лично извиняться за несдержанную воительницу перед верховным жрецом приютившего их храма. Но всё это были мелочи, лишь добавлявшие неприятных раздумий к основной беде — волю Зары жрице исполнить не удавалось.

Когда Дивияра направлялась в Энаран, она была уверена, что пары виноватых слов да тройки страстных взглядов будет достаточно, чтобы не так давно покинутый ею военачальник вновь пал перед её чарами. Заставить его выслать Энеату было бы так просто... Тем более, раз он обручился с ней, Диви с лёгкостью разыграла бы обиду и ревнивое нежелание делиться своим любовником. Никто не усомнился бы и на миг в её горестном порыве. Но Асахир не желал её видеть. Она бы проскользнула к нему, как тогда в Идшаре, но треклятый жрец следовал за ним тенью. Нет, неприязнь Азмара служит плохую службу Дивияре — он ни за что не согласится пропустить её к Асахиму, если военачальник не позовёт её сам. Но ту единственную возможность пообщаться, когда Асахир пригласил Диви к себе, испортила ещё и эта девчонка, невесть откуда пришедшая в самое неподходящее время...

Конечно, всё это было делом времени. Дивияра никогда не сомневалась ни в своей красоте, ни в своём обаянии, в отточенном мастерстве покорения мужчин; но Зара несколько раз повторила, что долго ждать не желает. По пути в Энаран и в первое время после прибытия жрица не раз подумывала предать надоевшую подругу и попросить защиты у её сестры и Асахира; но, познакомившись с Солнцем Ахарта, Дивияра неожиданно для себя самой почувствовала острейшую неприязнь к девушке. И дело было не в нагловатых словах асу в храме — Диви и сама не дала бы спуску обидчикам, и потому понимала и принимала желание ответить обидой на обиду.

Нет, жрицу вывела из себя внешность новой невесты военачальника. Блѣклая, худая и неловкая девчонка с круглыми бледными глазами, отчаянно напоминавшая Диви сушёную рыбу, только насмешила бы жрицу в других условиях. Но эта юная колдунья намеревалась стать женой Асахира, и Дивияра не хотела понимать, как кто-то, ещё недавно одаренный вниманием прекраснейшей из живущих, мог пожелать подобную замухрышку. Жрице казалось, будто их сравнили и признали равными; и вот такого невольного оскорбления со стороны Асахира и его невесты уже было достаточно, чтобы простить все недостатки Зары.

От сосредоточенного изучения флакончиков с духами Дивияру отвлек раздавшийся где-то внизу шум — похоже, у входа в храм. Сперва жрица не придала значения возгласу, но когда к нему присоединились ещё несколько испуганных и громких голосов, Диви встала и подошла к двери, вслушиваясь в звуки.

Когда к крикам присоединился грохот, Диви нахмурилась и сердито поджала алые губы. Похоже, её стражницы снова ввязались в драку. Однако, распахнув тонкую тростниковую дверь, отгораживавшую проход в её покои, Дивияра увидела вовсе не то, что ожидала.

По узкой лестнице, ведущей от покоев в главный зал святилища, мимо Дивияры промчались двое её стражниц и жрец Ирутара — вполне дружно, явно не собираясь ссориться друг с другом и не замечая появления Диви. Похоже, недавняя драка здесь была ни при чём. Жрица растерянно посмотрела им вслед. На верхней площадке лестницы сверкнула вспышка света, сопровождаемая чьими-то вскриками, затем ещё одна, и Дивияра вздрогнула — именно так впервые появилась в храме Астарны Зара, расшвыряв стражниц и до полусмерти напугав младших жриц колдовским сиянием. Неужели Зара не стала ждать и нескольких дней, всё же решившись просто войти в город...

Но громкий женский голос, раздавшийся в зале, не был голосом Зары.

— Где верховная жрица? — от выражения, с которым были произнесены эти слова, Дивияре стало не по себе.

— Там... — испуганно пискнула в ответ не то одна из стражниц, не то из младших

жриц. — В покоях... за лестницей...

Дивияра быстро огляделась в поисках пути к отступлению, но не увидела и не припомнила ни другого выхода, ни укромного места, где можно было бы спрятаться. Вновь повернувшись к лестнице, она увидела на верхней площадке Солнце Ахарта.

— Жрица, — голос Энеаты дрожал от ярости. — Ты должна была удержать чудовище в стенах его темницы.

— Здравствуй, юная асу, — предельно вежливо отозвалась Дивияра. — Я, кажется, уже говорила об этом с байру Асахиром...

Невидимая сила отшвырнула Дивияру назад. Ударившись о стену и бессильно рухнув на пол, Диви приподнялась, опираясь на руки, про себя проклиная Зару. Нет, колдунья обманула Диви или обманулась сама, и Солнце явно прекрасно знала и о своей силе, и о том, как ею пользоваться...

— Ложь!

— Нет! Я ничего не...

Новый порыв колдовства приподнял Дивияру над полом. Дышать стало трудно, а перед глазами расплзался непроглядный золотистый туман. Бессмысленно дёрнувшись в цепкой хватке незримых пут, Дивияра поняла, что так просто Энеата не поверит в её слова.

— Ты открыла ему двери, — это звучало не вопросом, а утверждением. — Зачем?..

Глава 22. Воплощение Адуаны

— Нет! Нет! — громко заверещала девочка, резко срываясь с места и бросаясь к стоящему в дверях Дарию. Вцепилась в его ногу, прижимаясь и громко ревя в залатанную штанину.

— Не ной, — сурово приказал мальчишка, но слёзы потекли из глаз малышки бурной рекой. — Я кому сказал! Живо села на место! Сейчас отшлёпаю!

Но маленькая Атаис вовсе не собиралась подчиняться своему странному другу или бояться его угроз. Только-только она наконец поверила, что Дарий не предаст и не бросит — и вот он стоит у выхода со своей сумкой и говорит, что уходит. Уходит без неё.

— Там, куда я иду, девчонкам не место, — он изо всех сил делал вид, что слёзы крохи не трогают его. — Там страшно, Ата! Оставайся с добрыми людьми. Они о тебе позаботятся.

— Нет! Нет!..

— Когда-нибудь я вернусь за тобой, — он наконец не выдержал и наклонился, поднимая девочку на руки и крепко прижимая к себе. — Ата, ну не плачь, маленькая дурочка, я же вернусь за тобой. Нескоро, да. Но вернусь. Я обещаю. Я клянусь! Ты веришь?..

— Дарий!..

— Будь умницей, Ата. Прощай.

Начальник энаранской городской стражи никак не отдавал приказа войти внутрь храма — он о чём-то горячо спорил с эсином Арнунной, примчавшимся сюда прежде других. Подоспевший небольшой отряд идшарцев остановился поодаль, вперёд выступили двое.

— С дороги!.. — рявкнул Асахир, рванувшись мимо столпившихся у входа стражников и зевак.

Азмар устремился следом, не отставая от друга. Влетев по ступеням, они, не раздумывая, прошли внутрь.

За широкой резной аркой главного входа им предстало ожидаемое по сути, но неожиданно по размаху зрелище. Огромный зал был залит золотым светом, резавшим глаза. Но всё же можно было увидеть застывших в воздухе стражниц, жриц и жрецов, словно подвешенных невидимыми верёвками; они не шевелились и, казалось, спали.

А в центре зала, на возвышенной площадке за изваяниями божественной четы, стояла Энеата, и перед ней парила в такой же незримой сети Дивияра.

— Эне!.. — выкрикнул Асахир, бросаясь вперёд.

Но его, как и следовавшего за ним Азмара, отшвырнуло назад, сбив с ног, хотя Энеата даже не обернулась на зов.

— Не мешай, — голос Энеаты прозвучал так, что Асахир совсем не узнал его.

Военачальник Идшара поднялся на ноги и медленно зашагал в сторону Энеаты, стараясь подойти неслышно; видеть его она не могла, стоя спиной ко входу.

— Зачем? — потребовала ответа от Диви Энеата.

— Зара... Твоя сестра... велела... ей нужен...

— Зара... Где мне найти её?

Жрица, задыхаясь, еле прохрипела:

— На пути... в Арк... она ждёт... она... сама выйдет... Просто выйди... из города... Пусти!!! Умоляю, пусти!

Дивияру с силой швырнуло оземь. Жрица закричала, сворачиваясь на полу калачом и крича от боли, а Энеата, протянув вперёд ладонь, явно не собиралась прекращать мучить жрицу.

Асахир подобрался к Энеате довольно близко и посмотрел на асу, не узнавая. Колдунья, что стояла посреди святилища, мало напоминала тихую неуклюжую девочку. Энеату сменило то самое воплощение Солнца Ахарта, каким его представляли в легендах. Дикое, неуправляемое, могущественное колдовство — и та, что повелевала этими чарами. Сила, исходившая от неё, ощущалась телом, словно сам воздух дрожал от мощи волшебства.

Военачальник резко рванул вперёд, сбивая Энеату на пол. Подоспевший Азмар метнулся к Дивияре, оттаскивая верховную жрицу в сторону.

Свет тут же погас, безвольно висевшие в воздухе стражницы и жрецы рухнули вниз, освобождаясь от колдовства. Энеата вскрикнула, но этот возглас был куда больше похож на боевой клич, чем на отголосок страха. Новый порыв чар сбросил Асахира, откидывая в сторону, но в этот раз байру устоял на ногах и вновь рванул в атаку.

Энеата развернулась и выставила вперёд ладони. Но чары лишь замедлили рывок воина. Пара мгновений странного противостояния — и Асахир, резко опустившись на пол перед Эне, жёстко хлестнул её ладонью по щеке.

В этот раз вскрик был возгласом боли. Слепящее золотое сияние, затмившее лазурный цвет глаз Эне, погасло, зрачки сузились. Девушка застыла, непонимающе глядя перед собой.

— Очнулась? — разъярённо спросил военачальник.

Энеата растерянно заморгала.

— Азмар! — позвал Асахир, не отводя сердитого взгляда от теперь уже испуганного лица Энеаты. — Как Диви?

— Дышит, — ответил сотник. В следующий миг Диви кашлянула, и Азмар добавил: — О! В сознании.

— Сгоняй за Таллисом. И пусть принесёт снотворное, — велел байру. — И зевак там разгони!

Азмар спешно удалился. По шуму за спиной Асахир понял, что и стражницы начали приходить в себя.

— Что ты устроила? — холодно поинтересовался военачальник.

Девушка села, опираясь на протянутую ей руку Асахира, и огляделась.

— Ой... — только и сказала она, прижав ладонь ко рту.

— Ой, — передразнил Асахир.

Военачальник встал и повернулся к пытавшейся отдышаться Дивияре.

— Диви, ты как?

Та не ответила, потирая ладонью шею и закрывая глаза.

— Ладно. Таллис разберётся тут со всем. Идём! — велел он Энеате.

Асу поднялась, не устояла на ногах, пошатнувшись и невольно оперевшись о локоть военачальника. Но отдёрнуться Асахир не дал, придержав её за плечо.

— На улице толпа зевак. Пока не разойдутся, лучше тебе не высовываться, — сказал Асахир, провожая её к боковой двери. — Пересидишь здесь.

Энеата только кивнула.

В одной из небольших боковых комнат храма, куда Асахир привёл Эне, находились лишь несколько лавок, стоящих вдоль стен; оконце под потолком давало немного света. Девушка, остановившись посреди тесного помещения, посмотрела на Асахира.

— Верховная жрица выпустила Эадиву, — тихо произнесла она.

— Я уже понял. Сядь.

Не став спорить, она прошагала дальше и села на лавке, уставившись невидящим взглядом в стену.

— Так вышло, — виноватым голосом сказала Энеата. — Я... разозлилась...

— Я понимаю.

— Вы сердитесь?

— Конечно. Но это моя вина. Я должен был сказать тебе сразу. Сам. Я не думал, что ты пойдёшь всё крушить. Не ждал.

— Я... я никому не хотела вреда, байру, я... я только...

Асахир приоткрыл дверь и выглянул наружу.

— Да все уже поднимаются. Таллис им поможет, если надо. Что интересного сказала Диви?

Энеата не ответила, рассеянным взглядом уткнувшись в каменную стену. В светлых глазах блеснула вода, а через мгновение девушка разрыдалась, согнувшись и закрыв лицо ладонями.

Асахир шумно вздохнул и сел рядом, осторожно, но настойчиво притянул Энеату к себе. Юная асу в порыве горя ответила на объятие и прижалась к военачальнику, громко всхлипывая и дрожа от рыданий.

А суровый военачальник Идшара просто терпеливо сидел, не шевелясь и сочувственно молча, зная, что Энеате не нужны и совсем не помогут слова.

Сладко-терпкий запах благовоний, поселившийся в комнате, казался совершенным, но именно этим и вызывал у военачальника смутное раздражение. Томные, чувственные оттенки пряных и цветочных драгоценных масел всегда сопровождали верховную жрицу

Астарны и казались частью её естества; и полумрак помещения, спрятавшись от солнечных лучей тяжёлыми занавесками на окнах, прекрасно сочетался с царившим ароматом.

Дивияра не казалась испуганной. Полулежа в ворохе расшитых подушек, она спокойно, хоть и задумчиво, глядела на вошедшего.

— Хиру, — её голос, как и всегда, прозвучал благосклонно и немного вкрадчиво.

Слушать её было так же сладко, как и созерцать. Но Асахир, закрыв за собой дверь, заговорил холодно и не слишком доброжелательно.

— Диви, — произнёс он, — тебе, как я понимаю, есть о чём рассказать.

Жрица вздохнула, отвернувшись, поглаживая рукой край одной из подушек; помолчала, о чём-то размышляя, и наконец отозвалась по-детски обиженным голосом:

— Твоя милейшая невеста задала ещё не все вопросы?

— Ты предпочитаешь договорить с ней?

— Нет уж, спасибо, — отмахнулась Диви. — Я ещё под впечатлением от нашей беседы.

— Начинай со знакомства с Луной Ахарта.

— Я думала, ты пришлешь для беседы со мной Азмара. Ты, кажется, пытался меня избегать...

— Пришлю, если не будешь отвечать. Вместе с Энеатой. Так что начинай уже.

Ещё один шумный вздох Дивияры, тоскливо-изучающий взгляд, несколько мгновений молчания... Асахир постучал пальцами по стоявшему рядом сундуку, выражая нетерпение.

— Зара... Она пришла в святилище пару лет назад, — нехотя начала жрица. — Появилась примерно так же впечатляюще, как твоя невеста. Посреди зала, в окружении тумана и света. Младшие жрицы и стражницы сразу признали в ней Аарку... но я уже видала колдовство, пусть и не такое... м-м... яркое. Так что... мне она доверилась. Рассказала, кто она на самом деле, откуда и куда идёт. Она путешествовала по мелким посёлкам, являясь во всей красе какому-нибудь забредшему далековато от своей деревни дурачку или дурочке. Люди легко верят ей. Так что добыть кров и пищу для Зары не слишком сложно. Она копила силы. Тогда она была ещё довольно слаба... Но она умеет забирать. Вытягивать жизнь... из всего. Зара сказала, что ей нужно набрать достаточно сил, прежде чем пробраться в Идшар за Ахартом и получить вторую часть силы. Недавно она повстречалась с каким-то своим старым знакомым, который сообщил ей, что её сестрёнку вовсе не убили, и силу эту надо искать не в Идшаре, а тут, совсем рядышком, в Арке...

— Она послала тебя искать Энеату?

— Вроде того. Она не хочет сражаться с целым войском, даже теперь, когда довольно сильна... и владеет Эадиву. Сказала, чтобы я... придумала способ отправить её домой.

— Разве сила Солнца не больше? Она думает, что справится с Энеатой?

— Думает и справится, — устало произнесла Дивияра. — Потому что у неё есть Эадиву.

— Он так силён?

— Силён... но дело не в этом. А в том, что они сами не смогут причинить друг другу вред.

Асахир воззрился на Дивияру, ожидая объяснений, и та развела руками:

— Я серьёзно. Солнце — источник силы, а Луна... Луна её принимает. Сколько бы Зара не тянула сил из сестры, у той не убудет. А Зара может впитать сколько угодно. И тоже не пострадает. Предания говорят, что подобный поединок может длиться вечность. Поэтому чудовище... Для Зары именно то, что нужно.

— То есть...

— Кто-то другой должен убить Зару. Твоя невеста не сможет.

— А Эадиву? Что может он?

— Самое главное — он даёт ей силы. Его тоже можно вытягивать... не бесконечно, но довольно долго. Второе — он легко убивает и сам по себе. Слишком быстрый — загрызёт быстрее, чем его просто увидят. Исцелить раны от его клыков невозможно — они никогда не зарастают. Его плоть обжигает. Его рык сводит с ума. Ну, так говорят предания. А ещё — у него нет узвимых мест.

— Без узвимых мест? Что ты имеешь в виду?

— Его нельзя убить точным ударом. В общем-то, его вообще нельзя убить, но... У него нет ни сердца, ни лёгких, чего-либо подобного. Куда ни бей — всё одно. Он живёт только кровью. Из призрака в плоть его возвращает кровь. Судя по тому, что ты говорил о разбойниках в Иртассе... Зара уже дала ему достаточно жертв. Он во плоти, а значит, узвим. Если всю кровь снова из него выпустить — он вернётся в призрачное состояние. Сам не сможет ничего делать. Но Зара всё ещё будет получать от него силы.

— Он подчиняется Заре?

— Да.

— А если Зара умрёт раньше него?

— Не знаю, что будет.

— Где она может быть?

— Не знаю... Честно. Где-то между Арком и Энараном. Она не пойдёт в город, не захочет посторонних в этом сражении. Будет ждать на пути... В маленьких деревеньках, скорее всего, прячется в доме какого-нибудь очарованного селянина. Она любит тень и прохладу, не будет ждать посреди сухой травы, даже если найдёт там пищу.

Военачальник ещё немного подождал, размышляя об услышанном. Дивияра, пристально глядя на него, тихо и очень виновато произнесла:

— Ты сердисься на меня, Хиру?..

Воин в ответ хмыкнул, сочтя, что жрица догадается и без слов. Та, похоже, понимала.

— Я боюсь её, очень боюсь. Теперь, когда я рассказала... Если она узнает, то разозлится. Моя единственная надежда — что вы справитесь с ней, и побыстрее.

— Эту надежду разделят многие, — сказал Асахир, собираясь уже уходить и протягивая ладонь к ручке двери.

Дивияра остановила его, дёрнувшись вперёд и отчаянно воззвав:

— Хиру!..

Тот замер, поворачиваясь к ней и ожидая дальнейших слов. Дивияра, покраснев и опустив взгляд, еле слышно спросила:

— Ты считаешь, что я предала тебя тогда?..

— Ты ушла, даже ничего не сказав. Я думал, с тобой что-то случилось, едва не перебил стражу...

— Я сделала ошибку...

— Нет, — невесело усмехнулся Асахир. — Ошибку сделал я.

— Ты хочешь жениться на ней из-за силы?

— Нет.

— Тогда почему? С красавицами не задалось, решил, что девочка попроще тебя не бросит?..

Помолчав несколько мгновений, он каким-то странным, чужим голосом произнёс,

отворяя дверь:

— Ты не поймёшь.

Таллис хорошо справился со своей задачей, и Энеата заснула, едва допив сонное зелье и поставив чашку на стол. Но крепкий сон не помог и не успокоил — только разомкнув заспанные глаза, Эне вспомнила во всех красках и горестное событие, и свой отчаянный порыв. Никогда прежде девушка не позволяла чарам так долго, так безудержно и так яростно вырываться из-под власти воли и разума; и даже теперь, проснувшись после продолжительного отдыха, она с трудом усмиряла буйство силы.

— Эне? — позвал её взволнованный голос Фазмиры.

Энеата приподнялась и повернула голову, осматривая помещение. Засыпала она в святилище, но сейчас её окружали стены дворца. Кто-то отнёс Энеату обратно в её комнату, пока асу дремала.

Мира сидела на подушке возле постели, глядя на Эне испуганным взглядом светлокариных глаз. Судя по тарелке с кашей, что дочь эсина держала на коленях, и сжатой в руке лепёшке, Фазмира не собиралась покидать Энеату даже на время обеда.

— Мира, — устало улыбнулась Эне.

— Долго спишь уже, — по своей привычке начала лопотать Мира, — Нунна заходил пару раз, но ты всё спала, он и убежал. Лекарь тоже приходил. Лис его зовут. Он и тогда с тобой приходил, помнишь, да? Принёс тебе вон какой-то кувшин, пахнет необычно, по моему, это ягодное вино. Ну, не знаю, пахнет то ли как эндарская сикера, то ли как пряная настойка, как на праздник Тааль делают.

Мира быстрым жестом показала на небольшой пузатый кувшин, стоявший на столике у окна, и продолжила:

— Просил передать, что не может уйти надолго, у него там вроде как куча дел, и сотник не отпускает. Вот только зашёл, посмотрел, что ты спишь, и убежал сразу. А, ну и принёс вот это, я уже сказала, да? Питьё какое-то. Смотри, кувшин такой смешной! Толстяк, ух... Ой, у этого Лиса такие глаза красивые, правда? Такой прелестный мальчик... Хи... Как думаешь, я ему понравлюсь? Лепёшка с какой-то странной пряностью, не пойму даже. Хочешь?

— А где Нунна?

— Ой, за ним разве уследишь. Сказал, что пошёл с папой говорить. Там такое на улице! Весь город болтает... Ты что, и на улице кого-то оглушила?

— Да... — густо покраснев, вспомнила Энеата.

— Ну даёшь... Никто не ждал от тебя ничего такого. Весь город на ушах. Только и обсуждают, что невеста байру, оказывается, ведьма, да какая!.. Половина там хотят тебя выгнать от беды, половина уже начинают строить тебе собственное святилище, — Мира захихикала.

Энеата воззрилась на приятельницу, вытаращив глаза. Та отмахнулась, продолжая смеяться:

— Да ты не бойся. Выгнать тебя точно никто на самом деле не сможет. Никто не посмеет высказать подобное байру, а теперь и тебе самой... Слушай, Эне! Как так вышло, что ты стала невестой байру?! Говори тайну, скорее! Я тоже хочу себе военачальника! Не, не твоего, конечно, ты не думай! Вот только это... как же с Нунной? Я уже решила, что мы

станём сестричками, а тут такое дело... Но я, конечно, тебя не виню! Кто бы отказал? Он тебе прямо просто взял и предложил стать его женой? Боги, боги, столько всего происходит, а я сижу дома и только слушаю! Думаешь, если я поеду в Идшар, я найду там кого-нибудь? А может, этот лекарь Лис — ничего? Слушай, ты хоть что-то слышала об эсине Идшара? У него вроде двое сыновей ещё не женаты, да?

Энеата вздохнула, вновь опуская голову на подушку. Вопросы Миры, похоже, не требовали ответов, да и говорливая девушка явно успевала забыть предыдущий вопрос, начиная произносить следующий. Асу задумалась о своём, закрыв глаза и слушая несмолкаемое щебетание подруги вполуха.

— ...и тут она такая говорит, мол, что ничего против не имеет, а я... О! Нунна! Проходи, братец. Мы как раз говорили... ой. Эне, а о чём мы говорили?..

Энеата поднялась, поворачиваясь и смотря на вошедшего в комнату Нунну. Юноша казался смущённым; отводя взгляд от Эне, он теребил пальцами кудри, сбивая уложенную маслом причёску в нечто непонятное.

— По-моему, я говорила что-то про Идшар. Ох! Забыла. Нунна, что сказал папа? Ты почему так долго? Там уже темнеет или нет? Ой, Эне! Я вспомнила, совсем забыла тебе сказать — байру Асахир велел передать тебе, чтобы ты зашла к нему, когда проснёшься и поешь... Наконец хоть увидела его вблизи! Боги милостивые, я думала, на ногах не устою, в дрожь бросает от одного вида. А как голос услышала — вот честное слово, думала, в обморок упаду. Такой грозный! Он тебя уже целовал? Хи-хи-хи!.. Я бы умерла!..

— Мира, помолчи! — сердито вмешался Нунна. — Эне, не слушай её, она дура. Как ты?

— Сносно.

— Я не должен был тебя оставлять одну, — каштановые кудри Нунны уже превратились в подобие птичьего гнезда, но юноша всё продолжал их теребить. — Извини меня. Прости меня, пожалуйста!

— Но она же сама сказала, что хочет одна пойти, ты не виноват, — вмешалась Мира. — Ты же...

— Мира! Помолчи!

— Нунна, ты всего на год старше меня, а делаешь вид, что очень умный и важный! Сама решу, когда мне молчать! И вообще, что ты пришёл сюда, мы с Эне без тебя прекрасно разговаривали.

— Дай угадаю — ты порола чушь без умолку, а она боялась тебя заткнуть. Так, Эне?

— Нунна!.. — возмутилась Мира.

Энеата грустно улыбнулась, не отвечая. Хоть беззаботная болтовня Фазмиры и пролетала мимо ушей, этот шум успокаивал асу, немного отвлекая от горестей. Виноватый и хмурый вид Нунны, напротив, казался лишним напоминаям об унылой действительности. Слушать же, как друзья ворчат друг на друга, было не слишком интересно, и Энеата произнесла:

— Ну, раз байру звал меня, я, пожалуй, пойду...

— Эй, он сказал сначала поесть! — возразила Фазмира. — Нунна, стоняй за едой?

— Нет, ты иди за едой, мне надо поговорить с Эне.

— Мне тоже! Вы меня всё время все затыкаете, а Эне слушает...

— Да она просто стесняется послать тебя подальше!

— Что?! Нунна, я тебе сейчас как...

— Нунна! Мира! — вмешалась Энеата, решив не дожидаться, пока брат с сестрой

перейдут к взаимным угрозам. — Я совсем не хочу есть. Мира, спасибо, что поговорила со мной, мне стало гораздо легче. Нунна, пожалуйста, проводи меня.

— Байру будет тебя ревновать, если будешь ходить с Нунной, — обиженно пробурчала Мира.

Энеата виновато улыбнулась подруге, идя к двери.

...Некоторое время они шли молча, затем Нунна, явно смущаясь, сказал:

— Эне... Слушай... Ведь теперь всем всё равно известно, что ты — Солнце Ахарта.

— И что?

— Значит, твоя якобы помолвка с байру...

— Наверное, уже бессмысленна.

— Ага... Значит, мы с тобой снова будем женихом и невестой?

— М... наверное.

— М, — так же невнятно ответил Нунна. — Слушай, я...

— Да?

— Нет, ничего.

Оставшийся небольшой отрезок пути они снова прошли в молчании. Остановившись недалеко от пары идшарских стражей, охранявших эту часть дворца, Нунна произнёс:

— Ну... всё?

— Пока, — отозвалась Энеата, не оборачиваясь и не задерживаясь.

Но один из идшарцев остановил её, позвав:

— Госпожа Энеата! Если вы ищете байру, то его нет во дворце. Он вернётся чуть позже.

— А господин Азмар?

Воин жестом указал на одну из дверей в отдалении. Энеата поблагодарила и направилась туда.

Сотник расчерчивал символы на мягкой глине письма, когда Энеата переступила порог. Не отвлекаясь от своего занятия и не оборачиваясь, Азмар на удивление дружелюбно провозгласил:

— Асу! Проходи. Удивлён, что ты пришла ко мне, но... Погоди-ка. Позволь пожать тебе руку, асу, — похоже, он едва сдерживал смех. — Я так давно ждал, чтобы кто-то хоть немного встряхнул эту... м... Боюсь, Асахир рассердится, если я научу тебя паре новых слов. Так что назовём её Дивиярой.

Энеата ответила на рукопожатие, боясь показаться грубой, но весёлость сотника казалась ей совершенно неуместной. Тот, похоже, понял и развёл руками, извиняясь:

— Прости, не мог сдержаться. Да-да, ты, конечно, сделала это не забавы ради. Но всё равно вышло здорово... Проходи. Садись.

— Отчего вы не ладите с госпожой жрицей? — не смогла удержаться любопытства Энеата.

— Личные счёты, асу. Слишком личные, чтобы доверять эту тайну тебе. Уж прости. Итак, что же могущественное Солнце Ахарта позабыло в моём скромном обществе?

— Я хочу попросить вас кое о чём, господин Азмар.

— Как любопытно.

— Господин байру всё ещё хочет отправить меня в Идшар?

— Вроде как.

— Я должна остаться. Я должна встретиться с Зарой. Я хочу убить пса.

— Миленькая маленькая асу жаждет мести?

Энеата поджала губы и спросила:

— Сам Ахарт, он... слишком ценен для Идшара?

— В смысле?

— Дедушка Хурсан... — Эне сглотнула, борясь с внезапно пересохшим горлом, — он... написал в письме, что... если уничтожить Ахарт, то это... «очистит прикоснувшихся к нему»... Это может сработать. Надо просто сломать сам артефакт, и Зара лишится силы. Почему бы не пойти простым путём?

— Хм. Нет, не думаю, что это сработает. Я уже думал об этом. Но ведьма, укравшая Ахарт в первый раз, что-то намудрила. Ведь сила не перешла к моему наставнику, убившему её, не вернулась в Ахарт, как должна бы, а отправилась по наследству. Это было совершенно непредсказуемо, и ни в одном тексте не было даже намека на то, что такое вообще может быть. Нет, тут теперь что-то сломано. И верить преданиям... уже не так надёжно.

— Но попробовать-то стоит? Хуже не будет?

Азмар пожал плечами.

— Эсин вряд ли позволит. Идшар много веков хранит Ахарт. Я поговорю с Асахиром, быть может, он сумеет убедить эсина. Но я не стал бы на это надеяться. Надо готовиться к большой драке.

— Об этом, собственно, я и хотела просить...

— Да-да...

— Я никак не смогу помешать, — пылко заверила Энеата. — Честное слово, я буду совершенно незаметна, не буду лезть в лишние дела, не буду надоедать разговорами, к походному быту придираяться не буду, всё, что надо делать, буду делать, слушаться приказов и... не знаю там... нести мешок и готовить еду, честно!..

Азмар не выдержал и засмеялся.

— Ох, — отмахнулся он. — Асу, ты такая... забавная.

— Самое меньшее, чем я смогу помочь — это приманить их. Она же точно придёт за мной. Да и всё же... Кое-что я всё-таки могу, правда? Если байру боится, что я буду мешать или что-то делать не так...

— Асу, — перебил Азмар. — Хорошо. Я и так с тобой совершенно согласен, не утруждайся. К чему столько слов... Хорошо-хорошо. Я поговорю с Асахиром.

— О чём? — раздался позади голос военачальника.

Энеата и Азмар разом обернулись к двери. Хмурый ещё более, чем обычно, Асахир переступил порог комнаты и сразу прошёл к дальней стене, усаживаясь на скамье и устало откидываясь на спинку.

— Ну? — добавил он, переводя недовольный взгляд исподлобья с Азмара на Эне.

— Асу жаждет отомстить и хочет идти с нами за ведьмой, — сообщил Азмар.

— Дело не в мести! — вмешалась Эне. — Я...

Асахир не стал дожидаться, пока Энеата закончит говорить, и кратко и резко ответил Азмару:

— Исключено.

— Почему, Хиру?

— Она ничем не поможет.

— Она приманит нам наших врагов.

— Она не справится с ведьмой.

— Но девочка имеет право на мечь! Тебе ли этого не понять?!

— Я не... — ещё раз безуспешно попыталась встрять асу.

— Я сказал — нет!

— Хиру, ты не прав. Ты придумываешь трудности там, где их нет! Я уже говорил...

— А я уже слышал! — повысил голос военачальник.

— Господин байру!.. — пискнула Энеата, пытаясь встрять в разговор, но её воззвания не заметили.

— Ты же видел, она не так беззащитна, как кажется!

— Довольно! Я не собираюсь...

— Ты предпочитаешь, чтобы нас убивали по очереди?

— Я предпочитаю, чтобы никто не умирал!

— Да ведь...

— Заткнись уже! — рявкнул Асахир.

Азмар собирался что-то ответить, но замер, уже было открыв рот, и, отмахнувшись, с размаху плюхнулся на скамью под окном, склоняясь и подпирая подбородок ладонью.

Энеата, закусив губу, развернулась было к двери, но Асахир остановил её:

— Я не разрешал тебе уходить.

— А я вас и не спрашивала, — ответила Эне.

— Боги!.. — воскликнул Азмар, разводя руки в стороны в отчаянном жесте. — Перестаньте же вы быть такими...

— Какими? — перебил Асахир, останавливая порыв товарища.

— А, сами разбирайтесь, — снова насупился сотник, затем, немного помолчав, встал и произнёс: — И вообще, я пойду. Моя сотня и так видит меня слишком редко. Удачи, асу.

Энеата и Асахир молчали, не глядя друг на друга, пока шаги Азмара не стихли вдалеке.

— Вы что-то хотели мне сказать? — спросила Эне, пытаясь поймать взгляд военачальника, но Асахир упорно смотрел себе под ноги.

— Хотел, — согласился байру, но не стал продолжать высказывания. Энеата терпеливо дождалась, пока он не добавил: — Я говорил с Дивиярой.

На это сообщение Энеата никак не отозвалась, решив подождать конца известия. Асахир шумно вздохнул, пригладил умасленные волосы и сказал:

— По её словам, ты не можешь справиться с ведьмой. Вы не можете сражаться друг с другом. Это какая-то особенность Ахарта. Поэтому тебе и нет смысла идти с нами.

— Но с Эадиву-то таких проблем нет? Сестре я всё равно не смогла бы причинить вреда... — устало ответила Энеата. — Даже теперь... не решусь...

Асахир наконец поднял взгляд, как-то странно посмотрев на Эне. Девушка смутилась, отворачиваясь и тихо добавляя:

— По крайней мере, я смогла бы привлечь её внимание. И вам не придётся тратить время на поиски...

— Это опасно.

— А что мне теперь терять? — пожала плечами Эне. — Убьёт так убьёт. Не волнуйтесь, не так-то просто сразу справиться с силой. Пока она сможет разобраться... Я думаю, это даже смутит и собьёт с толку на первое время. Вам наоборот станет проще...

— Энеата, — хмуро позвал Асахир, но отвёл взгляд и замолчал, когда Энеата вновь повернулась к нему.

— Да?

— Ничего...

— Так вы согласны? Я поеду с вами?

— Нет, — это прозвучало так резко, что асу на миг усмомнилась в своём желании. — Энеата, я уже говорил, что не хочу твоей смерти. Переждёшь опасность в городе. Обсуждению не подлежит.

— В городе?..

— Здесь, в Энарале. Теперь, когда все знают, что ты — воплощение Ахарта, отправлять тебя в Идшар опасно. Пока я не могу тебя сопровождать, тебе лучше туда не соваться.

— Пожалуйста, я должна пойти с вами!

— Нет.

— Я совсем не буду вам мешать! Вы даже не заметите моего присутствия! Я буду делать всё, что прикажете! Но я должна...

Она запнулась, вдруг о чём-то задумавшись. Помолчав, она тихо спросила:

— Сколько воинов погибло, чтобы вы смогли отомстить прежнему эсину? Почему мне одной нельзя умереть, чтобы хотя бы попытаться избавить мир от чудовища?

— Энеата!

— Ведь я не стану последней, кто потерял родного человека из-за Эадиву, ведь...

— Энеата!

— Вы не хотите брать на себя вину? Ведь вы воин. Сколько уже погибло по вашей вине? Одна лишняя смерть уже ничего для вас не изменит... Неужели вам не всё равно? Ваша суть — нести смерть. Так с чего бы вам мешать ей...

Асахир прикусил губу, поднимая на Энеату хмурый взгляд. Когда байру заговорил, его голос дрожал от ярости.

— Да что ты знаешь... — прорычал он. — Что ты вообще можешь об этом знать, девчонка?!

Энеата невольно попятилась назад, отступая от Асахира. Сейчас она понимала, что Фазмира очень точно описала чувства, которые вызывал идшарский военачальник. Даже теперь, когда в обожжённой горем душе девушки почти не оставалось места для страха, она едва не дрожала, глядя на байру. Однако Асахир усмирив гнев, тихо и сдержанно произнес:

— Не спорь.

Энеата отвернулась, из-за вернувшегося спокойствия байру устыдившись своего высказывания. Из всех сил стараясь унять терзавшую её обиду и злобу, жаждавшую выплеснуться хоть на кого-то, асу виновато сказала:

— Господин байру... Вы могли бы ответить мне на один вопрос, только честно?

— Не уверен. Попробуй.

— Если представить, что всё уже случилось, Эадиву и Зара мертвы... что тогда?

— Ура, победа. Что ещё?

— А со мной? Со мной вы что сделаете?

Асахир помолчал, то поднимая взгляд на Эне, то вновь отворачиваясь, пока, наконец, не произнёс медленно и, казалось, через силу:

— Эсин хотел говорить с тобой. Иди.

— Я не получу ответа?

— Не теперь.

— А...

— Хватит расспросов!

— Хорошо. Я пойду? — Асахир кивнул, но Эне задержалась, смущенно произнося: —

Господин байру... я, наверное, обидела вас...

Асахир пожал плечами.

— Сгоряча сорвалось... Простите мне мои слова. Не знаю, что со мной... Я вовсе не считаю вас злодеем.

— Нет?

— Нет.

— Почему же?

Энеата растерялась.

— В смысле?.. Но... да хотя бы из-за Энарана... Вы могли и вовсе сравнять город с землей. Но вы не тронули жителей, хотя могли.

— Я не мог.

— Что?

— У меня был приказ моего повелителя, он запретил делать это.

— О... — только произнесла Энеата.

— Твоё мнение изменилось, асу?

— Пожалуй, — пробормотала она. — Но... это же не значит, что без приказа...

— Теперь не проверить, да?

— Не проверить... — отозвалась Эне. — Но... вы не убили меня. Об этом точно никаких приказов быть не могло.

— Что скажут о войне, убившем женщину? Что он слишком слаб, чтобы биться с мужчинами?

— Вопрос чести?.. Но... А Нунна? Ведь и его...

Асахир совсем невесело усмехнулся. Сперва он помолчал, а потом тихо и хрипло, будто слова приносили ему мучение, произнёс:

— Я не убил его лишь потому, что не хотел, чтобы ты меня ненавидела. Если бы я не знал, что он дорог тебе... я просто сказал бы страже убить его.

— Эм, — неуверенно протянула Энеата, хмурясь. — Но... Здесь что-то не совпадает...

— Эсин хотел с тобой поговорить. Думаю, он хочет помочь тебе с вопросами наследства. Иди.

Эне не решилась спорить и, кивнув, удалилась.

Глава 23. В поисках Аарки

Отправленный в Иртассу отряд возвратился в город поздним вечером, когда красноватые отсветы заката угасли перед блеском зажжённых на улицах светильников. Идшарский военачальник встретил своих подчинённых уже в расположившемся под стенами Энарана лагере. Выслушав вернувшихся, байру Асахир приказал воинам собираться — с рассветом им предстояло покинуть Энаран и отправиться в путь к родному Идшару. Узнав, что сам военачальник собирается остаться здесь, на время назначив вместо себя одного из сотников, многие высказали недовольство; но Асахир не думал менять своё решение.

Азмар, конечно, добился разрешения сопровождать Асахира в походе. Торжественно и пафосно объявив товарищам, что сражение с древним чудовищем и малость взбесившейся Ааркой-Луной — дело, достойное сына Эллашира, а долг самого Азмара, как жреца — содействовать своему повелителю, Азмар передал управление своей сотней старшему из десятников и занялся сборами.

Слухи расползались по берегам Великой Реки с немыслимой скоростью, обрастая всё новыми подробностями и измышлениями. На улицах Энарана все только и обсуждали, что забредшее в их края воплощение Солнца, уже за вечер подзабыв, что выдумали, а что было на самом деле. Немногие связывали призванное сияние с колдовством и силами Ахарта; куда больше людей и впрямь были склонны приписать Энеате родство с божественной Адуаной, повелевающей дневным светилом. Что касается вестей, принесённых торговцами с окрестных земель и соседних городов, то там мысли дарфийцев занимала Аарка и покорённое её чудовище. Сложно было понять, как сообщения расползались по земле с такой скоростью; и всё же судьба сестёр начинала интересовать всё больше людей.

Асахир не напрасно вновь запретил Энеате покидать пределы небольшой части дворца. Юная и неопытная девушка, слишком занятая своим горем, не замечала и не понимала взглядов и перешёптываний встречавшихся людей, не могла оценить последствий своей вспышки. В глазах и словах обитателей дворца слишком ясно читались ужас и страхи, пусть и смешанные с каким-то болезненным обожанием. Если бы они поняли, что юная асу далеко не так грозна, жизнь Энеаты оказалась бы в опасности. Асахир понимал это; Энеата вряд ли смогла бы даже допустить мысль о чём-то подобном.

На город спустилась глубокая ночь; стражники, обходившие Энаран, гасили светильники, выпуская на волю ночной мрак. Улицы пустели, стихал шум во дворце; байру Асахир, с тоской поглядев на любимое копьё, отложил его в сторону.

— Не берешь? — удивился Азмар, тихо сидевший в углу комнаты и наблюдавший за сборами военачальника.

Асахир едва заметно качнул головой.

— Глупо получается, — протянул Азмар. — Всё время так ждал, когда же выпадет подобное приключеньце, а тут... знаешь, страшновато.

— Я говорил — иди домой.

Азмар фыркнул в ответ.

— Ты плоховато слушал Ашшару, дружище Хиру. Пропускал мимо ушей слишком много ценных советов. Нет, пропадёшь ты без меня.

Асахир невесело улыбнулся. Свернув полотно небольшого шатра и перевязав его верёвками, военачальник остановился и оглядел сложенные вещи каким-то растерянным взглядом.

Покосившись на друга и хмыкнув, Азмар как бы невзначай произнёс:

— Я проходил мимо её двери, когда возвращался с кухни. Она ещё не спит. Плачет, слышно. Ты сходил бы к ней.

Асахир поджал губы, но не стал отвечать. Молча поднявшись, он вышел из комнаты.

...Сквозь тонкую тростниковую дверь и впрямь слишком отчетливо слышались порохи и тихие всхлипывания. Асахир протянул было ладонь к кольцу дверной ручки, но, остановившись, отдёргнулся и постучал — тихо и осторожно.

Хныканье стихло, Эне, шмыгнув носом, неуверенно спросила:

— Кто там?

Отзываться Асахир не стал, открыв дверь и остановившись на пороге. Юная асу, похоже, не собиралась спать; не погасив светильника, она сидела на полу под окном, обхватив колени руками. Распущенные волосы, взъерошенные и спутавшиеся, опутали её рыжеватым покрывалом, а блеск воды в покрасневших и опухших глазах слишком явно виднелся даже в слабом и дрожащем свете.

Подняв на вошедшего отрешённый взгляд, Энеата молча ждала.

Асахир как-то неуверенно и смущённо спросил:

— М-м... Не спишь?

Энеата едва заметно повела головой в сторону, посчитав это достаточным ответом.

— Хм... Могу я войти?

— Вы уже здесь, байру, — неожиданно спокойно прозвучал голос Энеаты.

Асахир шагнул вперёд, переступил порог и закрыл за собой дверь.

— Утром уходите? — так же ровно произнесла девушка, словно и не плакала несколько мгновений назад.

— Да. Рано, так что... Подумал, что утром тебя будить не стану. Я... я хотел попрощаться.

— Что ж. Доброго пути.

— Это всё?..

Энеата шумно вздохнула, стёрла сжатыми кулаками слёзы со щёк и добавила уже куда менее хладнокровно:

— Байру, возьмите меня с собой, — её голос дрогнул, выдавая смятение. — Я должна идти. Поймите...

Асахир только помотал головой, очередной раз отказывая. Энеата продолжила, уже срываясь, перемежая слова всхлипами:

— Как же так... ведь всё... ведь всё для меня кончилось... Хотя бы... хотя бы завершить... то, что дедушка сказал... ведь это моё... дело...

— Всё для тебя только начинается, — ответил Асахир, подойдя ближе и опускаясь на корточки рядом с Эне.

— Каково это? — вдруг спросила Эне, закрывая глаза и жмурясь.

— Что?

— Отомстить.

— Месть даёт силы жить. Пока не свершится.

— А потом?

— Потом... — Асахир вздохнул. — Потом — пустота и разочарование.

— Вы всё ещё горюете по вашему побратиму?

— Конечно.

— Но вы выглядите совсем спокойным. Всегда.

— Я воин.

Они оба помолчали, не решаясь продолжать беседы, пока Энеата не спросила:

— А чудовище и... Зара? Вам... не страшно идти?

— Страшно? — Асахир задумчиво почесал кончик уха, размышляя над вопросом. — Знаешь, в этой жизни мне были дороги шестеро. Пятеро из них мертвы, а шестой идёт вместе со мной. Чего мне бояться, Эне? Разве что...

Протянув руку и осторожно проведя ладонью по всклокоченным золотистым волосам Эне, Асахир хмуро добавил:

— И всё же я хотел бы вернуться. Конечно, хотел бы.

— Возьмите меня с собой, — настойчиво произнесла Эне. — Я смогу помочь. Я знаю.

— Нет.

— Вы же понимаете, что я всё равно пойду? — в этот раз её голос прозвучал вкрадчиво и как-то холодно. — Но вместе... нам всем будет безопаснее. Я ведь всё равно уйду.

— Ах да. Спасибо, что напомнила. В Энаране остаются несколько сотен идшарцев, — спокойно ответил Асахир. — Два десятка будут сторожить лично тебя.

— Думаете, не смогу ускользнуть?.. — Энеата даже улыбнулась, ничуть не сомневаясь в своих силах.

Но Асахир, не смутившись, продолжил:

— Если ты покинешь дворец, головы я поснимаю с них. Так что хорошенько подумай, если надумаешь уйти.

Эне закусила губу.

— Это нечестно, — возмутилась она. — Они-то ни в чём не виноваты!

— Пока что, — согласился Асахир. — Но если упустят, то будут.

— Вы можете и не вернуться.

— Ты хотела бы этого?

Энеата, посмотрев на Асахира, спокойно ответила:

— Нет. Конечно, нет. Но если выбирать между одной жизнью и двумя десятками, то я предпочла бы спасти два десятка.

Асахир поднялся, несколько мгновений простоял, как-то странно глядя на Энеату, затем развернулся и зашагал к двери.

Энеата успела сказать вдогонку:

— Байру! Байру!

Асахир не остановился и не ответил.

— Асахир!.. Я очень хочу, чтобы ты вернулся, — прошептала Эне уже в пустоту.

Заснуть не удавалось. Энеата встретила рассвет, ворочаясь и безуспешно заставляя себя задремать. Когда ещё в полумраке за окном раздались первые трели утренних птиц, опережавшие пробуждение солнца, юная асу поднялась и переделась в свою старую тунику. Залатанное одеяние не сгодились бы для окружавших её роскошных комнат дворца, да и для прогулки по городу; но Энеата собралась туда, где красивое облачение было бы вовсе не к месту.

Наскоро побросав в сумку часть своих небогатых пожитков, Энеата почти бегом покинула свою комнату, устремившись к другой половине дворца.

От внимательных взглядов стражи её вновь укрыло колдовство, и в комнату Фазмиры Энеата скользнула незамеченной.

Дочь эсина спокойно спала с выражением безграничного блаженства на лице, и Энеате было жаль будить её; не решившись потревожить спящую девушку, Энеата положила на столик у окна начертанное вечером письмо.

— До встречи, Мира, — зачем-то вслух попрощалась Эне и пожелала: — Сладких снов.

Из дворца она вышла с первыми розовыми лучами солнца, только коснувшись верхушек башен; но она не была первой из тех, кто уже начал свой день. Идшарский рог прозвучал над городом, когда Энеата только шагнула на верх широкой лестницы; более высокий голос рога Энарана раздался чуть позже, позволяя ночным стражам удалиться на покой.

Колдовской морок позволил Эне без вопросов и сложностей пройти в нужную ей часть города; ворота Адуаны уже были отворены, и через раскрытые створы асу наблюдала, как идшарцы сворачивают оставшиеся шатры.

Энеата сердито прикусила губу. Она надеялась прийти немного раньше, когда на поле у стен города оставалась лекарская палатка, видная издалека; как теперь найти в огромной толпе людей Таллиса, Энеата не знала. Асу хотела попросить у приятеля займы некоторые лекарства, которые казались ей необходимыми в пути. В её собственной сумке почти ничего не осталось, да и брала она с собой изначально не много, думая, что особых сложностей в дороге не предстоит. Энеата могла бы обратиться за помощью к Нунне, но знала: Нунна не даст осуществить задуманное.

Эне прошагала сквозь ворота и остановилась в тени растущих вдоль тракта финиковых пальм. Стараясь не обращать внимания на порывы чар, Энеата вглядывалась в суетливую толпу, ища знакомые лица.

Солнце приподнялось над далёким горизонтом, розовый туман сменился ярко-золотым сиянием, повторно пропел энаранский рог, и город начал просыпаться. Пять сотен воинов Энарана, что Идшар забирал к себе на службу, покинули ворота, выстраиваясь рядом с идшарцами; запряжённые онаграми телеги вывезли пожитки отбывавших в новый дом, а следом выходили провожавшие воителей родные и просто любопытные зеваки.

Пройдя в сторону столпившихся горожан, Энеата разрушила чары, уверенная, что среди множества других людей её не заметят.

Два войска вновь стояли рядом; но в этот раз военачальник Энарана мирно приветствовал вышедшего ему навстречу Асахира. Два байру о чем-то спокойно переговорили; Энеата нервничала, понимая, что издалека не услышит ничего интересного.

Эсин Арнунна с семьей и стражей вышел к войскам чуть позже. Энеата хотела пробраться в первые ряды, чтобы последить за происходящим, но слишком боялась привлечь чьё-либо внимание.

Эсин старался держаться достойно, не выражая волнения и тревоги; однако его супруга с трудом сдерживала слёзы. Нунна и Фазмира покидали Энаран вместе с воинами — в залог верности Энарана; и хотя Нунна мечтал служить Идшару, а Фазмира просто никогда не теряла веселья и уверенности в доброй судьбе, их родители явно не были столь же спокойны.

Похоже, Фазмира не нашла письма, покидая свою комнату. Она явно сосредоточена на другом, любопытно озираясь по сторонам и что-то бегло рассказывая стоявшему рядом старшему брату.

Военачальник Идшара приблизился к семье эсина в сопровождении нескольких воинов. Асахир выглядел ещё более хмурым, чем обычно; однако Арнунну он приветствовал весьма дружелюбно:

— Да осенят твой путь боги, эсин.

Громкий голос военачальника был прекрасно слышен и здесь, в задних рядах столпившихся зевак. Арнунна же отвечал тихо и не слишком чётко, и Энеата не разобрала ответа. Однако по следующим словам Асахира можно было догадаться о словах эсина:

— Не беспокойся, эсин. Твои дети будут в безопасности. А сотни Энарана вернуться домой через три года, если не будет иного приказа моего повелителя.

Ответа эсина Энеата вновь не расслышала, но в этот раз байру перевёл разговор в другое русло, и слова Арнунны так и остались тайной:

— Да, ещё, эсин, — военачальник на несколько мгновений смолк, затем продолжил: — Солнце Ахарта поживёт у тебя, пока я не вернусь. Её будут сторожить мои люди, твои могут не волноваться.

— Но, повелитель, — вмешался звонкий голос Нунны, — разве Энеата... не ушла с

вами?

Повисшее молчание длилось недолго, но достаточно, чтобы Энеата смутилась и на всякий случай покинула свою смотровую площадку, скрываясь внизу за спинами людей.

— Опять? — как-то спокойно произнёс Асахир.

— Я её найду! — вызвался Нунна.

— Нет. Эсин! Если объявится, постарайтесь удержать её на месте. Арнунна, госпожа Таман, — он слегка склонился, посмотрев в сторону жены Арнунны, — да хранят вас добрые боги. Сын эсина, иди за мной.

К удовольствию Энеаты, наблюдавшие за всем горожане не спешили расходиться, и ей не пришлось вновь прибегать к чарам — пёстрая толпа прятала её надёжнее, чем сила Ахарта.

Асу ждала среди зевак, пока строились войска, приготовившиеся пройти неблизкий путь, и не сходила с места, пока звуки рога не повелели воинам отправляться. Фазмира в сопровождении служанок примкнула к шествию энаранных воинов; Нунна же покидал дом в строю идшарцев. Часть воинов Эллашира осталась в городе; энаранская стража проводила их сквозь ворота ко дворцу. Асахир, которого легко можно было узнать и издалека, от стен Энарана отошёл вместе со своим войском.

Толпившиеся у ворот люди потихоньку начали разбредаться, и чары вновь скрыли Энеату, спешно устремившуюся следом за удалявшимися воинами. Потеряв военачальника из вида, она вплела его имя в колдовство, взволнованно призывая и отчего-то удивляясь звучанию:

— Асахир...

Странно хмурый сотник обратился к Асахиму, призывая:

— Повелитель! Посмотрите туда, — он кивнул головой куда-то назад, к стенам города.

— И? — с такого расстояния подробно разглядеть тёмное пятно, похожее на человека, было сложно, и Асахир, как ни вглядывался в одинокую движущуюся фигуру, не мог сказать ничего толком.

— Это Римиар, — уверенно сообщил Азмар. — И кроме него ещё чувствуется призыв, но пока не слишком чётко.

— Призыв?

— Да, она сама нас ищет.

— Ротнар! — громко окликнул Асахир.

Один из сотников покинул вышагивающих воинов, спешно подбежав к военачальнику.

— Всё, я вас покидаю, — Асахир протянул ладонь, обменявшись с соратником рукопожатием, и добавил, уже останавливаясь и поворачиваясь в другую сторону: — Ступайте с честью...

— Возвращайтесь со славой! — согласно идшарскому обычаю отозвался тот.

Широкими шагами устремившись навстречу идущему вдаль Римиару, военачальник покинул своих соратников; торопливо попрощавшись с Ротнаром, сотник Азмар последовал за другом.

Через пару десятков шагов Асахир и сам узнал в приближающемся силуэте отправленного им на разведку жреца; когда они наконец поравнялись, Римиар, поклонившись подошедшему военачальнику, сообщил:

— Повелитель, Эадиву отпустила Дивияра по приказу госпожи Аарки. Точнее...

— Уже знаю, — буркнул Асахир.

Римиар, похоже, смутился, и Азмар объяснил ему:

— Дивияра уже сама рассказала. Что сама ведьма, нашёл?

— Она теперь не особо скрывается, похоже. Когда я проходил через одну из деревень, там говорили, что она бродит где-то рядом. Они оставляют ей подношения на окраинах, как богине луны — молоко, серебро и цветы. Я знаю ещё, что она какое-то время открыто жила в святилище в Эорне, к счастью местных жителей. Вообще, в половине деревень, где никто не пострадал, оказывают ей всяческие почести. Там, где кто-то погиб от её пса, люди менее дружелюбны, но страха в них всё равно больше, чем неприязни.

— Повелитель, Эне где-то рядом, — очень тихо вмешался Азмар.

Римиар замолк, оглядываясь, а Асахир громко произнёс в никуда:

— Эне, иди сюда. Не бойся.

Очертания девушки возникли из пустоты, в паре десятке шагов от остановившихся мужчин. Неспешно подойдя ближе, опустив голову и не глядя на уставившихся на неё идшарцев, Эне обиженно буркнула:

— Как вы узнали, что я здесь?

— Спроси Азмара, — отозвался Асахир. — Римиар, что ещё?

Тот пожал плечами. Асахир хмуро продолжил:

— Деревни придётся обходить. Или вызвать отряд воинов с собой.

— Надо бы найти её побыстрее, — добавил Римиар. — Если не заходить в деревни... еды не так много.

Азмар согласно кивнул. Энеата, посмотрев поочередно на всех, спросила:

— А можно я просто позову её, и она придёт за мной сюда? И не надо будет искать.

— Если она будет знать, где ты, — покачал головой Асахир. — Она придёт тогда, когда ей это удобно. Если мы будем знать, где она, то время выберем мы сами.

— В любом случае, она не знает, что Эне не одна, — решил возразить сотник. — Скорее всего, она просто примчится при первой возможности.

— Римиар, где её видели в последний раз?

— Возле деревни Иноара, — отозвался жрец. — Думаю, она пошла к старому святилищу Аарки в Делле, там её давно ждут размечтавшиеся фанатики.

— Ну вот туда и пойдём.

Глава 24. Признание

— Ну, и что мне с тобой делать? — обреченно простонал Дарий.

Маленькая девочка еле дышала, выбившаяся из сил от долгого бега на пределе своих возможностей. Догнав Дария, она просто упала на пыльную землю рядом, уткнувшись в неё носом.

— Куда смотрел Инар? — Дарий покачал головой, опускаясь на колени и поглаживая кроху по светлым волосам. — Ты как выбралась?

Она не отвечала, зарывшись мокрым заплаканным личиком в сухую траву.

— Глупая какая! Вот за какие преступления мне такое наказание? Возиться ещё с тобой. Ты что думаешь, легко тебя с собой таскать? Хорошо хоть ты нашла меня. Глупая, глупая несносная девчонка! А если бы заблудилась?

— Не уходи...

Идшарцы шли быстро, не сбивая ровного дыхания и размеренных шагов, не смущаясь тяжёлой ноши на плечах. Энеата считала бы неподъёмным грузом одно лишь вооружение Азмара и Асахира — огромные щиты, которые воины не поленились тащить в поход вкупе с мечами и целым набором различных ножей уже казались достаточной причиной для усталости. Но мужчины ещё и облачились в тяжёлые и плотные многослойные туники, о весе которых Энеата ничего не знала, но могла догадываться. Третий идшарец, которого называли Римиаром, до встречи с Азмаром и Асахиром шёл налегке, неся лишь маленькую поясную сумку; однако сотник тут же отдал ему заплечный мешок немалых размеров, явно не слишком лёгкий.

Энеата не могла сравниться со своими спутниками ни выносливостью, ни шириной шага; то и дело переходя на бег, девушка старалась не отстать. Громкое сопение запыхавшейся асу не мог перекрыть свистевший на пустынной равнине ветер, и Асахир то и дело оборачивался, щуря на солнце зелёные глаза, хмыкая и вновь отворачиваясь.

Близился полдень. Четвёрка странников подошла к одному из каналов, несшему воды Великой Реки к деревне Луанши, и здесь, в тени разросшихся вдоль берега деревьев и кустов, жара была не столь невыносима. Однако, когда вновь обернувшийся Асахир остановился, сердце Энеаты радостно замерло в предчувствии необходимого отдыха.

— Устала? — насмешливо поинтересовался Асахир, укладывая на землю под смоковницей щит и сбрасывая с плеча сумку.

Азмар и Римиар, последовав примеру байру, скинули вещи и опустились на землю. Азмар тут же закрыл глаза, откидываясь назад и улегшись на чахлой траве. Римиар задержался, достав из мешка и растягивая меж деревьев тканевой навес.

Энеата замотала головой, стягивая с головы тонкое рваное покрывало. Ей хотелось растянуться на земле, подобно Азмару, и заснуть на пару дней, но асу, чинно прошагав чуть дальше, опустилась на корточки возле воды. Опустив руку и зачерпнув ладонью воды, она умылась, чтобы немного взбодриться.

Вода канала была слишком тёплой, чтобы справиться с усталостью и жарой, и слишком мутной, чтобы помочь с жаждой. Энеата тяжело вздохнула, разочарованно болтая рукой в воде и прикрывая сонные веки.

— Асу, — позвал Асахир, и Эне обернулась в его сторону. — На. Пей.

Военачальник протягивал ей флягу. Эне, на миг замешкавшись, поднялась и, подойдя, приняла её. Пить хотелось, пожалуй, слишком сильно; однако, сделав один глоток, Энеата поблагодарила байру и хотела отдать флягу, но Асахир, покачав головой, сказал:

— Оставь себе. У меня вторая есть. У Римиара и Азмара тоже полны.

Несколько мгновений недоверчиво смотрев на военачальника, Энеата пожала плечами и выпила столько, сколько сочла достаточным.

— К святилищу в Делле можно пройти через Иноару, — произнёс Римиар, обращаясь по-видимому, к Асахиму, но не поворачиваясь в его сторону. — По следам ведьмы. Так мы точно сможем выследить её. Заодно пополнить запасы воды в источнике неподалёку.

— В Иноаре её приветствовали, как богиню, разве нет? — не открывая глаз, ответил Азмар. — Если там обитают её поклонники, они не дадут нам незаметно подобраться к ведьме. Малютка асу умеет неплохо прятаться, но нам с вами от любопытных глаз не скрыться.

— Где проходит самый короткий путь? — спросил Асахир.

Римиар пожал плечами и сказал:

— Наверное, через Иноару и будет короче всего.

— Нет, — возразила Энеата. — Иноара в стороне. Самый короткий путь пройдёт между Иноарой и Иртассой. Мы с дедушкой Хурсаном... — она запнулась, затем продолжила, переборков ком в горле: — Мы как-то ходили в Делле на праздник Первой Луны.

— Вы же арадцы? — прищурился Асахир. — Разве вы не последователи Единого Света?

— Но мы лекари, — буркнула Эне. — А там тогда половина деревни отравились пивом.

Асахир и Римиар дружно засмеялись, а Азмара, похоже, посетила какая-то вдохновляющая идея.

— Эне, а ты сможешь как следует припугнуть обывателей, если понадобится? — поднялся и сел Азмар, распахивая глаза.

— Смогу, — как-то неуверенно произнесла Энеата. — Но...

— Но?

Девушка пожала плечами, и Азмар продолжил:

— Почему бы не воспользоваться затеями самой Зары? Если люди были рады встретить Аарку, почему бы им не приветствовать и Адуану? Устрой им представление навроде того, что ты учудила в храме Энарана, и они нам сами выдадут Зару.

— А... хм... госпожа асу и дальше пойдёт с нами? — поинтересовался Римиар.

— Я боюсь причинить кому-нибудь вред, — нахмурилась Энеата, не обращая внимания на вопрос жреца. — Я не слишком хорошо себя сдерживаю, могу увлечься.

— Не волнуйся, Хиру ещё раз приведёт тебя в чувство, — хмыкнул Азмар.

Асахир, кашлянув, негромко вмешался:

— Да, Эне, я... кажется, забыл за это извиниться...

— И не вспоминайте. Господин Римиар, а есть надежда, что в Иноаре не все рады Заре?

— Не думаю, госпожа асу.

— Однако на вопросы о ней они отвечают охотно?

— Думаю, ответят, если спрашивать осторожно и ничем не выдать истинных целей...

— А в святилище в Делле, — встрял байру, — что насчёт стражи и жрецов?

— Не знаю, — ответил Римиар. — Не бывал.

— В смысле — что насчёт? — не поняла Энеата.

— Сколько их?

— Храмовой стражи там вообще нет, а жрецы... на празднике я видела пару десятков. А что?

— А в самой Делле?

— Не знаю. В праздник никто на страже не стоял, все были в праздничных одеждах и без оружия. А что?

— Ничего, — отстранённое выражение лица военачальника показалось Энеате подозрительным, но расспрашивать она не стала.

— Воды и еды должно хватить на путь в Деллу, если не заходить в деревни по пути! — заметил Азмар. — Сколько там идти? Дня три?

— Думаю, лучше всё-таки пройти поближе к Иноаре и зайти к источнику, — возразил Римиар.

— Крюк, — хмуро отозвался Асахир.

— Я согласна с господином Римиаром, — решила выразить своё мнение Энеата. —

От Арка до Деллы мы ехали три дня. А тут мы пешком и из Энарана, откуда дальше. В три дня мы никак не уложимся даже напрямик!

— Азмар, согласен?

Сотник пожал плечами и откинулся обратно на землю. Асахир сказал:

— Хорошо. Через источник.

Привал был недолог, хотя Азмар, похоже, успел даже вздремнуть. Римиар собирался успеть к вечеру добраться до небольшой рощи, чтобы не ночевать посреди равнины; Энеата не решилась задерживать спутников из-за собственной усталости. Из-за полуденной жары, явно ощущаемой даже в тени деревьев и тряпичного навеса, юная асу не чувствовала голода, и отказалась от предложенных хлеба и вяленого мяса. Ожидая, пока идшарцы закончат скромную трапезу, Энеата отошла вглубь зарослей, скрывших её от глаз воинов; когда она возвратилась, Асахир уже встал и взял щит, собираясь продолжить путь. Римиар спешно стянул с веток ткань и, свернув её и спрятав в заплечный мешок, сообщил, что готов идти. Сонный Азмар потянулся, широко зевая, и тоже поднялся.

Хотя самое знойное время путешественники переждали, до вечерней прохлады было ещё далеко. Энеата быстро переборола возникшее желание помочь в переносе тяжестей — девушка не была уверена, что справится хотя бы с собственным телом. Мысли о предстоящей встрече с сестрой, которыми Энеата собиралась взбодриться, повлияли совершенно иным образом — Энеате лишь сильнее захотелось заснуть и больше ни о чём не думать и не волноваться.

Она по-прежнему с трудом догоняла воинов; Асахир всё так же часто оборачивался, изучающе глядя на Эне, но ничего не говоря. Сухая земля вокруг казалась слишком однообразной и скучной, чтобы отвлекаться на осмотр окрестностей.

Наконец на горизонте появились высокие холмы, обещавшие сменить ровную, как стол, каменистую пустыню с редкими клочьями растительности. Римиар сообщил:

— Вон там. Там можно устроиться в сухостое между склонами. Я уже ночевал там, когда возвращался, отличное место.

Энеата еле сдержала радостный восклик, поняв, что идти осталось недолго — по крайней мере, на сегодня. Свет солнца желтел, начинался вечер, и поднявшийся ветер обещал прохладную ночь; однако нахлынувшее было облегчение сменилось отчаянием, когда Эне увидела эти холмы вблизи. Их склоны оказались слишком крутыми, да и острые камни, всюду торчавшие пугающими лезвиями, не сулили лёгкого и безопасного подъёма.

Стон недовольства вопреки воле слетел с губ, и Асахир обернулся, пристально глядя на Энеату:

— Что?

— Какие ужасные холмы, — сердито буркнула Эне, тяжело дыша. — Как по ним лезть?

Байру пожал плечами, продолжая путь.

Подобравшись к склону вплотную, спутники на несколько мгновений остановились, выискивая взглядами самое удобное место для подъёма.

— Лучше не прямо, — посоветовал Римиар, делая шаг вперёд. — В прошлый раз немного осыпалось...

Римиар пошёл первым, сильно наклоняясь вперёд и вытянув вперёд руки, готовый в любой момент упасть; он сворачивал с прямого пути то влево, то вправо, идя наискосок по склону, словно по невидимой тропе, держался руками за выступы камней. Азмар, подождав, отправился следом, на всякий случай зажав в руке тонкий нож. Асахир задержался,

собираясь пропустить Эне.

— Иди, — кивнул на склон Асахир. — Это не так сложно, как кажется. Просто начни идти. Следом за Азмаром, не сворачивай.

— А что бы вам не пойти тогда вперёд, — буркнула Эне.

— А я прослежу, чтобы ты не далеко падала, — усмехнулся Асахир. — Иди давай.

Насупившись и некоторое время собираясь с духом, Энеата всё же шагнула на склон. Сделав несколько шагов, она чуть не съехала обратно, неудачно наступив на плохо державшийся камень. Пошатнувшись, она испуганно вскрикнула.

— Ноги согни, — спокойно посоветовал уже стоявший наверху Азмар. — И наклонись. Вперёд падать мягче, поверь. В данном случае ещё и ближе.

Сердито поджав губы, Эне всё же последовала словам сотника и успешно вскарабкалась до середины склона. Но дальше начинался слишком крутой подъем; Энеата остановилась, оглядываясь в поиске чего-нибудь, похожего на ступеньки.

Римиар спустился чуть ниже и подал Энеате руку, предлагая свою помощь; однако, когда Энеата уже крепко держалась за ладонь жреца, перенеся вес и готовясь преодолеть последний отрезок пути, торчавший камень под ногой Римиара вдруг сорвался. Жрец упал, выпуская ладонь Эне. Азмар рванулся вперёд, подхватывая Римиара и спасая того от падения; девушка не устояла, потеряв опору, и, опрокинувшись навзничь, покатила по обрушающемуся склону.

Хотя Асахир успел подлететь к падающей асу и поймать её, падение сложно было назвать мягким. Энеата успела прокатиться по камням и расцарапать кожу и одежду острыми гранями валунов и кое-где торчавшими сухими ветками.

— Ты что, считаешь, что синяки тебе к лицу? — сердито произнёс Асахир, осторожно опуская Эне на землю.

— Я же не нарочно! — возмутилась в ответ Энеата.

— Римиар, ты как? — посмотрев наверх, спросил байру.

Римиар, поднявшись с помощью Азмара, сообщил:

— Ничего... Простите, госпожа асу...

— Ничего! — заверила Энеата.

— Ещё разок, — приказал Асахир. — Держись покрепче.

На этот раз военачальник шёл сразу за ней, придерживая и иногда подталкивая вперёд. Наконец поднявшись на верх холма, Энеата распрямилась и отряхнула перепачканные ладони и тунику. Оглядевшись и встретив взгляд Асахира, она резко отвернулась, отчего-то смущаясь и чувствуя, как горячая кровь приливает к щекам.

К счастью Энеаты, спуск оказался куда более пологим, да плотно поросшим травой. Пройти в окружённую со всех сторон склонами старую рощу с уже высохшими деревьями было несложно, и вскоре путники уже устроились на огромном плоском валуне у подножия одного из холмов.

— Успели даже прежде заката, — с довольной улыбкой сообщил Азмар. — Так, я сторожу последним, всё, не трогайте меня!

Растянувшись на постеленном на камне плаще, Азмар блаженно прикрыл веки.

— Есть не собираешься? — засмеялся Римиар.

Азмар снова открыл глаза, несколько мгновений пролежал с самым задумчивым взглядом, а затем резко сел, провозглашая:

— Ну да! Поесть я не прочь.

...Хоть Энеата и мечтала весь день о прохладе, встречать закат оказалось приятнее возле горячего костра. Созерцая усталым взглядом пляшущий огонь, Эне всё же не хотела засыпать, предаваясь своим мыслям.

Азмар и Римиар уже мирно спали, растянувшись на постеленной на камне плотной ткани, подоткнув под головы сумки. Байру Асахир устроился поодаль — поднявшись на один из ближайших холмов, он бдительно оглядывал окрестности, охраняя покой товарищей.

Последние отсветы солнца угасли, и резкие порывы холодного ночного ветра унесли тёплые ароматы приторно-сладкого левкоя и пряной сухой травы. Костёр угасал, тлели последние угли, и Энеата не знала, надо ли подбросить ещё хвороста. Понимая, что на вершине того холма байру Асахир услышит только громкий крик, Энеата встала и подошла поближе.

С этой стороны подняться было совсем не сложно. Пологий склон подсвечивали отблески пламени костра; Асахир сидел на земле, ссутулившись поджав одно колено к груди. Остановившись в нескольких шагах от военачальника и не сумев понять во мраке, смотрит ли он на неё или куда-то в сторону, Энеата позвала его.

— Да? — спокойно спросил байру.

— Я хотела спросить, надо ли...

— Нет.

— Что нет?

— Не надо. Пусть гаснет.

— А... — растерянно выдохнула Энеата. — Ну... ладно.

— Не спится?

— Ага.

— Иди сюда.

Энеата, быстро оглянувшись назад, на костёр, всё же подошла ближе, встав рядом с воином.

— Знаешь, в какой стороне отсюда Идшар? — поинтересовался Асахир.

Энеата пожала плечами и отозвалась:

— Где-то ниже по течению Великой Реки. Стало быть... — она огляделась и махнула рукой в сторону. — Там?

— Нет, — в темноте Энеата не могла разглядеть лица байру. — За Энараном, в междуречье, Река поворачивает, огибая Ирнарис. Арилон течёт туда, — он сопровождал слова жестом, показывая направление, — а Великая Река — вот туда... А там начинается Большой Хребет Ирнариса. Он идёт в сторону от реки, но потом она сворачивает к нему. Идшар во-он там.

Энеата, подумав, тоже опустилась на землю, но тут же резко поднялась, поняв, что почва остыла слишком сильно. Асахир, верно истолковав движение асу, скинул с плеч и постелил рядом с собой плащ.

— Садись, — предложил он.

Энеата поблагодарила и села.

— А Арк — там, — она показала в сторону своего родного поселения, вдруг подумав, что должна поддержать беседу.

— Да, — согласился Асахир. — Я знаю.

— Ну да, — растерялась Энеата, смущаясь.

— Тебе нравится твой город?

— Не думаю. Мне нравился наш дом, но... — Энеата шумно вздохнула, — Дело ведь не в здании, правда?

Асахир кивнул.

— Теперь, когда... Не важно. А вам... нравится Идшар?

— В Идшаре я вырос, в Идшаре я стал собой. Идшару я присягнул на верность.

— Это ведь не то же самое, разве нет?

Военачальник Идшара промолчал, не отвечая на вопрос юной асу. Девушка отвлеклась от созерцания равнины, теперь залитой светом вышедшей из-за тучи луны, и вновь нарушила тишину, поворачиваясь к Асахиру и произнося:

— Байру! Я думала, вы разозлитесь, что я пошла следом.

— Я разозлился.

— Ну... Тогда вы как-то непривычно тихо злитесь.

Асахир рассмеялся, а потом неожиданно и как-то слишком серьёзно произнёс:

— Энеата, дочь Хурсана из Арка, храни мой очаг.

— Что? — возмутилась Энеата. — Мне не до шуток, байру!

— Мне тоже.

— Что за... что за глупости?

— Глупости?.. Я серьёзен, Энеата.

— Вы что... вы правда что ли хотите, чтобы я была вашей женой?

— А почему нет?

— Почему?.. — внимательно глядя на военачальника, спросила Энеата.

Тот скривился, на лицо вернулась привычная презрительная усмешка.

— Только не говори, что...

— Нет, — перебила Энеата. — Не спешите относить меня к томным девочкам, грезящим нежной страстью, господин байру. Я не собираюсь добиваться лживых признаний или вытягивать обманные восторги. Я хочу услышать простой и чёткий ответ. Я знаю, что некрасива, приданое у меня... неплохое, но для простого человека, не для вас! То же и с именем. Ну разве я нужна вам? Как я могу в это поверить? Вы смеётесь надо мной! Вы можете жениться на дочери любого эсина. Или... Почему бы вам не жениться на Дивияре? Она так красива, все желают её. Все будут завидовать вам!

Асахир молчал, внимательно глядя на Эне и по привычке шуря светлые глаза, пока, наконец, не произнёс:

— Ты приворожила меня, ведьма, и мне нет покоя, — слова Асахира прозвучали неприязненно и зло, и девушку объял страх. — Я желаю тебя сильнее, чем иссушенная земля — дождя.

Энеата отвела взгляд. В горле пересохло, и голос подвёл её, не дав произнести ни звука.

— Ты не хочешь этого, верно?

Голос военачальника по-прежнему пугал её. Энеата мотнула головой, но, не желая показаться ни равнодушной, ни излишне кокетливой, она всё же заставила себя говорить и произнесла:

— Я... байру, но ведь... Я уже обещалась Нунне.

— Это единственная причина для отказа?

— Я не хочу вас ненароком обидеть...

— Я похож на ранимого юнца? Говори, как есть, асу.

— Мы знакомы так мало... и совсем не знаем друг друга.

— Это легко исправить. Это само исправляется. Со временем.

— Но... — растерялась Эне, стараясь найти подходящие высказывания, сумевшие бы убедить байру Асахира в нелепости его предложения.

— Прошу тебя, говори, как думаешь, не выбирая слов. Будет лучше, если мы верно поймём друг друга.

Энеата, вжав голову в плечи, тихонько пробормотала:

— Тогда и вы скажите, как есть, байру. Почему такое вообще могло прийти вам в голову? Зачем я вам? Я же... я совсем не та, кто... — она запнулась и замолчала, решив дождаться ответных слов Асахира.

Тот тяжело вздохнул, сцепляя ладони. И его голос зазвучал тихо и хрипло, воин говорил так, будто каждое слово стоило ему невероятных усилий и больно ранило.

— В день, когда я ждал гонцов, которые должны были привести мне сына Арнунны... когда пришла весть, что он сбежал, когда посланные в погоню охотники Азмара вместо него притащили мне тебя... Ты вела себя так отважно, как способны не все мужчины. И у тебя были такие странные глаза. Такие голубые и... странные.

Он ненадолго замолчал, задумавшись, но Энеата не стала произносить ни звука, пытаясь понять сказанное. Асахир продолжил:

— Я не хотел снова попадать в эту ловушку. Любовь к женщине делает мужчину слабым. И когда ты попыталась сбежать, сказал Азмару отправить тебя домой. Но ты снова пришла. И снова — в порыве такой безрассудной, такой глупой отваги...

Военачальник поднял голову, повернувшись к Энеате, и спросил, привычно шурясь:

— Я ответил?

Энеата коротко и нервно кивнула.

— Но есть и еще одна причина — я вас боюсь. До дрожи боюсь, байру.

— И что? — похоже, и правда не понял Асахир.

Напряжённая и холодная тишина вновь повисла над ними.

— Плащ мой возьми с собой, а то замерзнешь, — вдруг поставил точку в беседе Асахир. — Завтра снова далеко идти...

Энеата задержалась, не решаясь просто уйти. Подняв с земли плащ, растерянно поблагодарила и вновь замерла, словно ожидая чего-то ещё.

Но Асахир больше не заговаривал. Эне, подождав ещё немного, всё же спустилась. Свернувшись калачом на краю расстеленного полотна, с головой накрылась плащом Асахира и крепко заснула, едва сомкнув веки.

Глава 25. Зверь древних сказаний

Утром Энеату разбудил Азмар, коснувшись её плеча. Когда девушка распахнула глаза, сонно уставившись на сотника, он тут же отошёл, дав ей время потянуться и зевнуть.

Сев, Энеата огляделась по сторонам. Солнце ещё скрывалось за холмами, но его свет уже озарил окрестности, пока не согревая. Асу поежилась, задумчиво пытаясь потянуть одеяло на плечи. Поняв, что одеяло таковым вовсе не является, она нервно сбросила плащ Асахира и тут же осторожно подняла и свернула его.

— Байру!.. — позвала она, вставая и протягивая сложенный плащ сидевшему совсем недалеко военачальнику. — Благодарю.

Асахир не ответил, молча взяв, даже не взглянув на Энеату. Девушке на мгновение

показалось, что ночной разговор ей приснился; но укрывавший её всю ночь от холода плащ военачальника свидетельствовал об истинности странной беседы.

Задерживаться воины не собирались. Проспавшая дольше всех Эне жевала свой кусок хлеба на ходу, так же, как и вчера, с трудом догоняя своих спутников.

Не удалось Эне и спокойно пообедать — останавливаться посреди открытой равнины на полуденный отдых идшарцы не хотели, собираясь подольше отдохнуть вечером, добравшись до рощи и источника. На вопрос Асахира о том, нужен ли Энеате отдых, девушка ответила решительным и гордым отказом, после чего много раз пожалела об этом, но признаться в слабости так и не решилась.

До рощи фиг, окружавшей источник, они пришли ранним вечером, когда жара ещё не спала. Едва ступив под тень деревьев, Энеата почти что рухнула на зелёную траву, растянувшись и закрыв глаза.

— Погоди спать, асу, — хмыкнул Азмар. — Выпей воды, съешь что-нибудь. А то завтра тебя тащить придётся.

— Да пусть спит, — отозвался уже ушедший вперёд, к самому источнику, Асахир. — Захочет есть — сама проснётся.

Но Эне, почти мгновенно заснувшую прямо на земле, вскоре разбудил не голод, а громкий и сердитый голос Азмара.

— Хватит мне тут рассказывать, — раздражённо произнёс он, обращаясь к кому-то. — Из Асахира разведчика не получится, верно, но...

Энеата не торопилась открывать глаза, прислушиваясь.

— Я уже достаточно дорог прошёл в одиночку, — холодно отозвался Римиар. — И с каждого пути принёс Идшару достаточно сведений. Ты же большую часть жизни проторчал в святилище!

— А я и не предлагаю тебя заменить. Пойдём вдвоём.

— Ты будешь только мешать!

— Я — мешать?!

— Да! И вообще, твоя прямая обязанность — оставаться с байру и защищать его.

— Смешнее ничего не скажешь, Рим! Уж Асахир точно способен сам о себе позаботиться.

— Как и я. Разве я не доказывал многие сотни раз, что прекрасно добываю сведения и прекрасно скрываюсь от всех, кому не нужно знать о моём прибытии?..

Энеата потянулась и села, с неохотой открывая глаза и оборачиваясь на споривших идшарцев. Асахир спал позади них, не обращая внимания на громкие возгласы; Азмар, встретив взгляд асу, нахмурился и, похоже, решил Римиару не отвечать. Но жрец не переставал возмущаться:

— Когда байру проснётся, увидишь, чьё мнение он поддержит. В отличие от некоторых, я...

— Заткнись, — кратко отозвался Азмар, и в этот раз Римиар решил согласиться, смолкая. — С пробуждением, асу. Есть хочешь? Вот полба имеется.

Азмар кивнул на небольшой котелок, уже стоявший на земле в стороне от догоравшего костра.

— Остыла, но... — развел руками сотник.

Энеата, кратко поблагодарив, встала и подошла к огню.

...Энеате снилось, что она возвратилась в Арк, и на пороге родного дома поняла, что всё было ложью, нелепым миражем. Живой и невредимый Хурсан встречал её у ворот, так тепло, как только он умел, улыбался, обнимая любимую воспитанницу и ласково приглаживая её рыжеватые волосы; пряный запах цветущего возле дворового колодца дерева утешал, веля забыть тревоги, и зов доброго слуги Амара приглашал отведать скромной домашней еды.

Проснувшись в темноте посреди дикой пальмовой рощи, Энеата накрылась плащом с головой, словно надеясь тут же возвратиться в сновидение. В следующее мгновение Энеата резко села, нервно озираясь по сторонам.

Темнота. Её не должно было быть. К вечеру резко похолодало, и, засыпая, Энеата ясно слышала, как Асахир велел остающемуся на страже Римиару поддерживать огонь.

Слабого света растущей луны было достаточно, чтобы Энеата, осмотревшись, поняла — Римиара нет нигде поблизости.

— Господин Римиар? — негромко позвала она, сперва подумав, что жрец просто отошёл. Не дождавшись ответа, повторила громче: — Господин Римиар!..

Энеата протянула руку, легонько толкая в бок спящего неподалёку Азмара.

— Господин Азмар? — нервно произнесла она. — Господин Азмар, просыпайтесь!

Но сотник не желал пробуждаться, даже когда Энеата пнула его со всей силы.

— Что же такое!.. — растерянно не то выдохнула, не то простонала асу. — Байру! Байру! Асахир!!!

— Никто не проснётся, сестра, — раздался тихий и нежный голос.

Энеа вздрогнула, резко разворачиваясь и озираясь по сторонам. В сумраке ночи роща по-прежнему была совершенно пустынной. Ветер стих, не слышалось ни шороха, ни стрекотания насекомых.

— Зара? — позвала Энеа, пытаясь разглядеть говорившую девушку.

— Ты помнишь моё имя, или тебе его сообщили?

Голос колдуньи вовсе не казался пугающим или злым. Что-то в её словах заставляло успокоиться, заснуть, раствориться в тёплом звучании. Энеата замерла, пытаясь почувствовать присутствие сестры. Но чары развеивались в пустоте, не находя таинственной колдуньи.

— Много лет, дорогая Ата...

— Где ты?!

— Рядом. Теперь рядом. Ты же не боишься меня, сестра? Ты не рада мне?

— Ты... — процедила Энеата, — ты убила дедушку Хурсана...

— Что?.. — растерянно произнесла всё ещё невидимая Зара, на пару мгновений смолкая. — Что ты говоришь?..

— Я всё уже знаю!

— Но я... Нет, нет. Это ложь, Ата.

— Ата?..

— Ата. Отец всегда называл тебя Ата. Ты совсем не помнишь?

— Нет... Покажись!

— Я чувствую злобу... и ярость... Нет, я не покажусь, пока мы не поймём друг друга. Мы же не хотим пожалеть о спешных поступках, верно, Ата?..

— Разбуди байру и Азмара!

— Твоих спутников? О, нет. Они нам точно помешают. Нам есть о чём поговорить

вдвоём. Только вдвоём.

В десяти шагах от замеревшей Энеаты поднялись от земли сероватые клубы тумана, вскоре обретшие очертания стройной девушки. Юная асу призвала чары, словно порывом ветра смахнувшие остатки мутной пелены; беловолосая красавица Зара предстала перед сестрой, уже не скрытая колдовством.

— Здравствуй, сестра, — тихо произнесла Зара, пристально глядя льдистыми глазами на Энеату.

— Что ты сделала с моими спутниками?

— Я? Ничего! Римиар услужил мне. Всего лишь сонное зелье, не беспокойся.

— Где твой пёс?

— Пёс?.. Ах, ты уже виделась с этой болтливой жрицей.

— Жрицей? Про Эадиву рассказал Римиар, — слишком спешно и нервно сообщила Энеата.

— Ну-ну.

Зара шагнула вперёд; Энеата попятилась, не отводя взгляда и не моргая.

— Да, много лет прошло, — задумчиво произнесла она. — Ребёнком ты была похожа на эрейскую соломенную куклу. А теперь...

Лицо Зары казалось спокойным и миролюбивым. Энеата остановилась, позволяя сестре подойти ближе и начиная сомневаться во всём, что ей сообщали о Заре.

— А теперь смотрю на тебя и вижу... как ты похожа... как ты похожа на отца...

Голос молодой колдуньи дрогнул, срываясь:

— Великий Свет, как же ты на него похожа!!!

Незримая сила сбила Энеату с ног. Девушка упала навзничь, не ожидавшая нападения и не успевшая защититься, но тут же откатилась в сторону и вскочила на ноги.

— Прости. Мне сложно сдерживать силу, — голос Зары вновь звучал ровно, хотя дышать она стала чаще и громче.

Энеата не ответила, напряжённо следя за Зарой. Сила Ахарта всколыхнулась в крови, стремясь отозваться на атаку зеркальным отражением колдовского порыва.

— Не смотри на меня так, — шумно выдохнула Зара. — Ты же знаешь, что мы не можем навредить друг другу.

— Только из-за Ахарта, — слова Энеаты прозвучали утверждением, а не вопросом, но Зара ответила:

— Разве?..

— А разве нет?

— Ты ничего не помнишь, верно? Не помнишь родителей. Не помнишь меня.

— Дедушка Хурсан предупреждал меня. Он не велел тебя слушать.

— Но ты ведь слушаешь, милая Ата.

— Тебе нужна сила Ахарта.

— Мне нужна жизнь, Ата. Я просто хочу жить. Жить, никого не боясь.

Эне прищурилась, глядя на Зару, старавшуюся выглядеть спокойно, но выдававшую себя крепко сжатыми кулаками.

— Ты была слишком маленькой. Ты не помнишь скитаний. Не помнишь страха. Тебя приняли. Тебе милостиво позволили жить. А я выбила это право, выбила силой!

— Мне жаль.

— Нет... Ты не знаешь, как люди смотрят на тех, за кого некому вступиться. Не

понимаешь это чувство, когда... когда все против тебя. Когда для всех ты — диковинная зверушка, которую надо посадить в клетку, мучить, терзать, издеваться... Нет, Ата. Ты не понимаешь. Только сила даёт право на жизнь.

— Если бы нашла меня чуть раньше... — тихо произнесла Энеата. — Я бы попросила тебя остаться в нашем доме. Мы дали бы тебе всё, что нужно.

Зара покачала головой.

— Слишком поздно.

— Слишком поздно, — отзываясь эхом, кивнула Энеата.

— Луна Ахарта лишь давала мне достаточно сил, чтобы выживать и скитаться. Эадиву позволил мне не бояться усталости и пугать целые деревни. А вместе с Солнцем...

— И есть только один способ завладеть Солнцем, да?

— Я не могу причинить тебе вред.

— У тебя есть Эадиву.

— Если тебя убьёт пёсик, я не получу силы Ахарта. Ты же знаешь, как она передаётся.

— Ну да...

— Но я не хочу, чтобы ты умерла сейчас.

Зара щёлкнула пальцами. Энеата не видела и не слышала, но почувствовала появление чудовища за своей спиной. Порыв ледяного ветра скользнул по ветвям деревьев, обжог колючим холодом кожу асу.

— Отец, — тихо произнесла Зара, — бросил нас с мамой. Посреди пустыни. Она выживала, как могла. Со мной на руках. Две чужеземки. Люди... они не считали нас людьми. От смерти или рабства спасало только колдовство. А потом мама нашла Ахарт... и отца. У него была другая семья. Другая женщина. Твоя мать. И была ты. Мама простила. А я... разве я могла, Ата? Я же видела, как она страдала! Бедная, несчастная мама... И помню, как страдала я сама.

Энеата молчала, слушая голос Зары, дрожавший от горечи и злости.

— Идшарцы шли за нами. Они хотели вернуть свою реликвию... Отец вызвался нам помочь, но... это из-за него нас догнали. Из-за него и тебя. Мама погибла. Я не смогла простить. Да я и не пыталась.

Зара вздохнула и, немного помолчав, сказала:

— Остались мы трое. Ты, я, он. Идшарцы продолжали преследовать, потому что силу Ахарта они не вернули. Мама передала её нам. Должна была только мне! — Зара яростно пнула лежавший под ногой камень. — Он хотел задержать их. Спрятал нас с тобой. Но не смог совладать с врагами. Он был слабаком, Ата! А я... я хотела, чтобы ты пережила хотя бы долю того, что пережили мы с мамой.... Только к тебе судьба оказалась благосклоннее. Какой-то парнишка помог тебе выбраться... Я бы убила его... чуть позже... но мне помешал твой Хурсан. Он тоже шёл по следу. Но ещё не поздно, правда? Ещё не поздно. Хурсан мёртв, ты не в своём городе, а твои идшарские спутники спят... Ах, да. Пожалуй, стоит позаботиться, чтобы они никогда не проснулись. Тогда твоё приключение будет веселее.

Силуэт Зары растаял в темноте. Чёрная тень промелькнула над головой Энеаты, устремляясь к спящим идшарцам. Огромный пёс, скаля клыки, прыгнул в сторону Азмара. Юная асу успела защитить сотника, порывом силы отшвырнув чудовище прочь.

— Время платить по счетам, сестра, — прозвучал уже где-то вдалеке голос Зары.

Эадиву, громко зарычав, поднялся и развернулся к дрожавшей от ужаса Энеате. Глаза могучего духа сверкнули ярким блеском, оскалившийся монстр присел, собираясь прыгнуть

вперёд.

Яркая вспышка золотого света озарила окрестности, и пёс припал к земле, скуля. Энеата, собравшись с силами, отшвырнула чудовище ещё дальше, и бросилась к Асахиру, пытаясь растолкать его, пока Эадиву не пришёл в себя от ослепивших его чар.

— Байру, проснитесь же, пожалуйста, байру! — отчаянно кричала она.

Поняв, что военачальник спит слишком крепко, как и сотник, Энеата схватила лежавший у кострища котелок, зачерпнула им ледяной воды из родника и выплеснула на Асахира.

Асахир шевельнулся, и второй поток воды Эне вылила на Азмара.

— Просыпайтесь! — так громко, как могла, закричала Энеата.

В следующее мгновение пёс сшиб её с ног, отбрасывая к скале. Однако прыжок, что мог быть смертельным, не стал таковым — Эадиву тут же отскочил назад, собираясь броситься на идшарцев.

Но Асахир уже проснулся. Он успел отпрыгнуть в сторону, избежав встречи с оскаленной пастью огромного пса.

— Байру! — радостно выкрикнула Энеата.

Но сонное зелье явно продолжало манить Асахира в царство сна. Военачальник с трудом поднялся, пошатываясь.

— Что за... — пробормотал он, пытаясь поднять меч.

— Разбудите Азмара!!! Я попробую... аа-а-а!

Эадиву рванулся из темноты с такой скоростью, что Энеата не успела понять, когда он успел запрыгнуть ей за спину и вновь сбить её на землю. Когти проехали по спине Энеаты, оставляя жгущие ядом царапины. Перед глазами стало темно от боли, и Энеата, не в силах воззвать к чарам, пыталась хотя бы подняться с земли.

Крепкий сон нарушил поток холодной воды, щедро окативший Асахира. Сквозь туманную пелену дрёмы словно вдалеке звучали отчаянные воззвания Энеаты. Едва Асахир, встав, смог поднять нестерпимо тяжёлые веки, он увидел, как прямо на него летела огромная чёрная тень.

Военачальник Идшара успел вскочить и отпрыгнуть в сторону, спасаясь от рывка чудовища. Обернувшись назад, он удивлённо уставился на странного врага.

Оскаленная чёрная морда, и в самом деле похожая на собачью, густая шерсть, вставшая дыбом, пылающие бешеной злобой яркие глаза с узкими полосками кошачьих зрачков.

Энеата что-то яростно выкрикивала, требуя помощи. Эадиву бросился назад, пролетев мимо Асахира к Энеате. Рывок чудовища сбил асу на землю, и пронзительный крик боли прогнал остатки сонливости — Асахир устремился вперёд.

Всё происходило слишком быстро. Подскочив, байру сбил Эадиву в сторону, толкнув его плечом. Тут же отскочив, Асахир выхватил меч. Поверженный наземь пёс, рыча, медленно повернулся мордой к идшарцу.

От пылавшего в глазах древнего духа пламени даже суровому военачальнику Идшара стало не по себе. Крепче сжав в ладони рукоять клинка, Асахир отшагнул назад.

Эадиву резко поднялся и бросился на Асахира. Слишком быстро. Так, что байру еле успел понять происходящее и в последний момент пригнуться. Острие меча военачальника скользнуло по боку чудовища, съехав по густой шерсти и едва ли оцарапав кожу.

Приземлившись, пёс мгновенно развернулся и тут же прыгнул обратно, но байру второй

раз сумел уйти от удара.

— Азмар! Азмар, да что б тебя, АЗМАР!!! — отчаянно нуждаясь в помощи друга, кричал Асахир.

Колдовской пёс вновь и вновь набрасывался на Асахира. Эадиву ловко уворачивался от взмахов меча, но и клыки чудища никак не могли достать военачальника.

В очередном прыжке Эадиву вдруг резко развернулся. Ударившись боком в грудь Асахира, огромная чёрная туша сбила военачальника с ног. Прижав идшарца к земле, пёс на миг замер, затем дёрнулся. Оскаленная морда пса приблизилась к лицу байру. Сердце Асахира забилось быстрее, признавая проснувшийся в душе страх.

Но в следующее мгновение мощный удар огромного щита сшиб Эадиву. Раздавшийся визг пса, казалось, услышали бы и в Идшаре. Асахир поднялся, и подоспевший Азмар протянул Асахиру его щит.

— Вовремя, — тяжело выдохнул Асахир.

Азмар не отозвался, сосредоточенно наблюдая за бросившимся прочь Эадиву.

Похоже, пёс понял, что его враги не похожи на попадавших прежде крестьян и даже разбойников. Отбежав в сторону, Эадиву замер, словно чего-то ожидая. Громкий вой разнёсся над ночной рощей, и вокруг стало так холодно, словно резко наступила зима. Темнота вокруг, прежде нарушаемая светом луны, вдруг стала непроглядно чёрной. Асахир не видел даже стоявшего совсем рядом Азмара.

— Ничего, — коротко произнёс сотник. — Погоди.

Тихий шорох нарушил краткую тишину, и в темноте сверкнули ярким блеском начертанные руны, давая свет. Асахир открыл было рот, намереваясь похвалить друга, но узоры, на мгновение вспыхнув ещё ярче, погасли.

— Что за... — растерянно выдохнул Азмар.

Тихий женский смех звучал где-то вдалеке, но идшарцы прекрасно его слышали. Нежный голос, раздавшийся ниоткуда, сообщил:

— Какие же вы жалкие... Просто никчёмные. Ата! Ата, ты слышишь? Если ты ещё жива, посмотри на своих друзей!

— Легко смеяться издали, ведьма! — ответил Азмар.

Его слова звучали спокойно и даже насмешливо.

— Выйди из тени — тогда посмотрим, как ты запоёшь. Или ты слишком труслива для этого?

Зара снова рассмеялась.

— Не старайся, милый воин, я не так глупа, чтобы приближаться к тебе.

— Это называется трусостью, Зара.

— Не пытайся возвать к моей гордости, глупенький, — голос колдуньи звучал ласково и вкрадчиво. — У меня её давно нет.

Тихий рык выдал приближение Эадиву, скрытого мраком. Асахир напрягся, ожидая нападения. Чудовище рванулось из темноты, и идшарец встретил его быстрым ударом меча, на этот раз задевшим брюхо пса. Эадиву взвизгнул, отдёрнувшись в сторону, но тут же набросился снова. Когти скользнули по правой руке воина, и Асахир выронил меч. Темнота тут же скрыла клинок, но лязг металла о камни и последовавший громкий всплеск ясно дали знать, что оружие отправилось на дно ручья.

— Азмар!..

— Слишком темно! — выкрикнул Азмар. — Ни зги ж не видать!.. Эне! Эне, ты нужна

нам!!!

Асу, похоже, слышала и нашла в себе силы помочь — слабый, бледный свет растекся во мраке, разгоняя тьму. Асахир быстро обернулся, глядя на источник сияния.

Энеата всё ещё была там, где Эадиву поверг её на землю, но теперь юная асу приподнялась, опираясь на локоть, и на кончиках пальцев воздетой к небу руки сверкал дрожащий огонёк. В тусклом свете можно стали видны и блестящий на дне ручья меч Асахира, и замерший перед атакой Эадиву, и наблюдавшая издали Зара.

Военачальник рванулся к своему мечу, закрываясь щитом от прыжка Эадиву. Но сила удара была слишком велика, чтобы военачальник, стоявший на скользких камнях берега, мог удержаться на ногах. Поскользнувшись, он рухнул вниз, вслед за оружием.

Азмар успел приблизиться и отвлечь внимание пса. Эадиву оставил Асахира, развернувшись к новому врагу, но вот Зара явно не собиралась позволить Асахиму вновь взять клинок.

Очертания меча растворились в чёрном тумане, и Асахир на мгновение застыл.

— Ах, — прошелестел голос Зары. — Как неудачно. Воин без меча.

Военачальник Идшара презрительно фыркнул в ответ. Поудобнее перехватив тяжёлый щит, он бросился было на помощь Азмару; однако в следующий миг воин вдруг резко развернулся и швырнул в сторону Зары короткий метательный нож.

Лезвие пролетело насквозь, а силуэт девушки растаял. Смех Зары, так просто обманувшей идшарца, вновь разнёсся над рощей.

— Асахир! — вдруг позвал голос Энеаты.

Асу указала рукой на реку. Асахир обернулся, следуя её жесту, и увидел, что туман, скрывший дно ручья, развеялся; и Зара, прежде скрытая чарами, вдруг явственно стала видна на склоне холма. Резким рывком военачальник подлетел к оружию и поднял его.

Поняв, что Асахир смотрит прямо на неё и ясно её видит, Луна Ахарта метнулась в сторону, громко призывая имя Эадиву. Чёрный пёс резко оставил Азмара, обернувшись к Энеате.

Жрица Дивияра была права — Эадиву мог быть очень быстрым. Асахир не успел даже понять, как чудовище в долю мгновения оказалось рядом с юной асу. Свет, мерцавший на дрожавших пальцах Энеаты, на мгновение вспыхнул ярче, но затем угас, возвращая окрестности в полный мрак; негромкий рык и лязг звериных зубов сменился отчаянным криком Энеаты, и Асахир, не обращая внимания на колдовскую слепоту, бросился вперёд, мчась на невыносимый для его ушей звук.

Рядом с Энеатой тьма не была столь непроглядной, как там, ближе к Заре. Военачальник увидел очертания чудовища, склонившегося над девушкой. Мощный удар щитом отвлек пса от его жертвы, и Эадиву, скалясь, прыгнул на Асахира.

Но полностью отдавшийся ярости Асахир, казалось, даже не думал уклоняться от новой атаки и будто не заметил разодравшего его доспех удара огромных когтей. Зубы, больше похожие на ряд кинжалов, лязгнули, пронзая плоть, но Асахир лишь едва пошатнулся. Устояв на ногах, он обрушил щит на бок нападавшего Эадиву. Острые бронзовые и железные шипы и пластины, окаймлявшие край идшарского заслона, вспороли чёрное туловище, и ярко-алая кровь окрасила щит.

Не то вой, не визг Эадиву, припавшего к земле, был нестерпимо пронзителен. Асахир с трудом удержался, чтобы не отбросить щит, зажимая уши.

— Нет! — выкрикнула Зара, понимая, что её пёс проигрывает сражение, и в голосе

чародейки слишком явно звучал нахлынувший страх. — Невозможно!..

Плотный серый туман окружил Асахира, поднимаясь от остывшей земли. Мерцающая пелена холодной мглы сдавливала, мешая дышать, солью разъедая раны. А щит в руках идшарца всё яростнее нагревался, и раскалённый металл невыносимо жёг ладони. Асахир терпел. С невероятной скоростью, дарованной ему боевым бешенством, Асахир вновь и вновь атаковал своего врага, не обращая внимания ни на боль, ни на морок.

Последний удар, добивший чудовище, казалось, рассеял и чары, опутавшие рощу. Лунный свет вновь проник на поляну у ручья, освещая окрестности.

Асахир бегло оглянулся, ища взглядом Зару, но колдуньи нигде не было видно.

— А Диви говорила, что его нельзя убить, — раздался сзади голос Азмара — спокойный и рассудительный.

Но Асахиму было не до того. Отбросив окровавленный щит в сторону, он метнулся к безвольно раскинувшейся на земле Энеате, забыв о собственных ранах.

— Убегает, — произнёс Азмар. — Даже не скрывается чарами. Догнать бы сейчас, пока она растеряна...

Асахир не ответил. Его не волновала убегающая колдунья, как и то, что он сам истекал кровью — ядовитые клыки Эадиву разорвали и доспехи, и плоть; и военачальник лишь безумным усилием воли не давал себе утонуть в надвигающейся темноте. Все его мысли занимала эта неподвижная девичья фигурка, безвольно раскинувшаяся на окровавленной земле.

Наклонившись, он осторожно коснулся шеи побледневшей девушки; вздохнул с облегчением, почувствовав кончиками пальцев слабое биение.

— Не сдавайся, — произнёс он, прижимая руку Энеаты к своим губам, и заметно дрогнувший голос выдал его. — Не сдавайся, прошу тебя... Эне, ты нужна мне, прошу, не сдавайся!

Тонкие пальцы девушки оказались неожиданно тёплыми. Еле заметное мерцание появилось на ладони, дрогнувшей и коснувшейся лица Асахира; струящийся свет оплёл воина, исцеляя раны от страшных когтей.

— Нет! — Асахир отдёргнулся назад, вскакивая.

Но свет не угас, и тонкая колдовская нить, связавшая их, не разорвалась.

— Не трать силы! Прекрати! Азмар, сделай что-нибудь!!! Энеата! Спасай себя, себя!..

— Раны от клыков Эадиву сами не заживут, — хладнокровно произнёс, пожимая плечами, Азмар. — Она права — без её магии ты умрёшь.

Сверкающая лента наконец растаяла в темноте. Ладонь Энеаты безвольно упала на землю. Асахир вновь бросился к девушке, пытаясь вызвать её к жизни, но в этот раз тонкая жилка на шее не отозвалась биением.

— Нет!.. Энеата!.. Не оставляй меня!.. Только не ты!..

Глава 26. Идшар, престол воинственного Эллашира

Они окружили детей, сжимая кольцо и подходя всё ближе. Четверо... Атаис испуганно прижалась к ноге рослого парня, как и всегда в минуту опасности. Тот, сурово глядя на приближавшихся людей, достал меч из ножен и поинтересовался:

— Чего вам надо? У нас ничего нет. Грабить нечего.

Подросток не врал. Свою единственную ценность, сердоликовый резной перстень, он продал вчера в городе. Такое украшение стоило дорого, но никто не собирался давать

мальчишке истинную цену; Дарий купил немного лишь еды да новое платье для Атаис, и сейчас в сумке брэнчала последняя мелкая монета — невеликое богатство.

— Мне нравится твой меч, — хмыкнул один из разбойников. — Его и заберу.

— За него придётся биться, — хмуро ответил Дарий.

— Напугал, как же. Эй, парни, посмотрите — какие светлые волосы у девчонки. Такую дорого купят.

— Если кто-то из вас сделает ещё хоть шаг, то умрёт, — зло пообещал Дарий.

Окружившие их мужчины дружно рассмеялись на угрозы подростка. Но он не смутился.

— Отойди-ка подальше назад, Ата, — спокойно, ничуть не страшась, произнёс Дарий. — И закрой глазки.

Девочка послушно шагнула назад и зажмурилась, заслоняя лицо крохотными ладошками; разбойники, медленно приближаясь к Дарию, достали мечи. В зелёных глазах мальчишки загорелся недобрый огонь, дикий и опасный; он, крепко сжав рукоять своего клинка, бросился вперёд.

Окончания того сражения Энеата не помнила. Последнее, что представало перед мысленным взором — сверкнувшие в темноте глаза чудовища и замершее от страха сердце. Когда девушка пришла в себя, она была уже в Энарane, во дворце эсина. Глубокие раны от когтей уже не угрожали её жизни, хотя широкие алые полосы на теле и — к вящему неудовольствию Энеаты — на лице грозились заживать ещё долгое время, оставив не слишком красивые следы.

Эсин Арнунна и его семья, хоть и радостно приветствовали вернувшуюся в сознание девушку, не могли скрыть своего волнения. Вести о том, что Зара жива и бежала, тревожили их; зная, что Энеата по-прежнему подвергается опасности, они беспокоились о Нунне, с которым обещала разделить свою судьбу Энеата. Бывший судья, будучи человеком чести, не желал поддаваться уговорам страшившийся супруги и отказываться от брака Энеаты с его сыном; но госпожа Таман, без ведома мужа проникнув в комнату Энеаты, упростила девушку расторгнуть помолвку.

За две недели, что Энеата не могла подняться с постели, Асахир лишь однажды зашёл навестить её; хмуро сказав, что его ждут в Идшаре, военачальник спросил, отправится ли Эне с ним.

Она бы предпочла вернуться в свой дом в Арке, но не хотела подвергать опасности других людей; асу понимала, что уйти куда-то в одиночестве не сможет — по крайней мере, пока не поправится окончательно. Решив, что в случае возвращения Зары лучше быть рядом с суровыми воинами Эллашира, чем с беззащитными людьми Арка, Энеата согласилась отправиться в Идшар. О предательстве Римиара Энеата умолчала; Асахир и остальные идшарцы, как поняла Энеата, посчитали жреца погибшим.

Арнунна дал слово уладить вопросы с наследством Энеаты и взять к себе слуг дома Хурсана; удовлетвовавшись этим обещанием, девушка покинула Энаран вместе с отрядом идшарцев, не возвращаясь домой.

Путь до Идшара оказался тяжелее, чем Энеата рассчитывала. Жара, смертельная слабость и то и дело вспыхивавшая боль, как ни странно, виделись девушке меньшим из зол. Каждый день проходил в треволнениях. Энеата тревожилась обо всём: ей было страшно, что Зара вновь нападёт; она боялась, что Зара забудет о ней или не сможет найти её и вернётся к

порче земель Арка и Эрисума; она переживала из-за слов Зары, сказанных тогда, винила себя во всех её бедах и то и дело решала, что смерть Эне успокоила бы сестру и тем самым защитила бы других. Изредка сквозь эти рассуждения всплывали и простые заботы, от размышлений над которыми Энеата признавала себя глупой и мелочной. Алые полосы порезов, пересекавшие левую половину лица, казались девушке невыносимо уродливыми, и асу не хотела никого видеть и не желала ни с кем общаться, отвечая кратко, вечно отворачиваясь и пытаясь прятать боевые отметины под укывшим голову льняным платком.

Асахир молчал. За всю дорогу дорогу он не сказал ей ни слова, хотя изредка оборачивался в её сторону, провожая долгим, тяжёлым взглядом ярко-зелёных глаз. В этой тишине Энеата тоже винила раны; прекрасно помня слова Асахира, что тот произнёс ночью на стоянке, асу всё же думала, что теперь даже Асахир, когда-то назвавший её красивой, не захочет брать её в жёны.

Но в день, когда с рассветом вдаль показались очертания города-крепости, байру Асахир всё же подошёл к Энеате и хмуро произнёс:

— Теперь иди рядом со мной, асу. Так мне будет спокойнее.

Как непохож на другие города Идшар! Высокие, в два или даже три раза выше энанских, каменные стены, верх которых оцетинился деревянными кольями; башни, тень от которых нависала над всей округой. Позади неприступной крепости грозной грядой выросли высокие скалистые горы, не позволявшие врагам обойти город сзади; вход охранял барбакан, отгородивший узкий мост через глубокий ров; пальмовые рощи теснились к берегам Реки, оставляя вокруг твердыни широкие открытые пространства, где враг не смог бы подобраться незамеченным.

Единственный путь в город — узкая дорога, ведущая к отводной башне; пройдя сквозь толстые стены барбакана, отряд возвращавшихся идшарцев вместе с Эне пересек мост и приблизился к главным воротам.

Внутри город казался ничуть не дружелюбнее. Вернувшихся воинов встречали с почётом, толпы людей скопились вокруг дороги, и всё же Энеата чувствовала себя так, будто входит в логово врагов, а не в новый дом.

Не замечать взглядов, направленных на неё, Энеата не могла. Слишком многие, кивая на девушку, перешёптывались, и юная асу смущалась, краснея, но не могла заставить себя не следить за зеваками. Байру Асахир положил руку ей на плечо, но от этого стало только страшнее.

— Байру... — тихонько прошептала она. — Можно мне где-то переждать... спрятаться?

— Подними голову, Энеата, — отозвался Асахир. — Ты — воплощение Солнца. Пусть они сами боятся тебя.

Девушка устало вздохнула. Юная асу ещё не вполне оправилась от ранений и пережитых тревог, да и долгий путь до Идшара измотал её.

Девушка устало вздохнула. Юная асу ещё не вполне оправилась от ранений и пережитых тревог, да и долгий путь до Идшара измотал её. И ей вовсе не хотелось никого пугать.

Правителю Идшара уже успели доложить о возвращении Асахира, и эсин Арсак вышел навстречу знатному военачальнику — без стражи и прислуги, облачённый в такую же простую чёрную одежду, как и рядовые воины Идшара. Энеата ни за что не догадалась бы, кто перед ней, если бы подошедший к Арсаку Асахир не приветствовал пожилого мужчину почтительным низким поклоном и коротким:

— Мой повелитель.

Арсак несколько мгновений изучающе смотрел на прибывших, после чего, наконец, произнёс, сперва обращаясь к воинам, стоявшим позади вернувшегося военачальника:

— Идшар рад возвращению своих сыновей! — затем, повернувшись к байру, тише добавил: — И я рад твоему возвращению, Асахир. Хотя жду тебя уже слишком давно.

— Повелитель, — всё ещё не поднимая головы, Асахир на удивление смиренно начал объяснять: — Меня задержали обстоятельства. Я счёл, что раз Энаран теперь под идшарским покровительством, то беды...

— Я не жду оправданий, Асахир. К нашему всеобщему счастью, ты вернулся живым и прежде, чем понадобился. А о причинах и о достигнутых тобой успехах мне уже доложили достаточно. Я рад, что древнее проклятие святилища Астарны уничтожено, — переведя взгляд на нервничавшую Энеату, он спросил: — Кого ты привёл с собой под сень Идшара? Могу ли быть уверен, что передо мной та Энеата, воплощение яростной Адуаны, о которой я слышал?

Энеата ждала, что Асахир всё расскажет за неё, но он лишь легонько толкнул её, призывая ответить самой.

— Энеата — это моё имя, — согласно кивнула она. — Об остальном говорят люди, с них и спрашивайте.

Эсин усмехнулся, услышав такой ответ:

— Сомневаюсь, что в нашем городе найдётся жилище, достойное Солнца.

— Повелитель, — вмешался Асахир. — Энеата — моя гостья, нет нужды искать ей другой дом.

Энеата резко опустила голову, поджав губы. Арсак недолго молчал, после чего кивнул и произнёс:

— В таком случае, проводи свою гостью домой и возвращайся ко мне, воин.

Асахир слегка склонил голову, затем развернулся и, взяв Эне под локоть, повёл девушку в сторону от главной улицы.

— Байру, — попросила Энеата, когда они отошли достаточно далеко, чтобы скрыться от толпившихся на той улице людей. — Вы не могли бы идти не так быстро?

Асахир замедлил шаг и спросил:

— Тебе плохо?

— Нет. Я хочу посмотреть на город.

— Посмотришь завтра. Надо отдохнуть с дороги.

— Я хочу увидеться с Фазмирой и Нунной.

— Завтра.

Энеата пожала плечами, не желая спорить — ей и в самом деле не помешал бы отдых.

Озираясь по сторонам, Энеата следовала за Асахиром. Свернув с широкой главной мостовой во дворы, Эне поняла, что Идшар и в самом деле был красивее, чем она ожидала. Улицы города не были похожи ни на энаранские, ни на аркские. Большие по площади дома в один-два этажа, крыши которых были покрыты не привычными тростниковыми навесами, а своеобразными куполами или пирамидами из глиняных кирпичей, не имели заборов вокруг. Вместо широких окон со ставнями в домах были узкие прорезы вроде бойниц крепостных башен; зато двери в каждый дом были сделаны из светлого красноватого дерева и украшены изысканной резьбой — везде разной. Судя по торчащим из-за зданий зелёным ветвям, за стенами прятались внутренние дворы с небольшими садиками. Вдоль дороги перед домами

росли деревья и цветы, раскрашивая город яркими красками; среди камней мостовой под ногами то и дело мелькали вставки из цветных плиток, придавая дворикам нарядный, совсем не суровый вид. Вот только изредка встречавшиеся люди по-прежнему казались Энеате слишком холодными и недружелюбными. Асахира, похоже, тут знали все; каждый из встреченных слегка наклонял голову, приветствуя военачальника коротким «байру». Энеате же всякий раз доставался хмурый взгляд исподлобья, смущавший и заставлявший отвернуться.

— Странные дома, — заметила Энеата вслух. — Нет тростника и соломы.

— Первый Идшар сгорел, — кратко ответил Асахир, и это объяснение показалось Эне достаточным.

Когда они прошли пару кварталов, всё отдаляясь от главной улицы, Асахир наконец остановился. Показав рукой на дом в конце улицы, он произнёс:

— Пришли.

Глава 27. Подарок

Дни после ухода Асахира из Энарана тянулись для Дивияры слишком долго и тягостно. Новость о том, что убить Зару не удалось, тревожила и пугала жрицу. Конечно, Зара сама просила её вывести Энеату из города любым путем, но всё же неудача могла разъярить колдунью. Диви было откровенно страшно. Она провела в Энароне уже слишком много времени, и должна была возвращаться в храм Астарны; но под защитой городских стен и стражи было гораздо спокойнее... Близился осенний праздник в честь прекрасной богини, и если бы верховная жрица пропустила это событие или недостойно подготовила его, совет храма, состоявший из состарившихся служительниц Астарны, мог бы изгнать её не только с её высокой должности, но и из жреческого сословия вовсе.

И хотя Зары Дивияра побаивалась сильнее, чем совета храма, очередной бессонной ночью посланница божественной Астарны резко поднялась и, разбудив младших жриц, приказала собираться в дорогу.

К удивлению Диви, путь до святилища закончился без происшествий. Но облегчения жрице это не принесло — она продолжала ждать неприятностей. Первая неожиданная для Дивияры встреча случилась у подножия ведущей к храму лестницы — давний знакомый жрицы, идшарский жрец Римиар сидел на каменной ступеньке, внимательно глядя на приближавшихся странниц.

— Жрец? — удивилась Дивияра, веля вознице остановить телегу и воззрившись на Римиара. — Ты жив? Идшар оплакивает твою гибель...

— Я умер для Идшара, — спокойно ответил тот, не шевельнувшись.

— Что ты делаешь здесь? Асахир прислал тебя?

— Я больше не служу Асахиру. Мне надо поговорить с тобой наедине.

— О чём?

— О Заре.

Лёгкие шёлковые шторы, ведущие в покои верховной жрицы, тихо прошелестели, впуская внутрь комнаты беловолосую колдунью.

— Асахир — это тот самый байру Асахир, верно? — задумчиво протянула Зара, без приглашения проходя к скамье у окна и усаживаясь напротив Дивияры, застывшей с гребнем

в руках.

Диви немного успокоилась, глядя на Зару. Похоже, в ближайшее время та не собиралась никого убивать. Хотя внезапное появление колдуньи едва не напугало Дивияру до смерти, верховная жрица приветственно улыбнулась.

— Здравствуй, дорогая подруга, — обиженным голосом произнесла Диви. — Хоть я и рада твоему появлению, ты могла бы и поздороваться.

— Мне кажется, что я где-то его видела прежде, — не обращая внимания на слова жрицы, продолжала Зара. — Сын Эллашира... Что ж, если бы это было так, я бы поняла произошедшее.

Дивияра растерялась, пытаясь понять, к чему клонит незваная гостья. Та, помолчав, продолжила, и её нежный и спокойный голос плавно превращался в злобный крик:

— Только я не верю в богов, дорогая Дивияра! Итак, объясни мне, жрица, почему Эадиву, которого ты называла бессмертным духом, так бесславно сдох?!

— Откуда мне знать?!

— Тебе откуда?! А кто тут был его хранительницей?!

— Слушай, Зара, я же сама не билась с ним! Пф-ф. Я только рассказала тебе то, что вычитала в старых записях...

— Да ну?

— Пойдём, покажу тебе их, если не веришь!

Зара раздражённо отмахнулась.

— Да ну тебя с ними вместе, — недовольно произнесла она.

— Кстати, дорогая, тебя искал Римиар.

— Римиар? Ах... Да, я что-то ему обещала за его невеликую помощь. Только толку от этой помощи не было. Так что и о награде может не мечтать. Встречу — вообще убью эту бесполезную скотину. Можешь так и передать, если увидишь его.

Молчание затянулось, и Дивияра судорожно соображала, известно ли Заре, что жрица помогала сведениями её врагам. В Энаране ей не удалось ничего узнать; она не искала встречи с Асахиром, показавшимся ей ещё более злым, чем обычно, а Азмар отказывался что-либо говорить. Зара развеяла её сомнения, наконец нарушив тишину:

— Впрочем, я пришла поблагодарить тебя. Ты всё-таки привела мне сестру, хоть из этой встречи ничего хорошего и не вышло.

— Чего не сделаешь ради дружбы, милая, — осторожно ответила Дивияра.

— Ты ведь была в Идшаре достаточно долго, — голос Зары прозвучал вкрадчиво, и жрица напряглась.

— Это было давненько, моя дорогая...

— Совсем недавно. Я слышала вести и слухи. Они прекрасно доходят и в деревни. Моя любимая сестрёнка уехала в Идшар... Замуж, говорят, выходит.

— И чего ты хочешь от меня?..

— Повторного приезда.

— Куда?!

— Да в Идшар, дура, — ласково ответила Зара.

— Зара, я...

— Ты им всё рассказала об Эадиву, верно? — спросила Зара, слишком доброжелательно улыбаясь. — Успокойся. Я не ждала от тебя слишком многого. Что ж... Тем лучше. Раз ты предала меня, ты вполне можешь бежать туда, чтобы искать защиты, разве нет?

— Послушай, Зара, — простонала Дивияра, прижимая ладонь ко лбу и устало вздыхая, — что ты собираешься творить? Твоя сестра уехала. Асахир уехал. Они не мешают тебе больше. Просто оставайся здесь, жить, как жила до этого! Ведь тебе было гораздо проще, пока ты не узнала о её существовании... В Идшаре тебя убьют. Как убили твою мать. И меня с тобой заодно, если я проведу тебя туда!

— Ты глупа и труслива, дорогая подруга. Где ты предпочитаешь умереть — здесь или в Идшаре? Прямо сейчас или чуть позже?

— Зара!..

— Я шучу, милая, не бойся.

— Я не могу уехать сейчас! Через десять дней здесь будет великое празднество. Меня вышвырнут из храма, если меня не будет на нём!

Зара поджала губы.

— Ладно. Отправимся после праздника.

— Зара, ты не справилась с ними тремя посреди поля, когда Эадиву был с тобой! Чего ты добьёшься в Идшаре?! Одна против тысяч воинов, десятков жрецов и твоей сестры-ведьмы?!

— Тащи-ка лучше что-нибудь поесть.

— Зара!

— Не волнуйся, милая. У меня есть превосходная идея.

Дивияра замолчала, недовольно надувая губы и с подозрением глядя на спокойно улыбающуюся Зару. А та вдруг изменилась в лице и как-то растерянно спросила:

— А что он говорил, Диви?

— Кто? — не поняла Дивияра.

— Рим... — имя жреца прозвучало в устах Зары лёгким вздохом.

Хотя вода, касаясь ран, жгла их сильнее огня, Энеата была счастлива наконец отмыться дочиста. Запах мыла, трав и масел успокаивал её, а переоблачение в простую, но чистую тунику без дыр и заплат показалось сродни празднеству. Заплетя мокрые волосы, за долгое время без окрашивания обретшие свой природный соломенно-рыжеватый цвет, Энеата отправилась исследовать дом военачальника.

Хотя в жилище Асахира был всего один этаж, здание занимало немалую площадь. Убранство, впрочем, не казалось слишком изысканным — большинство комнат, что Энеате успела осмотреть, были пусты или почти пусты.

— Здесь везде так мало вещей? — спросила Энеата у служанки, останавливаясь у широкого окна с видом на внутренний двор.

— Почти везде, госпожа.

— А можно выйти туда? — кивнув на окно, спросила Эне.

— Конечно! Выход в следующей комнате. Вот сюда, госпожа.

Внутренний дворик дома оказался совсем небольшим — колодец посреди небольшой поляны, низкая скамья у стены и крупная каменная чаша с цветущим левкоем. Зато здесь царили тень и прохлада — почти всё пространство наверху было закрыто решетчатым навесом, оплетённым разросшимся виноградом, пропускавшим лишь малую часть солнечных лучей.

— Я посижу здесь? Пока байру не вернётся.

— Конечно, госпожа. Я скажу ему, что вы здесь.

— Опоздали, — раздался голос Асахира.

Обе девушки обернулись. Военачальник смотрел на них сквозь одно из окон, облокотившись на подоконник. Служанка тут же склонила голову, а Эне поинтересовалась:

— Давно наблюдаете, байру?

Асахир скрылся, отойдя от окна, а через несколько мгновений вышел во дворик через вторую дверь, ведущую сюда.

— Ужин готов? — спросил он у служанки.

— Да, господин. Иду подавать?

— Иди.

Когда служанка скрылась за дверью, Энеата опустила голову, чувствуя лёгкий призрак страха — как и всегда, когда оставалась наедине с военачальником. Тот молчал; когда Эне, хотел уже задать какой-то вопрос, повернулась к своему неразговорчивому собеседнику, Асахир опередил её, протягивая девушке какой-то свёрток и коротко сказав:

— На.

— Что это? — удивилась Энеата, разворачивая скрывавший вещь кусок ткани.

— Подарок, — как-то хмуро отозвался Асахир.

В следующее мгновение, наконец освободив дар от обёртки, Энеата ахнула, не в силах сдержаться.

Гладкие, изумительно синие бусины лазурита, закреплённые тонкими золотыми цепочками разной длины на толстом витом обруче. Крупное и тяжёлое ожерелье, по-видимому, закрывающее всю шею и большую часть груди. Такое украшение могла без стыда надеть верховная жрица или жена эсина...

Взгляд Энеаты сверкнул и счастьем, и мукой. Она страстно желала эту вещь, но согласиться принять её не могла.

— Дедушка Хурсан сказал, что нельзя принимать подарки от мужчин, — еле заставив себя отвернуться от сияющего ожерелья, тихо произнесла она. Протянув украшение военачальнику, она попросила: — Заберите, пожалуйста.

— Можешь выбросить в колодец, если не нравится, — рассерженно буркнул байру.

Энеата провела по ожерелью ладонью. Бусины прокатились под пальцами, и девушка блаженно прикрыла глаза. С огромным трудом преодолев соблазн, она быстро завернула сокровище обратно в ткань.

— Простите, байру, но...

— Могла бы хоть для приличия сделать вид, что рада подарку, — отвернулся Асахир.

— Простите, байру. Я хочу быть честной.

— Тебе неприятен дар или даритель? — с явным трудом произнося эти слова, спросил военачальник.

Энеата промолчала, сосредоточенно разглядывая траву под ногами.

— Ну? — рассерженно потребовал ответа Асахир.

— Ведь не может же быть, чтобы вы думали обо мне так плохо? — с надеждой произнесла Энеата.

— Что? — не понял Асахир.

— Байру, вы ведь не думаете, что меня можно купить?..

Асахир резко развернулся, уставившись на Энеату, забыв привычно прищурить широко распахнутые зелёные глаза. Растерянно промолчав пару мгновений, он вдруг громко

расхохотался.

— Не надо подарков, — извиняющимся тоном попросила Энеата. — Я и так живу в вашем доме. Я ничего не могу дать взамен.

— А я ничего и не требую, — холодно ответил Асахир.

Энеата смущённо поджала губы.

— Но...

— Арнунна просил у меня оттиск печати, для твоего наследства, — хмуро произнёс военачальник. — Я знаю, что помолвка с Нунной расторгнута. Ты свободна. Значит, дело только во мне?

Энеата растерянно моргнула.

— Байру, я...

— Ты отказываешься? Ты готова остаться старой девой и лишиться наследства твоего наставника, лишь бы только не выходить за меня?.. Неужели я настолько...

— Асахир! — резко перебила Энеата, вскидывая голову. — О чём вы вообще говорите?!

— О нашей свадьбе?

— Какой свадьбе? Вы мне ничего не предлагали!

— Что?! — возмутился Асахир. — А о чём я, по-твоему, тут распинаюсь уже столько времени?!

Энеата, окончательно растерявшись, дёрнулась в сторону, отойдя и сев на скамью. Наклонившись и подперев подбородок руками, она как-то сердито воззрилась на Асахира.

Военачальник подошёл следом, опускаясь рядом на корточки. Протянув ладонь, он коснулся пальцами выбившейся из косы Энеаты рыжеватой пряди.

— Эне, — неожиданно мягко произнёс Асахир. — Клянусь, я ничего не требую взамен. Но надеюсь, что заслуживаю хотя бы уважения, раз... — запнувшись на мгновение, с болью в голосе он продолжил: — ...раз любовь мне недоступна.

И Эне, подняв взгляд, вдруг увидела словно другое лицо. Чистое, без шрамов и сломанного носа и, как неожиданно отметила асу, совсем ещё молодое. Уродливые отметины славных побед и извечная кривая ухмылка старили воина куда сильнее, чем залёгшие на лбу морщины. Если бы война не избрала Асахира своим верным слугой...

Он смотрел в лазурную синеву её глаз по-прежнему спокойным и холодным взглядом — похоже, он и не умел смотреть иначе. Но всё же что-то изменилось в том, как он шурил веки, да и привычную усмешку Эне сейчас скорее назвала бы улыбкой.

Но мираж погас. Воин отвернулся, смутившись пристального взгляда девушки.

А Энеата молча стянула с пальца кольцо с родовой печатью и протянула его Асахиру.

— Возьми. Но назначь день не раньше праздника дождей.

Жрец почувствовал её присутствие издалека, но всё же с трудом нашёл Зару, спрятавшуюся за россыпью крупных камней у подножия Вифаты — самой высокой из Секхмеарских гор. Беловолосая колдунья расчерчивала на земле огромный рисунок, уже покрывший почти всю поляну. Римиар бесшумно приблизился, встав за спиной Луны Ахарта.

— Убирайся, — коротко бросила Зара, хотя не повернулась в его сторону.

— У тебя глаза на затылке?

— Я ведьма.

— Я тебя искал.

— Зачем?

— Ты нужна мне!

— Зачем?

— Зара... я люблю тебя.

— Ложь, боль, предательство, — отозвалась Зара, не отвлекаясь от своего занятия. — Вот что такое твоя «любовь». Очень оно мне надо. Не наступи на знаки, плохо будет.

— Мне и так плохо! — Римиар рванулся к Заре, хватая её за плечи и резко разворачивая к себе. — Зара! Неужели тебе всё равно?!

— Не смей ко мне прикасаться! — зло прошипела Зара.

Римиара отбросило назад, он упал на землю, тут же поднимаясь и потирая ушибленный локоть.

— Убирайся прочь, если жизнь дорога, — яростно приказала Зара.

— А если нет? — отрешённо ответил Римиар, не двигаясь с места.

Зара покачала головой, отворачиваясь и вновь принимаясь за дело.

— Тебе знакомы эти знаки, жрец? — спросила она, зная, что Римиар так и стоит у неё за спиной.

— Да.

— И ты не рвёшься остановить меня?

— Нет.

— Почему?..

— Я для тебя предал братьев, предал клятву. Предам и родной город.

— Ты предал их, потому что боялся. Страх вёл тебя.

— Я не знаю страха, кроме страха потерять тебя.

Колдунья, дорисовав последний завиток руны, встала и отряхнула ладони, недовольно косясь на жреца.

— Отличная была бы парочка, — хмыкнула она. — Жрец и ведьма.

— Зара...

— Хочешь помочь? — вкрадчиво произнесла она.

Римиар прикрыл глаза, тяжело вздыхая, помолчал, борясь с последним сопротивлением чести.

— Я сделаю всё, что ты скажешь, — наконец произнёс он. — Всё... Ведь ты знаешь это.

Зара на мгновение замерла, повернувшись к нему, а потом сказала:

— Да на кой ты мне сдался, ничтожество. О! Знаю. Я хочу, чтобы ты пошёл и сдался своему байру. Рассказал, как подлил ему сонное зелье в воду, чуть не убив. Давай, жрец. Сделай это. Умри для меня. Мне будет приятно.

Римиар побледнел. Затем быстро кивнул и развернулся.

Зара умела чувствовать других. Понимать, что они хотят, легко распознавать обманы.

Но Римиар не врал. Он уходил умирать.

— Рим! — вдруг вскочив с места, закричала Зара. — Рим!.. Стой! Я же пошутила!

Жрец не остановился.

Глава 28. Незваная гостья

Когда в комнате Энеаты появились травы и масла, асу занялась привычным делом, изготавливая мази и целебные смеси. Так время тянулось гораздо быстрее, да и ремесло

отвлекало от скверных мыслей. Несколько дней прошло, наступило празднество осеннего дождя; после торжеств и гуляний на улицах и в храмах люди разошлись отмечать смену времени года в домах.

В жилище военачальника тоже принимали гостей. Энеате довелось познакомиться с семьёй Азмара — женой, сыном и двумя дочерьми; пришли и ещё несколько сотников со своими родными. По просьбе Энеаты Асахир пригласил не только Нунну с Фазмирой, но юного лекаря Таллиса, по которому Энеата успела соскучиться. Встреча со старыми друзьями окончательно развеяла тревоги в сердце Эне, хоть и ненадолго; а в конце застолья Асахир объявил, что назначил день своей свадьбы с Энеатой — через десять дней после праздника дождей.

Принимая поздравления от гостей и то и дело тихонько косясь на странно смущённого Асахира, Энеата вдруг поняла, что радость в её душе и в самом деле сильнее страха.

...В ночь перед назначенным обрядом Энеате не спалось. Девушка ворочалась в постели, изо всех сил щуря глаза, словно надеясь, что это поможет поскорее заснуть. Дождавшись слабого утреннего света, пробившегося в окна, Энеата поднялась и, подойдя к скамье у окна, взяла в руки свою свадебную тунику.

День обещал быть долгим.

Хотя покровительницей любви во всех землях Дарфии считалась красавица Астарна, супружеские обеты по сложившемуся обычаю приносили у алтарей водной богини Тааль, жены земледельца Ирутара. Но в пределах стен воинственного Идшара не было храмов мирных богов; посвящённые божественной чете святилища расположились за городской чертой, возле селения земледельцев.

Как бы ни хотелось Энеате скрыться от всеобщих глаз, свадьба байру не могла не привлекать внимания идшарцев. Торжественное шествие к храму Тааль провожали и соратники Асахира со своими родными, и знакомые, и Нунна и Фазмира со своими слугами, и простые горожане, и земледельцы — жители окрестностей. Пожелать счастья новой семье пришёл и сам эсин Арсак — как и прежде, без стражи и придворных, в боевом облачении идшарского воина.

Энеата чувствовала себя нелепо в расшитой праздничной одежде из шёлка, с тяжёлыми драгоценными украшениями, весившими куда больше, чем казалось со стороны. К счастью Эне, день выдался пасмурным; колесницы привезли гостей к храмовым землям прежде, чем кто-либо ощутил в полной мере ярую жару первых осенних дней.

Следуя обычаю, гости остались в стороне от святилища, пропуская на ведущую к храму дорогу только будущих супругов. Собравшись с духом и глубоко вздохнув, Энеата протянула Асахиру дрожащую ладонь. Прошагав под взглядами присутствующих до ворот храма, Асахир и Эне переступили порог, скрываясь за стенами древнего здания.

...Священное пламя храма раскрашивало кирпичные стены в мрачные кроваво-красные оттенки, чёрные тени дрожали на резных плитах. Лик богини Тааль, высеченный в колонне между алтарём и жертвенником, казалось, с отвращением взирал на копошение смертных...

Энеата встряхнула головой, крепче сжав ладонь Асахира. Святилище казалось таким знакомым, но эти воспоминания были пугающими, тёмными и болезненными. Словно когда-то в этом месте она уже бывала, и пережила здесь страшное потрясение.

Озираясь по сторонам, Энеата пыталась унять слишком сильный страх — понятное волнение отчего-то сменилось в её душе отчаянным ужасом. Встав перед резной дверью, отделявшей идущих от ожидавших их жрецов у алтаря, Энеата тихо произнесла:

— Асахир... Мне... как-то не по себе.

Военачальник тоже остановился, оборачиваясь к побледневшей невесте.

— Последний шаг, — тепло улыбнулся он, толкая вперёд створки храмовых врат.

...Над пылающим костром, разожжённым перед изваянием Тааль, жрец соединил руки молодых супругов.

— Одна жизнь... — еле слышно произнесла Энеата.

— ...один путь, — непривычно мягко продолжил Асахир, и голос его чуть дрожал.

И жрец провозгласил:

— Перед богами и людьми, отныне и навеки ты, Энеата, дочь Хурсана из Арка, — жена Асахира. Ты, Асахир, сын Эллашира, — муж Энеаты.

Энеата смущённо улыбнулась, поднимая голову и глядя на Асахира — теперь уже своего супруга. Но Асахир, повернувшись к жене, вдруг замер, воззрившись куда-то поверх рыжеватой головы.

— Асахир? — осторожно спросила Эне.

Вместо ответа военачальник молча взял Энеату за плечи и развернул в ту сторону, куда так неотрывно и напряжённо смотрел.

В полутёмном зале оказался лишний гость. Беловолосая Зара спокойно сидела на жертвеннике Ирутара у боковой стены, словно на скамье, и с холодной усмешкой смотрела на собравшихся.

— Что?! — возмутился подобному святотатству жрец, увидев устроившуюся на алтаре девушку. — Как...

Договорить он не смог — серый туман, неожиданно резко окутавший сутулую фигуру жреца, на долю мгновения скрыл его от взглядов, а после, так же быстро растаяв, оставил рухнувшего на пол служителя лежать без чувств.

— Поздравляю, дорогая сестра. Поздравляю, военачальник.

Энеата краем глаза заметила, что Асахир привычным движением потянулся к поясу, собираясь достать меч. Вот только оружия при нём в этом раз не было.

— Ты не пригласила меня на свадьбу... — голос колдуньи звучал горестно и оскорблённо. — Тоже мне, сестра. Я не ждала от тебя такой неучтивости. Я вижу там снаружи толпы народа... Похоже, весь город приглашён. А сестру забыла?

— Зара, — обречённо выдохнула Энеата. — Я знала, что ты придёшь.

— Но надеялась, что попозже, — хмыкнула та. — Верно?

— Эне, ты можешь сделать так, чтобы она не скрылась за своими трусливыми обманками? — прорычал Асахир, зло глядя на колдунью.

— Иди поищи свой меч, ничтожество, — равнодушно отозвалась Зара, не изменившись в лице.

— Чего ты хочешь, Зара? — настороженно спросила Энеата.

— Хм, — задумчиво протянула Зара, отводя взгляд и делая вид, что усердно размышляет. — Даже не знаю. Кстати, милая Ата, ты узнаёшь это место?

Энеата не ответила, желая оглядеться, но боясь потерять из виду колдунью.

— А ты, Дарий? — повернувшись к неподвижному Асахиму, задала вопрос Зара.

— Дарий?.. — растерянно произнесла Энеата.

— Разве ты не узнала, сестра? Посмотри на него, Ата. Я наконец вспомнила, где видела его прежде. Даже я узнала эти глаза, хоть и наблюдала издали. В первый из тех дней, когда ты должна была умереть, но выжила, он увёл тебя из огня пожара. Во второй он спас тебя от разбойников. В третий... Я была уверена, что вас обоих здесь убили. В этом храме, где вы надеялись спрятаться от жрецов. Это было так глупо. Все знают, что у идшарцев нет чести. Убить в святилище — что может быть проще. Правда, военачальник? Но увы. Я ошиблась. Твой драгоценный Дарий дал тебе дожить до прихода Хурсана.

Энеата, замерев, смотрела на ничего не понимающего Асахира. Так значит, эти смутные воспоминания вовсе не были бредом! И как, в самом деле, она могла не узнать эти невероятно зелёные глаза...

— Давно это было, — подвела итог Зара, не дождавшись ни одного ответа.

— Тебе мало прошлой встречи? — снова встрял Асахир. — Умей проигрывать достойно!

— А ты умеешь? — ласково спросила беловолосая ведьма.

— Я не проигрываю. Никогда.

— Я стремлюсь к тому же, милый Дарий.

— Что ты задумала на этот раз?

— Просто пришла поздравить вас. Скажи, сестра: ты счастлива?..

Энеата только растерянно переводила взгляд с Зары на Асахира, не зная, что делать дальше; Асахир, похоже, как и прежде, видел единственный выход. Медленно двинувшись вперёд, он ещё раз произнёс:

— Просто не дай ей спрятаться, Эне.

— Просто... — эхом повторила Зара.

Её очертания тут же растаяли лёгким белёсым туманом, исчезая. Звонкий смех зазвучал ниоткуда, отражаясь от стен.

— Не боишься гнева богов, военачальник?.. — появившись в другом конце зала, насмешливо спросила Зара. — Ты же хочешь убить в святилище. Ах, ах, какой ужас.

Асахир метнулся к ней, но вновь обманчивый облик растаял, рассыпаясь на тысячи искрящихся огоньков.

— Эне! — раздражённо воззвал Асахир, ища хищным взглядом очередное пристанище колдуньи.

— Видишь, сестра? Он хочет убить меня, — она смеялась, и этот ледяной смех пугал и злил. — Что же ты ему не помогаешь?..

Эне попятилась назад, отступая к стене. Страх объял её, и она растерянно глядела по сторонам, не зная, что ей делать.

Зара возникала то там, то тут, и Асахир тщетно рвался к колдовскому мороку. А серый плотный туман, поднимаясь от каменного пола, заполнял зал, скрывая очертания предметов и людей непрозрачной дымкой.

— Эне... — ещё раз позвал Асахир, нуждаясь в её помощи, и голос его затих, потерявшись в тяжёлом тумане.

Эне отчаянно призывала силу Ахарта. Но свет дрожал и мерк, растворяясь в тумане.

В храме стало слишком холодно. Праздничный огонь в каменной чаше погас, опутанный колдовским маревом. В темноте и промозглой сырости не было видно ни зги. Мрак подбирался всё ближе, сдавливая тело Эне, мешая дышать, не давая думать. Колючим

холодом, проникавшим, казалось, до самого сердца, жгучей ледяной болью откликнулся каждый вздох.

— Что же ты, родная? — ласково шелестел голос Зары. — Смотри... смотри... я же убью его, сестра...

— Зара... — отчаянно воззвала Энеата.

— Покажи, что ты умеешь, сестра. Я здесь ненадолго, хочу полюбоваться напоследок. Жаль, ты не видишь в тумане так хорошо, как я. Тебе бы понравилось посмотреть на твоего дружка. А... мужа, прости — забыла.

— Зара!..

— Как же ты могла, сестра? Они же убили нашего отца. Как ты могла якшаться после этого с идшарцами, Ата? Почему ты не отвечаешь?..

— Я... не могу... говорить... — еле слышно выдохнула Эне, пытаясь вырваться из душащих объятий колдовского марева.

— Ах, точно... Как же я всё время забываю, — рассмеялась Зара. — В этом тумане дышать непросто. Как думаешь, твой дражайший супруг ещё не задохнулся? Эй, военачальник! Наверное, ты бы... А-А-А!!!

Туман развеялся так же быстро, как и возник. Съехав по стене вниз, Эне, торопливо отдышалась, открыла глаза и увидела, что Зара лежит на камнях пола, пытаясь подняться на дрожащих руках.

Асахир стоял чуть поодаль, тяжело и быстро дыша, опираясь локтем на стену.

— Асахир? — растерянно глядя на военачальника, позвала Эне.

— Ты в порядке? — хрипло спросил Асахир.

Энеата коротко кивнула. А Асахир достал из потайных ножен под складкой накидки короткий нож. Увидев это, Зара резко перевернулась, откатываясь к стене и прижимаясь к ней спиной. В льдистых светлых глазах Энеата впервые увидела страх — похоже, Зара совсем не верила в подобный исход поединка.

Зара дёрнулась, пытаясь поднять ладонь в чародейском жесте. Туман коснулся её тела, вновь собираясь вокруг колдуньи, но Асахир мгновенно метнулся вперёд, и Заре пришлось отказаться от чар, попросту сбегая от военачальника. Он догнал её почти рядом с алтарём, неожиданным движением сбив с ног. Зара снова упала на пол — теперь уже возле Эне. На миг подняв глаза и встретившись с разъярённым взглядом Асахира, Энеата поняла, что военачальник собирается убить её сестру.

— Нет! Асахир!!! — бросившись между ними, Энеата загородила собой Зару, повиснув на занесённой руке воина.

Асахир замер, удивлённо и недовольно глядя на Энеату.

— Дай мне с ней поговорить, — уже спокойнее попросила Эне.

— Ещё пара мгновений покоя — и она снова начнёт колдовать, — возразил Асахир.

— Пожалуйста, отойди.

— Нет.

— Я прошу. Мне надо сказать ей... многое. Пожалуйста, Хиру!

Тот застыл, отвлечённый так непривычно звучащим из уст Эне ласковым «Хиру». Наконец кивнув, он опустил руку с занесённым клинком и сделал шаг назад, не сводя, впрочем, с Зары внимательного взгляда.

Энеата села на пол рядом с Зарой, вжавшейся спиной в стену. Та затравленно смотрела на неё звериным взглядом и молчала. Энеата, пристально глядя сестре в глаза, начала:

— Зара! Слишком много бед уже произошло. Ты тоже принесла мне много горя. Я знаю, всё это лишь потому, что тебе самой причинили слишком много боли. Я не хочу, чтобы ты ненавидела меня, но понимаю, почему так происходит. Зара... Прости меня! Я не знала ничего о прошлом, но то, что ты рассказала, объясняет всё. Ты настрадалась. Но мир не так зол, как ты думаешь! Позволь мне хоть как-то загладить свою вину и вину нашего отца. Прости! Дай мне возможность... доказать тебе, что не все люди желают друг другу зла. Дай мне назвать тебя сестрой. У нас будет всё, что нужно — дом, семья...

— Всё это было нужно мне много лет назад, — ответила Зара. — Теперь поздно. Нельзя набрать воды в разбитый кувшин.

— Дай нам возможность... дай себе возможность начать всё заново.

— Так не бывает, милая Ата. Да и прощать я не умею.

Поток силы отшвырнул Эне назад. Асахир метнулся к Заре, но ему путь словно преградило невидимое препятствие, остановившее его. Зара бросилась наутёк.

— Отсюда пора бежать, — сообщила Зара, лишь на мгновение остановившись у выхода.

Этого мгновения хватило, чтобы брошенный Асахиром нож воткнулся в плечо колдуньи. Она вскрикнула, пошатнувшись. Асахир рванулся вперёд. Выдернув лезвие из плеча Зары, он вновь размахнулся.

— Нет, Хиру, не надо!..

Энеата в порыве закрыла ладонями глаза.

Но раздался неожиданный звук — лязг клинка о клинок. Энеата вновь обернулась к происходящему и изумилась, увидев в арке прохода предателя Римиара.

Отбив удар Асахира, жрец умудрился оттолкнуть воина назад, защищая ползущую назад Зару.

— Что?! — рявкнул Асахир.

— Я не дам тебе убить её, — прорычал Римиар, вставая в стойку и держа наготове меч.

— Ты?.. Ты жив?!

— Ты?.. — отпрыгнув в сторону и вытаращив глаза на жреца, растерянно произнесла Зара. — Дурак... Так ты... правда пришёл?..

Римиар не отвечал, сосредоточенно следя за движениями байру.

— Тебя убьют!..

— Ты предал нас, — прорычал Асахир.

Римиар только кивнул, готовясь к нападению.

— Беги, безмозглый осёл! — отчаянно закричала Зара, зажимая рану ладонью.

— Беги, Зара! — с холодной обречённостью ответил Римиар.

Первый удар Асахира Римиар отбил, пользуясь преимуществом в оружии. Но военачальник был гораздо сильнее и ловчее жреца, и лихо выбил клинок из руки Римиара.

— Зара, беги! — настойчиво повторил Римиар. — Я долго не продержусь!..

Успев неожиданным движением метнуться вниз и вновь подхватить меч, Римиар рванулся в сторону, пытаясь отвести Асахира подальше от Зары.

— Беги же!..

Но та застыла, глядя на него широко распахнутыми глазами.

— Ты это... для меня?.. — растерянно пробормотала она.

— БЕГИ!!! — успел выкрикнуть Римиар, прежде чем мощный удар Асахира сбил его с ног, на этот раз не давая надежды подняться.

— Хиру! — громко взмолилась Энеата.

— Рим!.. — одновременно с ней истошно выкрикнула Зара.

Асахир подхватил меч, выпавший из руки Римиара.

— Нет!!! Стой! — заорала Зара, бросалась вперёд и тут же упала, зажимая рану рукой.

Пальцы залило кровью. — Я разбудила Сердце Гор!..

Асахир замер, держа занесённый клинок. Байру и Энеата одновременно воскликнули:

— Что?!

— Секhmeар... Я расставила знаки, ведущие к Идшару... Они будут здесь после полудня...

Асахир и Эне нервно переглянулись. Оба считали Сердце Гор сказкой, но, раз об этом говорила Зара...

Древний народ сехмеров когда-то давно, теснимый пришедшими в эту землю идшарцами, скрылся далеко в горах, с тех пор названных их именем. Секhmeаром Сердцем Гор звали Спящего Хранителя народа, и его пробуждение обещало сехмерам, хранящим тайны прошлых колдовских времён, победоносное возвращение на земли, когда-то принадлежащие им.

— Не убивайте Рима, — очень тихо попросила колдунья. — И я остановлю Сердце Гор.

— Кто поверит лгунье? — хмуро произнёс Асахир.

Но Энеата уже подняла ладони, и тёплый свет коснулся раны Зары. Зара всхлипнула, закусив губу и закинув голову. Римиар дёрнулся, но его остановил удар Асахира.

— Эне!.. — с мольбой в голосе Асахир пытался воззвать к благоразумию жены. Но сострадание в той было по-прежнему сильнее рассудка.

Несколько мгновений — и Энеата опустила ладони, а Зара открыла глаза, косясь на рану, которой не было.

— Вставай, — твёрдо произнесла Энеата, протягивая сестре руку. — Вставай, сестра.

Та не приняла предложенной ладони. Осторожно выпрямилась сама, неотрывно глядя на поверженного Римиара.

— Воинам не победить Сердце Гор, — тихо произнесла Луна Ахарта. — А мы с Эне — сможем. Отпусти Рима, военачальник.

— Нет. Этот пёс, — он пнул Римиара, — побудет залогом твоей покорности, ведьма. Энеата, выйди и позови стражу.

В этот раз Эне не спорила. Бегом направляясь к выходу, Энеата всё же видела, как раненная Зара закрыла глаза и опустилась на пол.

Жители окрестностей спешили укрыться за городскими стенами, горожане прятались под крышами домов; воины Идшара строились на улицах с оружием наготове, ожидая приказов.

Зара под присмотром нескольких неизвестных Энеате жрецов что-то чертила на сухой земле, не отвлекаясь на злые взгляды незнакомцев. Асахир стоял чуть в стороне, поджидая жену.

Кивнув Асахиму, Энеата подошла к сестре. Следом за ней к узорам на земле подошёл и сотник Азмар, тут же возвестивший:

— Асахир, твоя драгоценная жена сошла с ума и убьёт нас всех.

— Нас всех убьёт Секhmeар, — отозвался Асахир.

— Эта ведьма — наш враг, если ты забыл! Она предаст!

— Тогда её приятель отправится к праотцам, — нарочито громко отозвался военачальник.

— Пусть воины отойдут дальше от стен, — строго велела Зара, делая вид, что не слышала слов байру. — Надо биться в поле.

— С чего это?! Тебе-то, конечно, охота нас всех в мир иной отправить, — раздражённо воскликнул Азмар. — Но, как по мне, биться в поле, когда рядом надёжные укрепления...

— Азмар, смолкни, — резко приказал Асахир и обратился к колдунье: — Почему отойти?

— Мастера камня, — коротко ответила та. — Стены опасны.

— Боги! — обречённо воскликнул Азмар. — Мне надоело смотреть на оживающие сказки. Дайте мне настоящих, человеческих врагов!..

Но на воззвание сотника, похоже, никто не обращал внимания.

— Ты стой подальше от меня, сестра. Так больше... — она прикусила губу, не желая продолжать, но всё же пересилила себя и сказала: — Если одну из нас убьют, вторая сможет продолжать...

— Если Эне убьют, я лично отрежу голову Римиару, — холодно обещал Асахир.

Зара посмотрела на него самым недобрим взглядом из возможных:

— Сам попробуй дожить до этого, военачальник.

Ответный взор Асахира тоже не казался кротким. Напряжение между неожиданными союзниками разрушил один из жрецов, сообщив:

— Всё, последний знак. Готово?

— Готово, — отворачиваясь от байру, хмуро произнесла Зара. — Теперь уходите, вы все. Здесь будем только мы с Атой.

— Не забудь моих слов, — напомнил Асахир.

— Не забуду, — ледяным голосом пообещала Зара. — Никогда не забуду, военачальник.

Сделав шаг в сторону города, Асахир остановился и, немного подумав, подошёл к Эне.

— Мне надо идти, — произнёс он.

— Ты же байру, — грустно улыбнулась Энеата. — Иди, командуй.

— Мы оба переживём этот день, — уверенно сказал Асахир.

— Да, — согласилась Энеата, но в её голосе звучало сомнение.

Несколько мгновений глядя в лазурные глаза жены, Асахир молчал. Наконец, резко наклонившись, он на мгновение крепко сжал Эне в объятиях, а потом, развернувшись, спешно зашагал прочь. Сотник и жрец последовали за ним.

— Они сдержат обещание? — тихо спросила у сестры Зара.

— Да.

Зара отошла в сторону, вставая в круг расчерченных символов.

— Готовься, — сказала колдунья. — С людьми разберутся люди. А мы немножко потревожим Хранителя.

— Я даже не знаю, чего именно ждать, — призналась Энеата.

Зара обернулась, глядя на асу странным взглядом.

— Я тоже, — призналась колдунья.

Глава 29. Последняя битва

Асахир молча подошёл к сидевшему на земле Римиару, держа в руках его меч. Воины,

охранявшие предателя, склонились перед военачальником, ожидая указаний.

— Эсин дарует тебе возможность смыть позор, — холодно произнёс байру, бросая клинок к ногам жреца. — Иди и докажи, что достоин жизни.

Тот подхватил оружие, резко встал, но по-прежнему не поднимал взгляда на военачальника.

— В строй, — хмуро велел Асахир.

Окружавшие Идшар горы в этот раз сыграли скверную службу. Защищавшие от разбойников соседних городов природные стены не были препятствием для горного народа, зато скрыли приход врагов от глаз дозорных. Тревожный зов идшарского рога разнёсся над воинами, когда орды сехмеров уже покрыли склоны гор.

Но спешно встававших в строй сынов Эллашира не пугали полчища врагов, к какому бы древнему народу они не принадлежали; зато странные чудовища, следовавшие за первыми рядами сехмеров, могли впечатлить даже опытных воинов. Странные существа огромных размеров, похожие на ожившие каменные статуи...

— Лучники! Пращники! Готовьтесь! — приказал Асахир, проходя сквозь строй воинов к первым рядам, хоть и не верил, что какое-то оружие сможет пробить каменное тело голема.

Убрав в ножны меч и взяв в руки любимое копьё из небесного железа, военачальник Идшара остановился перед войском, вглядываясь в приближающихся врагов.

— Готовь щиты, — велел он.

Часть сехмеров остановилась на склоне, не идя дальше. Хотя облачённых в чёрно-серые одежды врагов сложно было увидеть на тёмных камнях, по этому движению Асахир узнал в них стрелков. Тот же вывод, похоже, сделал и Азмар, стоявший со своей сотней неподалёку.

— Надо бы подойти, чтобы лучников подбить, — посоветовал Азмар, обращаясь к Асахиру.

— Ждём здесь! Там камни.

— Ты же не веришь этой ведьме?!

— Я не хочу рисковать людьми. Стоять на месте! Щиты наготове!

Азмар недовольно покачал головой.

Но воины сехмеров, похоже, всё же желали битвы у склона гор. Прозвучало воззвание их боевого рога — пронзительный, отрывистый звук. Но сехмеры остановились, не спускаясь дальше.

— Да дайте же их уже сюда, — буркнул Азмар, сжимая рукоять меча. — Что встали-то...

— Замолчи, — рассердился Асахир. — Стой молча.

Неподвижно замершие войска той и другой стороны, похоже, простояли бы так ещё долго, не желая терять выгодного расположения. Но от подножия горы вдруг начал подниматься мгlistый туман, густой, непрозрачный, мерцающий странным свечением.

Вдали снова простонал боевой рог сехмеров. От склонов гор до ушей идшарцев донеслись истошные крики.

— Что ещё? — застыл Азмар.

— Зара, — коротко произнёс Асахир. — Думаю, сейчас они всё же сдвинутся с места.

Несколько мгновений громких воплей — и сехмеры вырвались из завесы холодного марева, потоком схлынув с горы к ждавшим их идшарцам. Бегом устремившись на врагов, невысокие коренастые сехмеры, облачённые в тёмные одеяния из шкур и шерсти, потрясали оружием, ударяя клинками в металлические щиты. Идшарцам, привычным к войне, это вряд ли показалось бы пугающим, но вот Эне застыла, надеясь только, что всё скоро закончится.

Звон, гул, лязг и крики покрыли поля Идшара, а вслед за воинами-людьми со склонов гор спустились и каменные големы.

Ряды воинов уже схлестнулись в битве; лязг оружия и гулкие стоны боевых рогов заглушали все иные звуки... до поры до времени. Три десятка големов, отставших у склона горы, окружая кольцом самого крупного, вдруг одновременно шагнули назад. Огромные каменные ладони сомкнулись на выступах гор, попросту отрывая куски породы от скалы.

— Ой-ой, — присвистнула Зара. — Смотри, сейчас будет весело.

Весело не было. Живые метательные машины принялись швырять огромные в валуны в ряды воинов; Энеата в ужасе замерла, пытаясь придумать, как помочь.

— Слепи! — сердито закричала Зара, явно не терявшая в опасных условиях способности быстро соображать.

Вспышка света заполнила пространство, заливая поле и склоны гор невыносимо ярким сверканием. Зара вскрикнула, прикрывая светлые глаза ладонью. Энеата, так же хорошо видевшая в этом сиянии, как Зара в тумане, обрадовалась — каменные исполины застыли с булыжниками в руках, не зная, что делать.

— Хватит! — выкрикнула Зара. — Дай-ка теперь я!

Свет угас, поглощённый тёмной пеленой серебристого тумана. Колдовское марево рисовало смутные очертания людей и зверей; големы, замершие оставшиеся среди чар, принялись швырять камни в обманные видения, поражая своих союзников. Но даже когда големы рассыпались на части, приняв слишком мощные удары, они вновь собирались в человекоподобные живые статуи.

— Когда появится самый большой — кричи, — закрывая глаза и сосредотачиваясь на чарах, потребовала Зара.

— Что кричать?! — испуганно отозвалась Энеата.

— Да что хочешь! — рассерженно буркнула Зара.

Зара уселась в круге, закрыв глаза и крепко сжав побелевшие ладони. Колдовской туман начал опутывать склоны гор, скрывая големов и отставших сехмеров из виду. Энеата ждала указаний от сестры, растерянно глядя на происходящее.

— Зара, — осторожно позвала она. — Я же тоже в тумане ничего не вижу...

— Его — увидишь, — пообещала Зара, не размыкая век.

Того самого «его» Энеата действительно увидела, как и обещала Зара. Исполинский каменный голем, казалось, просто отделившийся от толщи горы, размером мог потягаться с самой большой из крепостных башен Идшара.

— Самый большой! — истошно закричала Энеата — так громко, как только могла.

Зара резко обернулась на крик, открывая глаза.

— Эх, сейчас бы мой пёсик пригодился, — пробормотала она, разглядывая огромное чудовище. — Это Секhmeар.

— Это и есть Сердце Гор?.. — протянула Энеата, вытаращившись на исполина.

— Да нет, — рассмеялась Зара. — Сердце Гор у него внутри. Вот разберем его на камушки — будет веселье...

— А как?! Посмотри на это...

— Да брось, — раздражённо отмахнулась Зара. — Всё, что существует, может перестать существовать. Иногда надо немного помочь. Идём!

Зара рванулась с места, бегом направившись к стоящему у склона исполину.

— Прямо туда?! — в ужасе выдохнула Энеата, впрочем, тут же устремляясь вслед за сестрой.

— Скройся! — насмешливо напомнила Зара.

Энеата тут же опутала себя чарами, скрывая от людских взглядов. Зара остановилась всё же в стороне от разгара событий, вопреки опасениям Энеаты — возле небольшого колодца, стоявшего посреди полей, ближе к склону горы. Встав, Зара огляделась.

— Короче, дело такое... камень надо вынуть. Тогда, считай, дело сделано.

— А как?..

— Пф. Сама справлюсь. Просто стой тут! — приказала Зара, посмотрев на Энеату. — Когда я подойду — ослепи их! Только когда очень близко... Иначе я тоже ничего не увижу.

Энеата кивнула. Беловолосая колдунья спокойно и размеренно, словно ничего не боясь, зашагала туда, где окруженный големами Секхмеар Сердце Гор застыл, не шевелясь, словно обычное изваяние слишком большого размера.

— Секхмеар!.. — невыносимо громко зазвучал голос беловолосой девушки, казалось, сотрясая камни гор.

Зара на пару мгновений закрыла глаза, поджав губы. Усмирив волнение, она повторила своё воззвание.

Исполин шевельнулся, разворачивая гигантское тело на крик. Энеата увидела сверкнувший в солнечных лучах блестящий серый камень, торчащий где-то глубоко в груди каменного гиганта. Так вот о чём говорила Зара — Сердце Гор...

Рука живого изваяния потянулась в сторону. Огромный кусок скалы с громоподобным грохотом оторвался от основания; великан размахнулся, собираясь швырнуть скалу в посмевавшую призвать его имя крохотную фигурку. Но на том месте, откуда Зара кричала, колдуни уже не было. Зато несколько совершенно одинаковых обманных видений рассыпались по полю, крича и привлекая внимание исполина. Наконец чудище, похоже, выбрало наиболее привлекательную цель, швырнув огромный камень в один из силуэтов.

Едва валун приземлился, на половину своего веса войдя в землю, Зара снова появилась. Только теперь она бежала бегом, спеша подобраться к врагу. Исполин сделал медленный, но широкий шаг навстречу, значительно сокращая расстояние между ними. Каменный кулак взлетел вверх, размахиваясь и собираясь просто раздавить нахальную букашку.

— Пора! — голос Зары словно прозвучал над самым ухом, и Энеата, призвав силу Ахарта, вновь ослепила врагов и союзников невыносимо ярким светом.

Страшный звук, похожий не то на грохот сходящей лавины, не то на крик раненого зверя, накрыл окрестности, вселяя ужас в сердца и сехмеров, и идшарцев. Каменные пластины, которыми был покрыт исполин, с диким треском рассыпались на мелкие булыжники. Горный великан широко размахивал огромными руками, от которых на многие шаги вокруг отлетали тяжёлые камни, словно пытаясь отмахнуться от невидимых гигантских мух; шатаясь из стороны в сторону, не то убегая, не то надеясь задеть врага, каменный ужас давил големов поменьше. В ужасе разбегались в стороны сами сехмеры, боясь попасть под жуткое подобие града.

— Помогай!.. — перекрыл нестерпимый шум громогласный зов Зары. — Силы на

исходе!..

Энеата не видела Зары. Похоже, колдунья была где-то там, под ногами исполина; асу почувствовала её присутствие, но не знала, чем помочь. Энеата изо всех сил вглядывалась в потерявшего скальную броню великана, надеясь найти более уязвимое место. Взгляд на мгновение задержался на блестящем под каменными пластинами груди голема серебристым камнем. Холодный железный блеск, теперь куда более явно заметный, дал понять — Сердце Гор не было камнем. Это был металл.

Энеата вскинула руки, зажигая в ладонях пламя. Чары коснулись сердца голема, стараясь нагреть его. Асу закрыла глаза, отчаянно призывая все доступные ей грани колдовства. Солнечный источник Ахарта, похоже, и в самом деле был бездонен. Теряя всё больше сил, она лишь черпала ещё больше новых, постепенно теряя способность управлять ими.

Шум становился невыносимым. Энеата хотела закрыть уши руками, но не могла шевельнуться. Воля пробуждённого Ахарта, всего на несколько мгновений утратившего границы, теперь оказывалась сильнее её собственной.

Энеата с трудом раскрыла веки. Белёсое свечение расплавленного металла сверкало внутри каменного изваяния. Последний рывок в попытке пристукнуть огромным кулаком мелькнувшую у ног гиганта Зару — и каменный исполин, на мгновение замерев, рухнул на землю.

Крики сехмеров, в ужасе разбегавшихся в стороны, заглушил боевой клич идшарцев и гул рога. Но пламя Ахарта не угасло, победив врага. Оставив россыпь валунов, мгновение назад бывшее големом-великаном, жар охватывал землю вокруг, поджигая траву и кусты, раскаляя почву.

Энеата пыталась остановиться — и не могла. Огонь не мерк на безвольно поникших руках.

— Зара! — отчаянно закричала Энеата, надеясь на помощь сестры. — Зара! Помоги мне!..

Та не отвечала.

Трудно было сказать, кого падение каменного исполина впечатлило сильнее — веривших в его непобедимость сехмеров или идшарцев, прежде не выдавших ничего подобного. Едва великан рухнул на землю, замерли без повелевавшей ими воли и другие големы; большая часть сехмеров тут же бросилась врассыпную, роняя оружие, потеряв надежду на победу.

Оставшиеся пытались биться, прикрывая отступавших к горам. Последние столкновения, уже похожие на разрозненные стычки, случились на склонах; рог трубил победу, когда остатки воинов Секхмеар ещё были живы. Асахир, передав командование Азмару, помчался к поляне у горы, где перед боем оставил Энеату и Зару. Военачальник бежал так быстро, как никогда прежде, спеша убедиться, что его жена цела.

Пламя охватило землю вокруг одинокой фигурки, сжигая растения; стена огня, окружившая поляну всё сжимавшимся кольцом, подбираясь к безвольно лежащей Энеате. И вот теперь Асахир вспомнил, отчего Энеата всегда казалась ему песней, которую он прежде слышал, но никак не мог узнать.

...Священное пламя храма раскрашивало кирпичные стены в мрачные кроваво-красные

оттенки, чёрные тени дрожали на резных плитах. Лик богини Тааль, высеченный в колонне над жертвенником, казалось, с отвращением взирал на копошение смертных. Нет, она не собиралась помогать, и они напрасно искали у её ног спасения... Малышка всхлипнула и крепче вцепилась в руку своего единственного защитника.

— Дар-рий... — испуганно прошептала она, призывая мальчишку...

Он вспомнил. С отчаянным криком «Ата!..» военачальник бросился сквозь стену пламени, не обращая внимания на дым и жгущую боль.

...Азмар же остановился посреди поля прошедшей битвы — там, где рассыпались осколки големов. Среди тел сехмеров и кусков камней сотник вдруг заметил белоснежные волосы распластавшейся на земле колдуньи.

— Камушек... тяжёлый, — прошептала Зара, увидев склонившегося над ней Азмара.

— Потерпи, — на удивление дружелюбно произнёс Азмар, осторожно касаясь ладонью окровавленной головы Зары. Похоже, сестра Энеаты не успела увернуться от камня, отлетевшего от Секхмеара. — Я позову лекаря.

Зара схватила сотника за запястье, не давая тому уйти.

— Рим, — выдохнула она. — Не убивайте... Вы обещали... обещали...

Азмар поджал губы, не зная, как сказать Заре о том, что Римиар бездыханным лежит неподалёку.

Но ему не пришлось. Лицо Зары вдруг резко изменилось. Тёплая улыбка коснулась алых губ, а намокшие от слёз светлые глаза блеснули счастьем.

— Мама!.. — радостно выдохнула девушка, прежде чем её сердце замерло навсегда.

Эпилог

...Войско Идшара возвращается домой. В очередной раз воины Эллашира идут ровным строем по стоптанной пыльной дороге, возвращаясь к женам, матерям, детям. В очередной раз светловолосая женщина спешит на верх городской стены, чтобы оттуда взглянуть в ещё далёкие, едва различимые очертания, надеясь высмотреть среди множества воителей силуэт мужа.

Стражи на лестницах почтительно склоняют головы перед женой военачальника, расступаются, пропуская её вперёд. На крыше она останавливается, застывая изваянием.

— Не беспокойтесь, госпожа Энеата, — утешающе говорит один из стражников. — Если бы что... давно бы весть прилетела.

Она не отвечает, слишком сосредоточенно изучая горизонт. Сердце бешено бьётся и замирает; Энеате кажется, что она лишится чувств, если не увидит Асахира сей же миг.

Взгляд нервно скользит от воина к воину, отчаянно желая поскорее узнать высокую фигуру славного воителя. Энеата прикусывает губу, борясь со страхом.

— Жара сегодня, госпожа. Спуститесь вниз, там тень, — советует стражник.

Но Энеата не отвечает и не двигается с места, пока напряжённый и уставший от солнца светлый взгляд не различает вдали знакомую крупную фигуру и взъерошенные чёрные волосы.

На бледной щеке, щедро усыпанной веснушками, блеснёт счастливая слеза, и Энеата, дочь Хурсана из Арка, жена идшарского военачальника, помчится к городским воротам, чтобы скорее обнять любимого мужа.

Больше книг на сайте - Knigoed.net